

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир Бутенко

Искушение Микеланджело 3

Александр Мосиенко

Дед Макар и Макариха 111

Владимир Маляров

Если корни живы... 164

Эльбрус Скودтаев

Прозрение 223

Олег Солдатов

Новеллы 240

ПОЭЗИЯ

Нина Попова

Стихотворения 89

Екатерина Полумискова

Стихотворения 100

Елена Гончарова

Стихотворения 156

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иван Аксенов

Еще раз о литературном

мастерстве 249

КРАЕВЕДЕНИЕ

Николай Блохин

Семья Орфановых 276

Олег Воропаев

Мастер 293

Главный редактор

Владимир Бутенко



*Литературное
Ставрополье
№ 4 (2024)*



УДК 821.161.1(470.630)-8
ББК 84(2-411.2)64
Л 64

Редакционная коллегия:

Н. Блохин, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Куприн, Е. Полумискова,
С. Скрипаль

Литературное Ставрополье. Альманах
Л 64 № 4 (2024). – Воронеж: ООО «Славянская
Типография», 2024. – 304 с.
ISBN 978-5-6052245-3-2

УДК
821.161.1(470.630)-8
ББК 84(2-411.2)64

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

ISBN 978-5-6052245-3-2



9 785605 224532 >

ИСКУШЕНИЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Роман

Пролог

...Еще вечером по городско-
му взгорью клубился туман,
в камине уныло гудел ветер,
раздувая уголья. А утро нега-
данно встретило солнцем,
трелями скворцов, свежестью
травки на дворцовых куртинах
и тиховейным ароматом роз –
в январской Флоренции такое
порой случается, – и впервые
за многие месяцы пребывания
на чужбине их души согрелись
благословенной радостью,
сродни той, что окрыляет в дни
размашистой русской Масле-
ницы.

После тесноты съемной
квартиры хотелось, как в дет-
стве, безмятежно улыбаться и
без конца бродить по гулким
улицам. И от этого движения
стали свободными, и ступали
они шаг в шаг в причудливом
кружеве теней и света. Досто-



**Владимир
БУТЕНКО**

Проза



евский, засидевшийся ночью за рукописью, хорошо выспался, был бодр и оживлен и не мог унять восхищения красотой преображенного города. То удерживал взгляд на вознесенном впереди храме Санта Мария дель Фьоре, то оглядывал розарий у дворца Питти, за которым шумела полноводная Арно, то засматривался на молодую жену.

Перейдя мост, они повернули к Соборной площади. Вблизи величественного фасада базилики, с множеством статуй и архитектурных украшений, по привычке остановились, испытывая душевный трепет. Не укладывалось в сознание, что венчающий ее купол Брунеллески «осеняет народы Тосканы» четвёртое столетие. Почему-то здесь, в начале лабиринта улочек, древних башен и парков, течение времени неведомым образом теряло раздробленность на эпохи, воспринималось неразрывно, единым потоком...

Вслед за женой к баптистерию Сан-Джованни, стоящему по другую сторону площади, повернулся Федор Михайлович. Он пристально, уже в который раз, по деталям принялся рассматривать рельефные панели восточной бронзовой двери. И, не сдержав волнения, объявил:

– Если разбогатею, я закажу себе ее фотографию в натуральную величину и повешу в кабинете! Дело не только в библейской тематике, но, прежде всего, в таланте Гиберти. По праву созданное им творение называют «Врата рая»!

– Так пошло от Микеланджело. Увидев ее впервые, скульптор воскликнул: «Эта дверь так прекрасна, что достойна быть вратами рая».

– Гении Ренессанса соотносили свое искусство с миром Небесным. Гуманизм и красота в то время проистекали из идеи богоравного совершенства. Флоренция – это и град обетованный для художника, и высший для него суд. В сопоставлении с шедеврами определяется твое истинное дарование. И суд этот справедлив и беспристрастен. Подобно тому, как птица с большой высоты по-иному обозревает землю. И замечает то, что видно только издали.

– Славно, что мы перебрались сюда из Милана, – оторвавшись от раздумий, улыбнулась Анна Григорьевна и взяла мужа под руку. – Жилье совсем недорого. Народ приветливый... Солнышко! А ты, хотя и работаешь много, даже помолодел...

– Были бы друзья рядом да церковка православная, то лучшего и не пожелаешь, – шутливо отозвался Федор Михайлович, шаря по карманам пальто. И, не найдя забытого портсигара, живо добавил: – К тому же, здешняя читальня отличается богатством книг и есть свежие русские газеты.

– В одном городе – фрески Рафаэля, полотна Леонардо и Боттичелли, скульптуры Венеры Медицейской и Давида... И красоте божественной нет предела!

– Всё же Петербург сердцу ближе.

– Но ведь это совсем другое... Первозданное! Потому мы и любим свою столицу, что архитектура ее создана итальянцами... Послушай, сегодня у тебя день отдыха. Мы ни разу не бывали в капел-

ле Медичи¹. Я читала, что проектировал ризницу Микеланджело, он же изваял для нее фигуры.

– Анечка, я не ценитель надгробий, – заволновался муж. – Нужно ли в твоём положении рисковать посещением подобных мест? Господь послал нам испытание – надежду на ребенка. Твое здоровье мне всего дороже.

– Поэтому ты и спрятал том графа Толстого, присланный Страховым? Признавайся! – с нарочитой строгостью попеняла Анна Григорьевна. – Я помню, где он лежал, и никто, кроме тебя, не мог его убрать.

– Должно быть, затерялся в бумагах. Нельзя мне отвлекаться, роман близок к завершению. С князем Мышкиным я и сам стал несобранным. Не отправил вовремя заключительные главы – вот и нет гонорара от Стелловского. И зачем я заранее взял в «Русском вестнике» всю сумму! Только подумать – четыре с половиной тысячи... И почти ничего не осталось из-за моего дурного пристрастия к игре... Слава богу, здесь нет казино...

– Федя, не тревожь себя.

– Как же не тревожь? Я не могу отдать Тургеневу мизерный должок! А после наших объяснений в Баден-Баден, когда он назвал себя немцем, а не русским, я видеть его не могу...

– Тебе здесь хорошо работается.

¹ Капелла Медичи – Новая сакристия, пристройка к церкви Сан-Лоренцо, служащая усыпальницей, ризницей, гробницей представителей рода Медичи.

– Но не так быстро, как надеялся. Ничего нет хуже неудовлетворенности собой. Иной раз мнится: бумага черновика увядает, сморщивается. И физически ощущаю беспомощность... А там, где ладно, листы как будто светлеют, да-да... – Достоевский приостановился и продолжил скороговоркой. – Милая Аня, писательство подобно рулетке. Повезет – не повезет... А если ты одинок как перст? Страшно подумать: что было бы со мной, не окажись тебя рядом. Какая женщина способна делить со мной такую сумбурную жизнь? И недуг, и пороки принимаешь, страдая от сквернейшего моего характера! Я это сознаю и мучаюсь, всею душой мучаюсь на глазах у Господа... И презираю себя, что не могу дать тебе счастья, которого ты, любимая, достойна! Нам приходится считать гроши, постоянно сводить концы с концами... – с болью произнес Федор Михайлович и потерянно взглянул на жену. Поостыв, он с радостным замиранием в душе подумал, что вновь станет отцом. Новая беременность давалась Анечке нелегко. Третьего дня его настолько взволновало описание смерти в родах княгини Болконской, что не мог уснуть. Как ни велик роман, но все же решил оградить жену от этой книги.

– Бог милостив. Мы вдвоем, – ласково сказала Анна Григорьевна. – А счастье, как ты сам говорил, не может быть не выстраданным!

– Ты опередила меня... Те, кто предан друг другу, – и чувствуют, и мыслят в один такт, созвучно... Мы дорожим друг другом, точно в семье Микобер! – вспомнив о героях Диккенса,

рассудил муж. – Только бы никогда не знать горя, способного лишить рассудка. Как в дни, когда потеряли доченьку нашу, Сонечку...

– Я верю, Федя, всё сладится. Не думай о кредиторах и долгах. А капеллу давай все-таки посетим...

Федор Михайлович помрачнел, хотя по дороге по-прежнему поддерживал разговор. Вскоре они поравнялись с базиликой Сан-Лоренцо. Старейший в городе храм из неотесанного камня выглядел неприглядно. И, как выяснилось позже, состоял из нескольких, связанных между собой капелл. Войдя в святилище через главные ворота, они проследовали вдоль длинного коридора, отдающего застойной затхлостью, где под плитами покоились отпрыски рода Медичи. Ступени привели на возвышенный уровень церкви.

Капелла Принцев, первой встретившаяся по ходу, запомнилась пространством, изысканной отделкой высокого свода, фресками Донателло, инкрустациями из полудрагоценных камней на стенах. Анна, усвоившая обиходные фразы на местном диалекте, расспросила у служителя, как пройти в Новую сакристию.

Достоевский вошел в капеллу, держа свою Анну за руку. Бросилось в глаза необычное матовое освещение. Солнце, проникая через оконца купола, дробилось на стенах, облицованных мрамором и камнем разных оттенков: серовато-бежевого, голубоватого, белоснежного. Мозаичный пол зеркально отливал, отражая рассеянный поток света, – и это смешение лучей было восхититель-

но! Взгляд цепко примечал архитектурные детали, слитые в единой, невиданной по великолепию композиции, – фриз, пилястры, капители, декоративные оконца в темно-зеленом обрамлении.

Анна прошла к алтарю. А он обратился лицом к двум гробницам, расположенным по сторонам от входа, с возлежащими на них парными скульптурами. За каждой из них в нишах было изваяние полководца, сидящего на троне, выдающего в облике благородство и отрешенность от всего суетного.

Взгляд вновь задержался на парных скульптурах, немо охраняющих покой погребенных. Вопреки обычным аллегориям добродетелей, мраморные божества на широких наклонных крышках были изваяны в образах двух женщин и двух мужчин. Их сильные нагие тела (только лицо одного мужчины не было отделано до конца), выразительные позы, внушительный вид ратников-победителей, усложненный интерьер мавзолея – весь несравненный архитектурно-скульптурный ансамбль потрясал гармонией и совершенством, наводя на мысль о воле Провидения. Ненароком Федор Михайлович вздрогнул, – показалось, потянуло холодом из потустороннего мира. «Здесь мимо воли уверуешь в существование Отца небесного, – мелькнуло в голове. – Бездна вечности...»

Анна, подойдя, стала тихо рассказывать о капелле. И он внимал ей, не слыша, захваченный раздумьями о жизни и смерти. Медленно приближаясь к выходу, стараясь запомнить общий

вид ризницы, он лихорадочно искал ответа, в чем заключен замысел Микеланджело, – и не мог найти разгадку. Возможно, ваятель отважился создать земное Чистилище, которое бы побуждало к покаянию, напоминало, что все мы, грешники, будем пребывать в лоне Христовом, где каждому воздастся по делам земным...

До площади Синьории Достоевский не проронил ни слова. По одухотворенному выражению лица, по расширенным глазам мужа Анна Григорьевна поняла, что он в том состоянии иступленно-блаженного забытья, в котором наговаривает страницы рукописи.

Только скульптура «Давида», встретившаяся на обратном пути, приковала его внимание, и он словно бы очнулся. Внезапно остановившись, вымолвил с тревогой:

– Как себя чувствуешь?

– Прекрасно. А ты?

– Пробую осмыслить... Грандиозный труд! – Федор Михайлович размашисто вскинул руку. – Вот перед нами Гигант, изваянный тем же Микеланджело. Фигура воина. А усыпальница Медичи... Она сотворена в непостижимом художественном измерении. Скорбь мудреца. Траур и красота. Гармония и могильное безмолвие.

– Подобные ансамбли существовали в античные времена.

– Микеланджело превзошел всех! Никто, кроме него, не смог так мощно сочетать возможности архитектуры и выразительность изваяний, особенности интерьера и освещение. Даже тишина

в капелле – это безмолвная месса! – воскликнул Достоевский и неожиданно признался. – Но мне ближе Рафаэль. Вспоминаю «Сикстинскую мадонну» – и наворачиваются слезы, как будто в храме меня окропили крещенской водицей. Микеланджело велик замыслами. Он воедино сплавил античную эстетику и самый дух католицизма. Мы вошли в ризницу – и попали в шестнадцатый век. Легенда о Пигмалионе меркнет по сравнению с тем, что содеял неистовый флорентиец... Как постичь гения? Каким надо быть одержимым своими идеями, какой силой таланта обладать, чтобы годами предаваться изнурительному труду, погружаясь в мир, созданный только твоим воображением?!

– Таким, как ты, Федя.

– Книги живут исключительно в слове. А художество и музыка не требуют знания языка. Писатель же неотрывен от своего народа, – Федор Михайлович по привычке сцепил ладони и, помолчав, взвешенно сказал: – Нет, мы совершенно разные. Главное отличие в том, что я – православный, а он – католик. Лики наших икон смотрят живыми глазами! В католичестве – культ изваяний. А скульптура – будь она сотворена даже руками гения – не может мироточить...

– Микеланджело был глубоко верующим.

– Эту ризницу мог создать только христианин, осененный Святым Духом. Микеланджело обрек себя на Танталовы муки. Он не ценил общедоступных земных благ. Не отыскал свою Галатею. В сущности, всю жизнь был обременен заказами

пап. Однако остался до конца непокоренным и неприрученным!

– Я читала, как Рафаэль с друзьями повстречал Микеланджело, когда оба работали в Ватикане. Скульптор насмешливо спросил: «Ты всё наслаждаешься в кругу своих обожателей?» На что Рафаэль ответил тоже колкостью: «Зато ты всегда одинок, как палач».

– Как палач? Возможно, и так. Гений не знает преград и не замечает тяжести бесконечного труда, доводя себя порой до гибели. Его восторг после завершения работы – всегда мимолетен. Он с горечью сознаёт, что не реализовал сполна замысел. И за очередной труд принимается с большей надеждой, что на этот раз превзойдет себя. Микеланджело-человек не избежал искушений. Но ему, как никому другому, было присуще всевластное чувство поиска истины и совершенства. И пока оно не иссякает в душе, пока внемлешь Господу, ты не напрасно тратишь силы. Потому что главная цель творчества художника – спасение мира красотой и правдой Божьей...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ²

I

Странник

Микеланджело смутно помнил, как добрался в свой дом на виа Гиббелина. Непреходящий страх, вошедший в сердце иглой, путал мысли.

² Часть первая опубликована в № 4 за 2023 г. в нашем альманахе.

Ему казалось, что мало воздуха вокруг. От этого и земля как будто зыбилась под ногами, и всё утратило прежнюю надежность. Возбужденный вид хозяина всполошил Антонио и Катарину. Выполняя его распоряжения, они метались по дому, отбирая нужные вещи. А он, с затравленным взглядом, не отходил от окон, опасаясь внезапного нападения. Отдавал наспех приказания и тут же менял их, нещадно браня прислугу за нерасторопность...

Подобное и прежде случалось с Микеланджело.

Впервые – здесь, в отчем городе, когда Савонарола пророчествами и проповедями доводил прихожан до мистического угара, и многие достойные люди по его призыву стриглись в монахи, а в «Костры очищения» живописцы бросали собственные картины – среди них и Боттичелли – и в экстазе безумства наблюдали, как огонь обращает полотна в пепел!

Вступление французского короля Карла VIII в Тоскану заставило двадцатилетнего Микеле с двумя приятелями укрыться в Венеции, чтобы избежать иноземной неволи. Довольно скоро истратив деньги, юные беглецы, не нашедшие работы, были вынуждены отправиться в обратную дорогу. Доехали только до Болоньи, где оказались за решеткой за неуплату таможенной пошлины. И надолго бы оставались за ней, если б на выручку не подоспел знатный богатч Альдовранди, внесший штраф. Оказывается, он, приближенный главы города, был осведомлен о

таланте Микеланджело. И решил не только поселить художника в своем дворце, но и заказать ему статуэтки для базилики Сан-Доменико. Молодой маэстро изваял фигуры святых блестяще, вызвав восторг заказчика и тут же получив новый заказ. Вскоре донесли Микеланджело, что местный скульптор, лишившись долгожданного заработка, пообещал жестоко расправиться с наглым флорентийцем. И Микеланджело пришлось, спасая жизнь, никого не предупредив, – даже не забрав вещи, – умчаться верхом на лошади в Тоскану.

А в третий раз бежал он из Рима, оскорбленный поступком папы Юлия. Этот понтифик не пожелал платить за привезенные из Каррары мраморные заготовки для своей же собственной гробницы. Микеланджело, добывавший эти мраморы, как человек чести отдал собственные дукаты наемным людям, надеясь, что казна Ватикана возместит расходы.

Но вместо этого понтифик закрыл вход в свои апартаменты. Микеланджело ожидал приглашения две недели. В конце концов, не стерпев пренебрежения, вручил папскому секретарю записку: «Отче, если понадобится, то ищите меня там, где найдете!» В тот же день приказал слугам продать имущество и следовать за ним во Флоренцию. Ночью на почтовой станции Микеланджело настигли гонцы с требованием немедленно вернуться в Рим, но молодой художник – в такую дерзость трудно поверить – ответил помазаннику Божьему отказом...

А сейчас всё обстояло гораздо серьезней. Былые превратности выглядели ничтожными в сравнении с угрозой, исходящей от Малатесты. Для подлого перуджинца ни кто иной, как главный фортификатор, является первейшим врагом. Микеланджело укрепляет бастионы – и это, понятно, станет большим препятствием для войск папских наемников. Идя вчера к гонфалоньеру на совещание, Микеланджело был уверен, что тот прислушается к его словам и выдворит Малатесту из города. Но в ответ услышал унижительные упреки, его обвинили в трусости и посоветовали заниматься своим делом. Фактически оставили один на один с убийцей...

К вечеру Микеланджело успокоился. Из преданных друзей в спутники он выбрал ювелира Пилото, который, прочитав послание маэстро, передал Антонию, что согласен присоединиться и, как условлено, в седьмом часу будет вблизи Прато. Корсини и Антонию, подготовив лошадей, упражнялись в дворике, и оттуда порой долетало бряцанье шпаг. А Катарина, понурившись, послойно зашивала банковские векселя и мешочки с монетами в куртку, в нательные рубашки, простеганные со стороны спины. Микеланджело наблюдал, делая замечания.

– Видны швы, – ворчал он, принимая из рук служанки свою ношеную одежду и тщательно ощупывая со всех сторон. – Если не папские ищейки, то разбойники уж точно обнаружат. Десять тысяч на дороге не валяются!

Дородная, с круглым, тронутым морщинками миловидным лицом, черноглазая Катарина вытерла навернувшиеся слезы.

– Я стараюсь...

– Мона Катарина, я вряд ли вернусь. Служи, как служила прежде. Жалованье тебе я выдам за три месяца вперед. Наведывайся также в мастерскую на виа Моцца. Следи, чтобы не обезобразили мраморы и не похитили бумаги. Если потребуется помощь, обращай к Граначчи.

– А как быть с запасами?

– Дверь в погреб, что со двора, завалена опавшими листьями. О ней известно тебе, Антонио и моим родным. Вино, масло, бобы и зерно сейчас дороже золота. Не вздумай торговать ими!

– Да как вы могли подумать! – всплеснула служанка руками. – Меня не в чем порицать. Я – католичка. И живу по божьим заповедям.

– Ты не перечь, а запоминай. Если мессер Лодовико вернется из Пизы, будешь служить у него... А когда явятся посыльные и начнут расспрашивать, говори, что маэстро уехал куда-то в провинцию.

Катарина кивнула, не пряча грустных вникающих глаз. Таким потерянным она еще не видела хозяина. Сердце ее переполнилось щемящей жалостью. «Как лицом-то осунулся... Щеки запали, борода клочьями взялась... Ох, довела жизнь бедняжку, – сокрушалась мона Катарина. – Отняла здоровье, и куда ему сейчас скакать на коне? В постель бы да лекаря, а не в ночную дорогу!»

После ужина Микеланджело первым встал из-за стола и, помолившись перед распятием, направил Катарину проверить: нет ли вблизи дома подозрительных типов. Вернувшись, она сообщила, что улица безлюдна до перекрестка с виа дель Проконсоло.

Стало смеркаться. Микеланджело оседлал гнедую арабскую лошадь из государственной конюшни. Хотя эта порода известна крутым нравом, он свyksя с кобылкой, покладистой и выносливой, легко одолевшей не так давно путь в пятьдесят миль до Феррары и обратно.

По вечерним оживленным кварталам, с многолюдством торговцев, завсегдатаев таверн и вооруженных людей Микеланджело проехал в наброшенном на голову капюшоне. Впереди находился Корсини, позади – Антонио. На повороте к выезду из города к ним присоединился Пилото.

Серая крепостная стена выделялась на фоне синеющей вдали горной гряды. У закрытых ворот стояли постовые. Начальник охранения, мрачный бородач, в нагрудном панцире и шлеме, встретил их сурово, потребовал документы. С высоты бастиона на всадников хмуро поглядывали воины с длинными крепостными ружьями. Кроме удостоверений личности, ни у кого из четверых не оказалось пропусков. Микеланджело наивно полагал, что известен всем военным, поскольку с чиновниками Синьории проезжал через эти ворота несколько раз. Стражники ока-

зались из наемного войска, и для них не существовало исключений.

– Синьоры, поворачивайте обратно. А тебя, Антонио Мини, я задерживаю! Молодых людей приказано останавливать и сопровождать в штаб ополчения.

Микеланджело выкрикнул суровым, требовательным голосом:

– Я – Буонарроти, инженер оборонительных сооружений. Мне необходимо осмотреть крепостной вал в Прато. При мне сопровождающие и писарь. Немедленно откройте ворота!

– Убирайтесь отсюда, пока я не арестовал вас! – резко ответил, глянув исподлобья, начальник охранения.

Перепалка на повышенных тонах оторвала от беседы двух кондотьеров, в горделивых позах стоявших неподалеку. Один из них, черноволосый рослый красавец, с коротко подстриженной по-испански бородкой, в бархатном камзоле оливкового цвета, подошел быстрым шагом. На ремне его висела шпага с рукоятью, украшенной драгоценными камнями.

– Имею честь представиться – капитан Франческо Ферруччи. Синьоры, в темное время суток запрещен выезд из города гражданских лиц... Но я знаю, мессер Буонарроти: вы из Совета девяти и имеете право свободного передвижения. Для вас путь открыт! Только хочу предостеречь: в предместье – вражеские лазутчики. Будьте осторожны!

Створками деревянных ворот распахнулись и следом, со скрежетом на блоках, натянулись канаты, подняв кованую решетку. Ферруччи на прощанье слегка приклонил голову, Микеланджело ответил ему взмахом руки и пришпорил гнедую, принимая дорожную посадку. Лошадь с разгону вынесла в сиреневый сумрак, чеканя дробь копыт по укатанной дороге. Слыша, как за спиной скачут спутники, и родная Флоренция, ставшая теперь смертельно опасной, отодвигается всё дальше, он с увлажненными глазами подумал, что, подобно бездомному псу, ничтожному бродяге, ища укрытия, мчится неведомо куда...

А мона Катарина в эти минуты стояла на коленях перед серебряным распятьем и молилась о спасении души хозяина, о путях его неисповедимых под дланью Царя небесного и о скором возвращении обратно, в свой дом, так вдруг негаданно осиротевший...

II

Откровение гонфалоньера

Прямым путем, чтобы не столкнуться с разездом испанцев и обогнуть стороной папские земли, путники выехали на пистойскую дорогу, по которой вдоль ущелья Фиумальбо намеривались попасть в Модену, а оттуда – в герцогство Ферарское.

Ночной горный воздух холодил лица. От виноградников, тянувшихся по обе стороны, вея-

ло пряным духом. Над Апенниннами, в разрывах облаков, посветлело небо – поднималась луна. В тишине лишь изредка гроыхали повозки и проносились всадники.

Микеланджело смолоду привык к верховой езде и сейчас, отвлеченный скачкой, держа в руке повод, мало-помалу приходил в себя, к нему возвращалось самообладание. Но мысли невольно влекли к брошенным в городе делам. С горечью думалось, что не успел укрепить редуты, а на бастионах южной окраины, откуда враги, вероятно, начнут штурм, нет площадок для орудий... Но душу вновь обжигал страх, – и он с опаской вглядывался в темноту петляющей дороги, прикидывал, когда придут в Венецию, если найдут толкового проводника.

Перевалочный пункт, где издавна отдыхали путешественники и ожидали клиентов вездесущие перевозчики, находился близ Кастельнуово-ди-Гарфаньяна, селенья и одноименной коммуны. Через час езды добрались туда. Не желая быть узанным, Микеланджело остался у бревенчатой коновязи вместе с Антонио.

С каждым часом становилось прохладней. В лунном свете разбойничий притон напоминал трактир под низкой черепичной кровлей, с открытой верандой, где при свечах закусывал за столами дорожный люд. Перед ней была площадь, уставленная телегами и повозками всех видов, отдельно стояла даже карета, запряженная четвериком. В воздухе витал густой запах лошадей и свежего помета. Микеланджело,

ощутив голод, достал из седельной сумы лепешку. Антонио предложил вина, но он отказался, увлекшись наблюдением за стоянкой. Вентурино, сходясь у телег, чесали языками и временами чему-то громко смеялись. Одни отъезжали, ловко проводя свой экипаж между тесными рядами, другие – подъезжали. Шумливая компания вывалила с веранды и приблизилась настолько, что для Микеланджело стала различима одежда синьоров. Их было четверо, и принадлежали они, судя по дорогим плащам и грамотной речи, к родовитым нобилям. Спор шел об авантюрной политике флорентийского гонфалоньера Кардуччи. Особенно горячился головастый малый, обвиняющий вожда в заигрывании с фратесками³, обезумевшими от ослиного желания быть абсолютно свободными и не идти ни на какие компромиссы с понтификом, хотя лишь это могло бы спасти город от разорения, а их самих – от неминуемой гибели.

– Два самых могущественных человека Европы объявили нам войну. Армия кесаря, обладающая боевым опытом, гораздо многочисленней и сильнее, чем наша. На что Синьория делает ставку, на что надеется? На то, что по воле Божьей флорентийцы отсилятся за крепостной стеной? А мир как манна небесная явится сам собой?

– Кардуччи, увы, из простонародья. Он и мыслит, как негоциант. Его опыт торговца оказался

³ Фратески – основная часть населения Флоренции, люди среднего и бедного достатка.

малополезен для такой высокой должности. Ведь он сам громогласно уверял нас, что нельзя следовать за толпой, но безропотно подчинился ей, – с иронией проговорил проезжий глуховатым басом, и по голосу Микеланджело тотчас узнал Никколо Каппони. – Страшно подумать, мои юные друзья, каковы будут последствия. Флоренция обречена на большие жертвы, голод, хаос. И, пожалуй, остановить бойню теперь уже поздно... Впрочем, не хочу задерживать вас. К утру вы должны быть в Болонье. Передайте сразу же мое послание секретарю понтифика. А я надеюсь, что мой фиакр скоро починят, и благополучно доберусь домой.

Проводив собеседников, Каппони под защитой слуги, плечистого верзилы, вооруженного шпагой, вернулся на веранду. Присутствие здесь Каппони, бывшего гонфалоньера республики, воодушевило Микеланджело. Сейчас, как никогда, ему захотелось поговорить с мудрым человеком, хотя в последний год отношения их разладились. У трактира встретились Пилото и Корсини, посланные на поиск проводника.

– Мессер Буонарроти, мы можем ехать. Местный вентурино направляется в Феррару и согласился сопровождать, – доложил Корсини. – Запросил всего дукат.

– По-моему, он – шельмец, – пробубнил Пилото. – И доверять особо не следует. Слишком долго торговался и расспрашивал.

– Оставайтесь при лошадях, – распорядился Микеланджело. – Подождите...

Однако в замешательстве он приостановился на веранде: надо ли сообщать о случившемся сегодня стороннику папы? Не навлечет ли этим новую беду? Отступить было поздно. Патриций первым, с удивлением увидев идущего художника, живо поднялся и протянул руки:

– Достопочтенный маэстро! Не верю глазам... Мне так приятно видеть вас. Какими судьбами?

– Дорога свела. Еду. А куда и сам толком не знаю, – неопределенно сказал, отвечая на рукопожатие, Микеланджело.

– Вот как... А ваша служба в городе?

Микеланджело промолчал и подозвал трактирного слугу.

Подали красное вино. Но они даже не прикоснулись к бокалам, предавшись беседе, – этой редкой возможности наедине поговорить обо всем, что обоим не давало покоя, объясниться начистоту и устранить былые недоразумения.

– По дороге я вспоминал свой давний отъезд, когда французы вступили во Флоренцию, – доверчиво начал Микеланджело. – Ваш батюшка, тогдашний гонфалоньер, явил удивительную отвагу, дерзнув нарушить договор о выплате контрибуции. Отказался в присутствии самого короля! А на его угрозу разорить город ответил: «Если вы поднимите оружие, то мы ударим в колокола!» И эти слова остановили кровопролитие!.. Прошло три десятилетия... И вам лично с товарищами-оптиматами⁴ пришлось, закрывшись

⁴ Оптиматы – наиболее прогрессивная часть партии аристократов.

в Синьории, также отражать атаку французов, направленных кардиналом Пассарини. А когда народ сверг Медичи, вас выбрали вождем! И начались преобразования. Вы действовали по заветам Савонаролы. Я вас поддерживал. Но затем вы сбились с верного пути. Разве надо было внедряться в течение устоявшейся жизни? Зачем ограничили женскую моду? Для чего закрыли таверны? От этого простолюдины не стали трезвенниками. Зато многие ощутили ограничение собственной свободы...

– Маэстро, «не согрешать, бороться с дьяволом и отдать себя в руки Провидения» – вот сущность ученья Савонаролы, кумира нашей молодости, – решительно вступил в разговор Каппони. – Когда мы сломали тиранию, у меня не оставалось иного выбора, как согласиться с теми, кто ратовал за переустройство общества по христианским заповедям, – не без пафоса проговорил Каппони, покосившись на площадь, где разгоралась ссора между перевозчиками. – В Совете я предупреждал, что государства погибают от причин внешних и внутренних. Я решительно призывал к единению и ставил целью слияние партий, которое бы консолидировало народ. Я взял на себя миссию исправления общественной нравственности. Мы закрыли пивнушки и таверны, узаконили покрой платья публичных женщин. Религиозные диспуты разрешили только лицам, имеющим право по своему статусу. Общество стало очищаться!

– Однако при этом пострадали ростовщики-евреи, которых выдворили вон, – возразил Мике-

ланджело. – Без всяких оснований вы потакали монахам базилики Святого Марка. А когда начались торжественные процессии по улицам с ношением хоругвей и хоровым пением, то эта принудилровка обозлила людей.

– Я слишком доверял народу и надеялся на его благоразумие! – с высокомерной усмешкой воскликнул Каппони, – Потому и призвал сделать вечным покровителем Флоренции Христа! И граждане с ликованием поддержали эту идею! Но дьявол вездесущ. Полюбуйтесь, вот плоды усилий по исправлению нравственности! – с едкой иронией произнес Каппони, повернувшись к площади, откуда стали доноситься крики.

Два крепких вентурино охаживали друг друга кулаками. На выручку драчунам бросились их приятели, и вскипел скоротечный мордобой с проклятиями и угрозами. Разнимать их пока никто не спешил, и Каппони, опасаясь общей потасовки, предложил перейти в зал.

– Я относился к флорентийцам как демократ, – продолжил Каппони, заняв место за самым дальним от двери столом – И поняв, что Совет восьмидесяти никогда не пойдет на мировую с понтификом, начал с ним переговоры. Медичи многое сделали для процветания Флоренции. Начинать войну с первосвященником – безрассудство! Но я принимал все меры для защиты республики. Ушла уйма денег на армию. Мы приняли суровые фискальные постановления. Но от этого вражда паллесков и пополанов только ожесточилась. Появились тысячи

недовольных мной. Только бедняки поддерживали нас и поощряли поборы в отношении знати. Оставалась последняя опора – патриоты. Вы, маэстро, сами предложили помочь в инженерных работах. Крепостные стены требовали ремонта, и я всячески помогал вам, хотя средств не хватало. Я создал милицию, увеличил армию. Мои усилия дали плоды, и договор с папой Климентом о примирении был возможен, если б не злосчастная записка, которую я обронил. А дальше вам все известно. Герарди ее нашел и обнародовал. А сумасшедший Кастильоне ворвался с толпой во дворец, чтобы меня растерзать за связь с папой.

– Расправы вы избежали благодаря Провиденью, – заметил Микеланджело. – Даже судьи были повержены вашей блистательной речью на Народном суде. Скажите, а как вы сами считаете... Это не было предательством с вашей стороны?

– Когда я был заточен в башню дворца Веккьо, я стал прощаться с жизнью. И много думал об этом. Предатель тот, кто имеет злой умысел. Я же старался не допустить войны, уберечь от гибели тысячи флорентийцев.

– Пока вы были гонфалоньером, в городе чувствовалась власть. С приходом Кардуччи всё как будто развалилось! Ожесточение и раздоры. Он сблизился с крайними радикалами, агрессивными и неумными, стал доверять Малатесте, который служил в папских войсках.

– Мы наняли его, помнится, по совету французского короля. Признаться, кондотьер Малатеста никогда не внушал мне доверия.

Микеланджело точно обдало жаром, лицо его загорелось.

– Именно об этом я вчера говорил с Кардуччи! Но Франческо и его советники пренебрегли доводами, что Малатеста – папский шпион.

– Странно, что даже военный Совет десяти не поддержал вас..

– В Синьории всех будто подменили. Я убедился, что мое мнение не имеет веса, – горячился Микеланджело. – Настанет момент – и Бальони предаст Флоренцию! Он решил тайком убить меня... Каким бы ни показался вам мой побег, но я вынужден покинуть Флоренцию.

– Вы вправе поступать, как угодно, – поспешил успокоить Каппони. – Я сам обретаюсь на загородной вилле. И наши добрые соратники: Гвиччардини, Веттори, Строцци, Сальвиати также в отдаленье от родной земли. Знайте: мой дом всегда открыт для вас!

– Благодарствую, – сухо ответил Микеланджело и поднялся. Каппони встал следом. Микеланджело, испытующе глядя в его глаза, спросил:

– Вы осуждаете меня? Скажите откровенно, экчеленца.⁵

– Я убежден, что патриотам Флоренции нет места среди безумцев. Когда папа Климент одержит победу, ему потребуются те, кто вернет городу могущество и славу. И, в первую очередь, – это вы, маэстро!

– Многие осудят меня. Но шаг сделан...

⁵ Экчеленца – обращение к титулованным особам.

– Однако речь идет о спасении жизни. Не так ли? – с расстановкой произнес патриций. – Достойные люди, я уверен, вас поймут. Да и Кардуччи едва ли решится объявить самого Микеланджело врагом.

Ночь выдалась ветреной и сырой. Ехали пологим склоном горы вдоль рощ, и в разреженном воздухе ощущался маслянистый запах поспевших олив. При высокой луне просматривались вдаль силуэты деревьев и холмов, очертанья крыш встречающихся селений. А вблизи можно было разглядеть цветы на ветках олеандров, валуны вдоль дороги и метелки трав. Забавно было замечать, как блестела под луной шелковистая шерстка на шеях лошадей.

Микеланджело понял из разговора с проводником, что этот малый не промах. И когда все вместе принялись обсуждать, где поселятся в Венеции, и ювелир предложил на первое время остановиться у его знакомого, Микеланджело уклонился от ответа, не желая, чтобы этот подозрительный молчун Алонзо знал об их месте нахождения. Впрочем, для себя он решил, что надо избегать встреч с незнакомцами, жить инкогнито в чужом государстве.

Дорога то карабкалась на подъем, то скатывалась в лощины. И странным образом спутники, сломленные сонливостью, всецело доверились проводнику. А Микеланджело езда как будто прибавила сил. Взволнованный и несколько ободренный встречей с патрицием, мысленно он возвращался к их беседе.

Каппони полтора года был на вершине власти, с которой многое видней, нежели ему, человеку негосударственному, на глазок оценивающему реформы. Свержение Медичи и постоянная борьба политических сил сделали Микеланджело заложником. Ни оптиматы, ни фратески не хотели уступать. Гонфалоньер лукавил, говоря, что радел за простой народ. Он обслуживал интересы элиты, связанной с Медичи. Поэтому и оттягивал присоединение республики к Лиге, где главенствовали французы, и одновременно сближался с домом Габсбургов и папой. Хитро плел кружева, то потакая простолюдинам, то жестоко их наказывая. Стоило Аламанни раскритиковать указ вождя о создании милиции, как этого бунтаря предали суду, а его отсеченную голову выставили напоказ на площади!

«Не на небесах, а на земле – первое Чистилище, – сокрушался Микеланджело. – Грех неискореним уловками Вельзевула⁶. Но бесовское деяние того, кто облечен властью, многократно порождает пороки и несправедливость! Демократия не принесла нам благ, а только разобщила граждан. В безумном экстазе мы, республиканцы, провозгласили, что достигнем одного, общего для всех счастья! Но чем больше совещались в десятках комиссий, тем прочней становилась стена непонимания, и росли амбиции. Много болтовни, но мало дел. Именно поэтому Малатеста вольно чувствует себя в городе. Значит, причина не в устройстве общества и не в

⁶ Вельзевул – дьявол.

порядке управления им. А в нечто ином, помимо воли Господней...»

III

Рисунок

За ночь Микеланджело продрог и настолько ослаб, что едва держался в седле. Чуть свет он повелел остановиться и с помощью Антонио сменил сандалии на сапоги. А поверх куртки обрядился в шерстяной халат, предусмотрительно уложенный в дорожную суму Катариной. Во всё теплое, что взяли с собой, облачились и спутники. Ни на минуту не утихал холодный ветер. По склонам лесистого ущелья курился туман. Сквозь его разрывы изредка проступало небо в рассветной дымке. По чащобам перекликались утренние свирели птиц.

Следовали вдоль русла горной реки. Только на самом дне ее расплавленным стеклом струилась вода. Неподвижный воздух был кристально чист, дышалось жадно, до стеснения в груди. А на щеках ощущался бодрящий влажный холодок. Микеланджело только теперь, на коротком привале, рассмотрел проводника. Был он молод и кряжист, с коротко стриженной черной бородкой, лицом не примечателен, и только бегающие глаза зеленого цвета да шельмоватый прищур выдавали в нем человека скрытного и себе на уме.

– Любезный, откуда ты родом? – поинтересовался Микеланджело, когда этот лихач, ладонью

опершись о лук седла, ловко перебросил ноги и сел задом наперед. Его лошадь, очевидно, хорошо знала дорогу впереди.

– Из Прато я, – нехотя вымолвил Алонзо, запуская руку в торока. – А в Пьетрасанте мы с отцом в артели добывали мрамор. А потом камнями мостили болото. До семи потов вкалывали. А заплатили нам – гроши.

– Этим занимались люди, подряженные Собором.

– Но деньги обещали вы, когда мы спускали блок, а он разбился из-за лопнувших колец. И получается, нас обманули. Долг составляет... ровно пять дукатов.

– Должен тебе тот, кто нанимал и принимал работу! – отрезал Микеланджело, не ожидавший наглой выходки. – Вбей в голову, парень, что я всегда расплачивался вовремя. Отдавал собственные деньги, если заказчики не возмещали расход.

– Мне нужно купить коня – жеребца на племя, – твердил вентурино, грызя яблоко. – Что, я даром у вас спину гнул?

Вспыльчивый Корсини, не сдержавшись, грубо оборвал:

– А ну, заткни глотку! Кто и сколько задолжал тебе – неизвестно. Думай, болван, о дороге, а не трепи языком. Иначе ответишь за клевету шпайгой!

Угроза подействовала на Алонзо, залепетавшего в оправдание, что синьор Буонарроти, конечно, ничего ему не должен, а так, случайно

он сболтнул лишнего. И, отбросив огрызок, принял в седле обычную верховую посадку.

Возле таверны, приютившейся на краю лесной поляны, сделали остановку. Перед затяжным подъемом необходимо было напоить лошадей и задать корма. Этим занялись Антонио и Ринальдо вместе с вышедшим из таверны загорелым черноволосым мужчиной. Назвался он Харуном и был одет в феску и шаровары. По-итальянски говорил плохо. За небольшую плату согласился снабдить проезжающих сеном и принес воды из запруженного ручья.

Пристанище странников – бревенчатая хибара – укрывалось под ветвистым дубом. Внутри нее треугольным порядком теснились дубовые столы, на дощатых стенах, источающих дух сосны, висели поделки в виде зверушек. Под потолком чернело чучело орла, а в самом углу, в плетенной из лавровых лоз клетке, выщелкивала неведомая птаха.

Встретил гостей за стойкой осанистый старик с длинными, сбитыми в пряди седыми волосами, которые обручем охватывала зеленая лента. Из-под воротника темной рубашки-апах поблескивала на цепочке серебряная подвеска в виде полумесяца. Цепкие глаза старика ощупали вошедших. Узнав Алонзо, он воскликнул, с большим акцентом произнося слова:

– Надеюсь, синьор, сегодня есть чем расплатиться? Или снова записать должок?

– Запиши, ага Мехмет, – согласно кивнул вентурино, который чувствовал себя здесь привыч-

но, как дома. – Мне горной козлятины. И кружку вина.

– Кто с тобой? – наклонившись, спросил старик.

– Художник Буонарроти и слуги его.

– Тот, из Флоренции?

– Он самый.

Хозяин, заметив, что флорентийцы, всегда не предсказуемые в поступках, неприязненно прислушиваются к их шепоту, располагаяще заулыбался и стал предлагать кушанья.

Микеланджело потребовал себе и Антонио жаркое из кабана и травяной чай. Скупой Пилото ограничился пирогом с грибами и вином, заодно заказав кружку и проводнику. Корсини выбрал фазана в перченом соусе. Еду на блюдах, украшенных орнаментом, подали бледнолицый юноша в переднике и, по всему, его мать – смуглая темноглазая красавица. Ринальдо и Антонио, поэт и художник, не отрывали взглядов от ее идеальной – хоть бери в натурщицы – фигуры. Привораживала ее походка в раскачку, – при каждом шаге палева юбка с белой каймой приоткрывала колени и туго облегла бедра. Под кофточкой лимонного цвета, идущей к ее пепельно-рыжеватым волосам, выпирали груди. Корсини с оживленным видом повернулся к проводнику.

– Кто она?

– Узнай у хозяина, – отрезал Алонзо, очевидно, затаивший дорожную обиду.

– Это – божественная Диана! – пошутил Пилото, отхлебнув вина. – Ты вознамерился вставить свою стрелу в ее лук? Остерегись, безумец!

Служанка, лукаво улыбнувшись, уплыла в кухонную дверь. А юноша услужливо замер вблизи стола. Микеланджело мельком взглянул на него. Пожалуй, он приходился кокетке сыном. Темные глаза, осененные ресницами, также косили. Брови чернели полосками бархата. Восточная красота лица, курчавый волос и ладная фигура выказывали в нем породу. Микеланджело, отставив пустую тарелку, вновь обратил внимание на подавальщика, когда тот из графина наливал вино в опустошенную кружку Пилото.

Микеланджело подался вперед, удерживая в памяти поворот юношеского торса и положение рук, – эту свободную и непринужденную позу, полную выразительности и внутренней энергии. Он приказал Антонио принести бумагу и уголь. И быстрыми штрихами сделал набросок. Пристальней всех наблюдал за ним ветурино. Когда художник, обозначив плечи и туловище юноши, оставил натурщика без головы, только фыркнул. А маэстро, войдя в азарт, перевернул лист обратной стороной и вновь стал рисовать. И за считанные минуты на глазах у Алонсо возник портрет служанки. Он был столь совершенен, что хитроумный перевозчик возбужденно вскочил:

– Синьор Буонарроти, подарите мне свою картинку! Мне не надо дуката...

На наглеца все посмотрели, как на сумасшедшего. Микеланджело и вовсе пропустил мимо ушей просьбу, завершая рисунок. Наконец вскинул голову и, помолчав, огладив по привычке бороду, пояснил ученику:

– Я понял, чего недостает Авроре. Сейчас только... Благодаря юноше... Анатомия – мать ваяния. Левое плечо Авроры нужно подать ниже, контур груди станет тоньше. Дельтовидная мышца расслабится, при этом согнутая в колене нога окажется в непринужденном положении. Ведь моя особа в утренней неге. Она только проснулась...

Глаза маэстро, позабывшего обо всем на свете, блестели, и говорил он с такой уверенностью, будто воочию видел не завершенную в капелле скульптуру. Настроение его передалось Антонио, который понимающе кивал, хотя не совсем улавливал то, что говорил учитель. Ага Мехмет, утрюмо наблюдавший за посетителями, с любопытством подошел к столу, всмотрелся в рисунок и всплеснул руками.

– Это же Гюнеш! Моя служанка! Она не заслуживает того, чтобы ее рисовали! Неизвестно, как отнесется к этому муж. Разве позволительно лицо женщины, данной ему Аллахом, изображать чужому мужчине?!

Очевидно, услышав свое имя, жеманница вышла в зал. Она улыбалась, и ярче блистала ее красота. Микеланджело хладнокровно повелел Антонио убрать лист, а затем встал, сурово глядя на ворчливого старика.

– Синьор! Мой Бог не запрещает изображать женскую красоту. Ничего предосудительного я не сделал. Женщина даже не позировала мне. Стало быть, также ни в чем не виновна.

– Ее благоверный, Харун, может потребовать объяснений! – не унимался хозяин, размахивая руками. – Коран обязывает женщину скрывать лицо. А вы сделали с Гюнеш копию, и как это расценить? Я не хочу иметь дело с ревнивцем! Жаль, что он ушел на охоту... Где вас искать?

– Ищите меня в Венеции, – жестко ответил Микеланджело, бросив на стол серебряные монеты, что значительно превышало плату за обед.

Хозяин таверны, пораженный такой щедростью, разинул рот.

Лошади у коновязи выглядели отдохнувшими. Между тем потемнело средь бела дня. Ветер, трепавший гривы, опахивал дождевой свежестью. Иссиня-черные тучи лохматились над горами. Вдалеке погромыхивало. Стал слышен шум ручья, – воды в нем прибывало.

– Старик этот, право, ненормальный! – ворчал захмелевший Пилото. – Так и шарит глазами, разбойник! Нужно поспешать.

– Дотемна успеем, – скрывая раздражение, отозвался проводник. Он был удручен неудачной попыткой заполучить рисунок, чтобы продать втридорога мнимому мужу Гюнеш, турецкому шпиону, у которого служил осведомителем. Да и старик был подкуплен своими единокровными османами. Злость побудила пройдоху развязать язык, выставить на посмешище красоту.

Запрыгнув в седло, он с небрежением выкрикнул:

– И никакая она не Гюнеш, а венгерка! И вовсе не жена Харуну, а раба, купленная в Стамбуле...

IV

Феррара

Протяженная каменная твердыня, открывшаяся в вечерней равнинной дали, в сравнении с редутами Флоренции вызвала у Микеланджело (как и в первый приезд сюда) двоякое чувство: преклонение перед теми, кто воздвиг ее, и – досаду за своих земляков. Вот как надо относиться к защите родного города!

Крепостная стена, в течение десятилетий сооружаемая фераррскими герцогами д'Эсте, окольцовывала весь город, за исключением русла По и каналов, ставших для врагов естественной преградой. Этот заслон и лучшая в Европе артиллерия делали Феррару неприступной для всех, пытавшихся ее покорить.

Микеланджело уже бывал тут месяца полтора назад с миссией Синьории. Приезжал не только ознакомиться с устройством крепостей, системой обороны города, но и всячески убедить фераррского правителя продать республиканцам кулеврины⁷. Герцог Альфонсо, приняв его с королевскими почестями, наговорив любезных слов о таланте художника, охотно провел по равелинам и объяснил устройство цитадели. Однако

⁷ Кулеврина – легкая пушка.

будучи опытни́шим и иску́шенным политиком, не стал усугублять своих проблем в отношениях с кесарем и папой и отказал в просьбе.

На этот раз Микеланджело въезжал в герцогство как частное лицо. О прибытии сюда сообщать герцогу, разумеется, не стоит. Это вызовет у него вопрос: что стало причиной поспешного бегства и, чего доброго, суверен заподозрит в трусости. Не время объясняться. Обо всем еще будет возможность поразмыслить в Венеции...

Путники оказались у городских ворот в послеполуденный час. Гвардейцы придиричливо проверили их удостоверения и, не скрывая высокомерия (флорентийцы вызывали ныне недружелюбие), пропустили в город.

Постоялый двор, куда привел Алонзо, находился неподалеку. Двухэтажное строение с маленькими стрельчатыми окнами, точно вросшее в землю, наверняка уже десятилетия стояло на этой площади, душной и шумной от громких голосов и грохота повозок. В сенниках, сооруженных в ряд, на постое содержались лошади, несколько мест, к счастью, пустовало. Под тростниковым навесом в бочках хранилась вода. Пахло лошадиным потом, апельсинами, пряным духом жаровен. Путешественники, с понурыми лицами, слезли с лошадей на каменный настил. Лишь проводник выглядел бодрым и, получив заработанный дукат, ускакал прочь.

– Слава Господу, добрались. Я заплачу за всех, – на радостях объявил Микеланджело. – Возьмем общую комнату.

Завидев всадников, из распахнутой двери выкатился кривоногий толстячок, одетый в плащ и замшевые сапожки, с пегой бородой-клинышком. Наружность имел он запоминающуюся: левый черный глаз косил, другой отличался зеленоватым оттенком, на носу горошиной торчала бородавка. Хлопотун сходу начал расспрашивать, в чем нуждаются синьоры, надолго ли они, что приготовить на ужин.

– За лошадей не беспокойтесь, – заверил твердо и дружески. – Конюх явится по первому зову.

Этот балагур и представился хозяином, по прозвищу Умберто Красавчик. Вслед за своей пылкой речью он потребовал паспорта и, наклоняясь к конторке, молниеносно вписал их данные в журнал. Покликал мальчишку и велел тотчас отнести бумагу в магистрат. Затем проводил постояльцев на чердак, не имеющий двери.

Как выяснилось вскоре, в помещении под черепичной кровлей недаром никто не жил – в нем, как в преисподней, стояла жуткая духота, и, точно на свежем жнивье, пахло соломой, набитой в матрацы и подушки. Пилото пошел требовать замены жилья. Свободных номеров не нашлось. Микеланджело, измученный дорогой, так ослаб, что повалился на расшатанную деревянную кровать и – мгновенно уснул...

Из забытья вырвали громкие восклицания и звук шпор. Микеланджело, с мокрым от пота лицом, сел на постели, спросонья не понимая, что происходит. Никого рядом не было. По всему, спутники решили его не тревожить. Он при-

слушался: кто-то внизу настойчиво повторял фамилию Буонарроти. Он с опасением выглянул в открытое окно. Перед ночлежкой в горделивых позах стояли трое синьоров в алых плащах и шляпах, похоже, из знати, и о чем-то расспрашивали хозяина. Никто, кроме шпионов Малатесты, не мог выследить его! Бежать некуда. Из западни не выбраться! Раздался настойчивый стук в дверь. Не дождавшись отзыва, ее распахнул Красавчик и смущенно затараторил:

– Синьор, к вам люди герцога Альфонсо!

– Зачем? – выдохнул Микеланджело, не поверив сразу, что опасность миновала.

Умберто глуповато смотрел на него вытаращенными глазами.

– Пусть поднимутся. А как узнали, что я здесь?

– О чужестранцах я сообщаю в магистрат. У нас так положено.

Микеланджело ладонью оправил волосы и бороду, встал, что приличествует встрече важных персон. Спустя минуту после ухода хозяина вошел статный бородач, из-под плаща которого виднелась шпага. Его мужественное лицо было непроницаемо. На мгновение придворный сосредоточенно свел брови, точно бы убеждаясь, что перед ним тот, кто нужен.

– Достоуважаемый мессер Буонарроти, его величество Альфонсо д'Эсте, герцог Феррары, Модены и Реджио приглашает пожаловать к нему в замок Кастелло Эстенсе! – с почтением произнес придворный. – Мне приказано сопровождать вас. Позвольте напомнить мое имя,

камер-секретарь его величества, капитан Джулио Мелонни.

Микеланджело наконец узнал этого человека, в прошлый приезд охранявшего герцога при осмотре крепости. Хотя тогда он был с малозаметной растительностью на щеках. Согласно этикету, на приветствие отвечать следовало столь же благосклонно.

– Выражаю благодарность за интерес к моей скромной особе, – без пафоса начал Микеланджело. – Однако я чрезвычайно спешу в Венецию. Со мной люди. И пробуду здесь только до утра...

– Мой государь желает вас видеть и приказал непременно доставить в замок, – настойчивей повторил капитан, давая понять, что не может быть причин, которые бы помешали этому.

Микеланджело ответил не сразу. Новость о его встрече с герцогом Феррары разлетится во все стороны, дойдет до Флоренции, и Малатеста наверняка нападет на след! Однако отказ прибыть во дворец будет расценен герцогом как высокомерный вызов...

– Я принимаю приглашение. Но вещи мои останутся здесь. Я не хочу доставлять герцогу Альфонсо излишних хлопот.

– Повинуюсь. Карета ожидает вас!

По дороге во дворец Микеланджело вспоминал недавний приезд, стараясь подобрать тон общения с Альфонсо. Теперь неизвестно, какую позицию он занял по отношению к Флоренции, вступившей в войну с императором. Положение

самого герцогства, по всему, оставалось ненадежным. Папа Климент не раз говорил прелатам, что Феррара – это исконные владения Ватикана, и он вернет их в свое лоно. Но ему раньше противостояла Лига, а ныне добиться своего он мог с помощью Карла V. В начале августа единство Лиги нарушили французы, подписав Камбрейский мир с кесарем, что заставило флорентийцев направить к нему послов, когда в середине этого же месяца тот прибыл в Геную. Феррарский герцог тоже направил посланника к Карлу V. Как у него обстояли дела сейчас, по прошествии месяца, Микеланджело не знал. Этот прирожденный воин не только конструировал орудия, но и сам отливал их на заводе. В нем были и мудрость, и воля, и стальной характер. Всем в Италии было ведомо, что в родовом замке уже двадцать третий год томятся в казематах его родной брат Ферранте и единокровный – Джулио, которые пытались свергнуть Альфонсо. Но заговор удалось раскрыть. А смилостивился суверен лишь в одном, – смертную казнь заменил обоим пожизненным заключением...

V

Герцог Альфонсо

По западному подъемному мосту въехали в замок, защищенный рвом с водой и рavelинами. Кирпичные стены нижнего яруса, белокаменные балконы над ними, верхний бастионный этаж и устремленная в зенит башня Торре деи Леоне оставляли впечатление величия и неприступно-

сти. Внутри двора тянулись террасы вдоль стен, украшенных фресками с портретами представителей династии д'Эсте.

Гостя провели в рабочий кабинет суверена. Статный лакей по испанской моде в кафтане с оловянными пуговицами и бордовом берете открыл крытую позолотой дверь. В просторной комнате, освещенной большими венецианскими окнами, сидя за столом, герцог что-то писал. На звук шагов по паркету этот широкоплечий красавец, с жесткими седоватыми волосами, энергично поднялся и вышел навстречу гостю. Он был в темно-синем камзоле, перехваченном синим же поясом, в кожаных кюлотах и восточных сапогах с задранными носками. На шее, по последней моде, блистал золотистый платок, – отличительная примета испанской знати.

– Маэстро, я рад нашей встрече! Я не раз говорил, что почитаю за честь оказывать вам любую услугу, – заверил он с теплотой в голосе и слегка улыбнулся. – И вдруг узнаю, что вы остановились на постоялом дворе. Разве это не чрезмерная скромность? Вы мне несказанно дороги, и сейчас это хочу засвидетельствовать снова!

– Я здесь проездом, ваше величество. Не хотел отрывать вас от дел... По натуре я спартанец и привык к простоте и неудобствам, что присуще людям моего круга.

– Не могу согласиться! Только мой дворец достоин быть вашим домом, – Альфонсо указал рукой на канapé и сел вслед за гостем. – Прошлая наша встреча мне запомнилась. Только мало уда-

лось поговорить об искусстве. Ваше внимание было поглощено фортификацией. Мы объехали город, и я показал вам достопримечательности. Впрочем, надеюсь, вы успели убедиться, что в замке – приют музыки. Жаль, что тогда и сейчас мой ближайший друг, поэт Лодовико Ариосто, в отъезде. Помните, мы были с ним в Сикстинской капелле, когда вы расписывали плафон?

– Разумеется, помню.

– В Италии Ариосто – непревзойденный стихотворец! – с убежденностью заключил хозяин. – У меня гостят знаменитые европейские писатели и музыканты. Но выше всего я ценю живопись! Особенно ваши фрески в той римской капелле. Они бесподобны по величию замысла и совершенству! Трудно поверить, что вы собственноручно, в течение четырех лет расписали потолок. Вашей рукой водит Бог! – герцог в восхищении пристукнул кулаком по подлокотнику. – Это счастье быть вашим современником.

Герцог пригласил в гостиную. Овальный стол под златотканой скатертью был изысканно сервирован. Лакеи в одинаковых желто-зеленых костюмах стояли вдоль стен. Альфонсо, усадив гостя рядом, бросил взгляд на камердинера – и в одну минуту серебряные кубки наполнились рубиновым ломбардским вином. Трюфельный салат на тарелках китайского фарфора источал головокружительный аромат. Манили взгляд овощные салаты с восточными специями и мидиями, жаркое из косули, томленная в сметане и гранатовом соке утка. Рыжим букетом высилась над

столом жареная мокрель, вертикально нанизанная на скрепленные между собой прутики. Микеланджело охотно закусывал, но едва пригубливал кубок. Между тем Альфонсо, видя, что гость безразличен к ломбардскому, велел выставить другие вина. Но и они не вызвали у Микеланджело интереса, хотя он повеселел. Герцог, легко переносивший возлияния, не уставал осыпать маэстро любезностями. Микеланджело, в свою очередь, провозгласил тост за его мудрость, талант полководца и мастерство артиллериста. И даже предложил безвозмездно деньги, когда герцог попенял на финансовые расходы при отливке пушек.

– Ну, что вы, дорогой маэстро! – отказался Альфонсо с недоумением. – Вам не тягаться со мною! В моем кармане – государственная казна...

Тут герцог вспомнил о подарке турецкого друга. И потребовал подать «варварского ставлёного меда». Чарочки из слоновой кости были чуть больше наперстка. Но и этого количества густого, горько-пряного напитка оказалось достаточно, чтобы оценить, насколько он хмелен.

– Московиты варят его из меда и добавляют какие-то травы. Он обладает бесовской силой. Человек пьянеет быстро, теряя над собой контроль. Этим варвары и пользуются, когда встречаются иноземных посланников. Во хмелю выпрашивают самые важные секреты. У нас с вами никаких тайн быть не может! Мы просто близкие по духу люди... Впрочем, вернемся к искусству. Мои слова о том, что дворец Эстенсе – обитель

муз, вовсе не фигура речи. Вам незачем ехать в Венецию. Оставайтесь у меня. И поступайте на службу главным художником и архитектором. Первым делом я познакомлю вас с Тицианом. Не правда ли, он великий живописец?

Микеланджело ответил взвешенно, подбирая слова.

– Мне нравится его умение строить композицию, колорит. Если бы венецианцев учили с детства рисовать, как подобает, беря за основу антики и произведения величайших художников, то они бы достигли завидных высот. Потому что доверялись бы не своему природному дарованию и натуре, но работали по законам прекрасного. Но, увы, чаще всего, венецианцы останавливаются на полпути.

– Мне трудно понять вас, маэстро. Но я желал бы еще услышать отзыв о портрете, заказанном ему несколько лет назад. Он в комнате моей возлюбленной, которая на нем изображена, – понизил голос Альфонсо. – Хотите, покажу?

– Я готов ознакомиться с ним, – подхватил Микеланджело, отнюдь не любитель бесконечных застольных посиделок.

Они поднялись по белой мраморной лестнице на этаж выше. Хозяйка светлого, обтянутого фламандскими шпалерами будуара была осведомлена об их приходе. Еще довольно молодая женщина встретила у входа, неуклюже сделав книксен. Простолудинка угадывалась и в одежде (коричневое бархатное платье сидело мешковато и пол-

нило ее), и по тому, как она скованно держалась, тараща глаза и поджимая губы. Герцог с улыбкой представил ее:

– Лаура Дианти, мой сердечный друг.

Микеланджело учтиво поклонился. Вблизи изразцового камина, где стояло кресло, он увидел на стене картину. Тициан как никто обладал даром схватывать черты лица и так передавать их на полотне, что при всей похожести они обретали особую гармоничность. И на этот раз приятная портретная внешность доны отличалась к лучшему от живого оригинала. Подтвердилось то, о чем говорил сегодня герцогу. Колорит и утонченность полутонов были превосходны. Чернокожий паж, преданно смотрящий на госпожу, придавал композиции теплое настроение и законченность. Выражение тихой задумчивости читалось на женском лице. И поза ее была динамична, передавала силу молодого тела... Но неживым, явно закошенным получился ее взгляд. Левый полный зрачок – в углу глаза, правый скрыт под верхним веком. Портрет впечатляющ, но не совершенен. Открытие это вызвало в душе Микеланджело муку. Как мог великий мастер не заметить своей ошибки? «Впрочем, все мы не безгрешны, – тут же осадил он себя. – В моих работах тоже замечают недостатки».

– Что вы скажете, маэстро? – нарушил затянувшееся молчание хозяин.

– Несомненно, очень талантливо.

– В прошлый ваш приезд я просил написать для меня картину! Когда исполните свое обещание?

Микеланджело, уловив в голосе полководца требовательную интонацию, ответил уклончиво:

– Когда позволят обстоятельства. Постараюсь поскорей.

Альфонсо (он никогда не скрывал своего тщеславия и любви к похвалам) повел гостя, как и в прошлое его посещение, в свой «Алебастровый зал», где находилась коллекция картин, пополнившаяся работой Досси. Свое название зал получил по той причине, что стены были облицованы рельефами и белоснежным каррарским мрамором, на фоне которого полотна смотрелись особенно выразительно. Высокий потолок украшала фреска, сияющая позолотой. И вновь Микеланджело задержался у портрета самого герцога Альфонсо, написанного Тицианом. Его манера узнавалась без труда. Как и на портрете Лауры, основным являлся темный фон. Полководец стоял в полный рост, возложив правую руку на жерло пушки. И выразительно смотрелись ярко освещенное лицо и руки. Однако это полотно было шедевром, лишенным всякого изъяна! Микеланджело, замороженный творением венецианца, не мог отойти. Портрет поразил его еще больше, чем в первый раз.

– Я восхищен, – признался он, взглянув на герцога. – Пожалуй, Тициан лучший из портретистов. Ваш образ запечатлен умело, он полон благородного величия и духовной мощи.

– Я передам ему ваши слова, – пообещал польщенный хозяин. – Мне самому сдается, что он удачен.

Картину Досси, «Пиршество богов» Беллини, работы малоизвестных венецианских художников герцог не только сам представлял, но и объяснял, почему они ему нравятся. Микеланджело слушал нескладную болтовню, набравшись терпения. Наконец напомнил, что время не стоит на месте...

Вновь вернулись в кабинет герцога. Микеланджело, в котором поминутно крепло желание начистоту объясниться с Альфонсо, решительно начал:

– Вы не спросили, почему я направляюсь в Венецию. Я бы хотел вам рассказать.

– Я весь внимание.

– Мне угрожали убийством. Угроза исходила и, конечно, поныне исходит от Малатесты Бальони.

– От Малатесты? От труса, сдавшего родовую Перуджу? По-моему, он у вас назначен главным кондотьером?

– Именно так. Я пытался найти поддержку в Синьории. Меня высмеяли. Поэтому ничего не оставалось, как срочно покинуть Флоренцию.

Герцог д'Эсте изменился в лице, оно точно окаменело. Он слушал сосредоточенно и серьезно.

– Из Венеции я хочу попасть во Францию, куда приглашал король... Однако сомнения гложут меня. Спасая жизнь, я оставил республику в тяжелый момент.

– Много раз я должен был погибнуть, – не без пафоса произнес Альфонсо. – Совершенно точно – в бою под Равенной. Не припомню, сколько раз был ранен. Сколько принял сражений... Я – воин. Ничья угроза не заставит бежать из Феррары. Здесь погибну, если так надо. Но вы посланы Провидением для того, чтобы творить святыни красоты. Я не могу быть вам судьей... Семнадцать лет назад, когда мы познакомились в соборе святого Петра, я находился в таком же положении, как вы теперь. Сперва папа Юлий меня простил за то, что вместе с французами разбил его армию, а затем, получив мой отказ передать ему герцогство, вознамерился казнить. Мы с Ариосто тайно бежали из Рима и многие месяцы скрывались... Маэстро, не забудьте о своем обещании подарить картину. Иначе в следующий раз я заточу вас в тюрьму, – неловко пошутил герцог, как и в прошлый раз.

Микеланджело решительно встал, давая понять, что пора прощаться.

На террасе второго этажа их застал дождь. Порывами промозглый ветер бросал в лицо дождевую пыль. Отведя в сторону камер-секретаря, суверен что-то сказал и вернулся к гостю. Во дворе ожидала запряженная четвериком карета.

– Покоя нет нигде. – помрачнел Альфонсо. – Принц Оранский ведет войска к вашему городу. Кесарь обретается в Пьяченце. А Вену штурмует армия османского султана. Будем надеяться на помощь Спасителя... Позвольте вас предостеречь. Из-за ливней река По вышла из берегов. Путь

в Венецию держите через Бондено. Там русло сужается. Вас сопровождают мои гвардейцы. Пусть хранит вас в пути Санта Мария!

В карете было просторно и тепло. Сопровождающий камер-секретарь с озабоченным видом поглядывал в окошко, а Микеланджело, взволнованный приемом, предался раздумьям. Герцог не так-то прост. Он – политик, меняющий свое мнение в зависимости от ситуации. В первый приезд, обращаясь с просьбой написать для него картину, он вдруг шутливо припугнул: «Вы – мой пленник, и если не напишите картину, то не выпущу из города». Сегодня повторил то же самое. Задерживаться в Ферраре, несмотря на непогоду, не стоило. Дальше от герцога – ближе к богу. Да и нет гарантии, что кесарь не направит войска против самой Феррары. А Венеция – стабильно сильная и благополучная – представлялась ему землей обетованной.

Некстати вспомнилось о понесенных уже в дороге расходах. Проехали всего полпути, а потрачено гораздо больше, чем предполагал. Корсини завтра утром отправится в обратную дорогу. Ему нужно отдать долг – десять дукатов. Кроме этого, Пилото ждет возмещение в четыре дуката за покупку лошади. А нужно еще уплатить за постой и корм для лошадей. Если так и дальше транжирить денежки, то до Франции их не хватит.

Ему было неизвестно, что в повозке, следующей позади, придворные везут для них провиант, теплую одежду и вино. А Мелонни дано указание,

чтобы потребовал от хозяина ночлежки ни скудо не брать с флорентийцев.

Микеланджело внял предостережению герцога. И следующий день, пока втроем добирались до Бондено, непрерывно лил дождь. Стало понятно, что лошадей придется сторговать хотя бы за бесценок. Неожиданно повезло: некий оборотистый купец согласился за три лошади заплатить десять дукатов.

Один вид разлившейся, с быстрым течением реки, несущей деревья, пучки трав и прочих хлам, вызывал леденящий страх. С детства избегал Микеланджело водоемы, поэтому и не научился плавать. Теперь предстояло пересечь широкую По в осеннее ненастье. Верный Антонио был невозмутим и деятелен, он разыскал моложавого лодочника, владевшего четырехвесельным судном, высокие борта которого внушили надежность.

Вместе с хозяином, ворчливым и наглым, в лодку залез гребец постарше, жилистый чернобородый крестьянин. Едва лодка отошла от причала, как ее потянуло в сторону, она закачалась, и чувство защищенности у Микеланджело тотчас пропало. По сторонам, – куда ни глянь – мутно-серая, бескрайняя стремнина, готовая в одно мгновение перевернуть суденышко и поглотить сидящих. Гребцы частили веслами, ставя лодку наискось течению, и она постепенно набрала ход. Первое волнение прошло, и Микеланджело стал думать о том, что до Венеции в этукую мокро-

погодицу нелегко будет нанять за сносную цену фиакр...

VI

Прозрение султана

После второго вечернего намаза Сулейман Кануни или, как величали его в Европе, Сулейман Великолепный, вызвал к себе Ибрагима-пашу. Никого из приближенных, кроме визиря, видеть ему не хотелось. Гнев владыки не остывал с того дневного часа, когда на военном Совете отдал приказ командирам всех корпусов армии снять осаду Вены и завтра, помолившись Всевышнему, с зарей начинать обратный путь к Стамбулу.

Он принял это тяжелейшее решение, смилив гордыню и не боясь бесславья, которое на радость гяурам быстро раскатится по Европе. Войну против Габсбургов был вынужден остановить потому, что его стотысячное войско оказалось не в силах одолеть малочисленный гарнизон из ландскнехтов и аркебузирив, защищавших крепость. Вместе с тем, он был убежден в том, что четырехмесячный поход нельзя назвать напрасным.

Прежде всего, удалось вернуть власть в Венгрии своему ставленнику, королю Запойяи, отбить Буду и Позонь. А благодаря сипахам, отчаянным конникам, он овладел богатой добычей – десятками тысяч пленниц и их детей. При этом успел разорить близлежащие земли короля Фердинанда. В итоге, противник долго не смо-

жет отвоевать мадьярский край и Трансильванию. Стало быть, мудрей всего принять как волю Аллаха то, что австрийская столица в этот раз не повержена, но намеченный военный план реализуется в будущем походе...

В ночи ни на минуту не унимался проклятый ливень, стегая по стенам и конической крыше шатра, укрытой шкурами и тканью, пропитанной воском. Походное жилище на деревянном остоле изнутри было завешано войлочными матами и коврами. Но всё равно ощущались холод и уют, и мрачное настроение султана никак не избывало, несмотря на ласки юной наложницы из походного сераля и сладостно дурмнящий дым кальяна, отдающий запахами трав.

Ибрагим-паша вошел с порывистой неуверенностью. Ожидая, пока слуга снимет с него мокрый плащ, стоял, потупив глаза. С самого начала похода великий визирь занимал должность главнокомандующего армии, и за то, что случилось в эти дни, именно он нес всю ответственность. Собрав дух, взглянув на султана, сераскер произнес шахаду:

– Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк.

Сулейман метнул в его сторону ястребиный взгляд. Ближайший с юности человек и соратник имел столь повинно-удрученный вид, лицо его выражало такую скорбь, что ничего, кроме презрения, не мог испытывать владыка. Несколько минут, не говоря ни слова, он держал сераскера на одном месте, у входа. И это длительное прене-

брежительное молчание ранило Ибрагима-пашу большей любого слова.

Наконец султан холодным тоном произнес:

– Ты давно не играл на сазе. Настрой и дай моему сердцу успокоенье.

Ибрагим осторожно снял со стены висевший на шнуре инструмент, осмелился сесть на оттоманку. Настроив саз, установил его грушеобразный корпус на коленях, ударил по звучным спаренным струнам ногтевыми фалангами. Бравурная мелодия, повторяющая фразы, сменилась надрывными интонациями, когда стал играть подушечками пальцев, едва касаясь струн.

– Иди, – приказал султан, мельком взглянув на сидевшую у его ног девушку. Она легкой походкой выпорхнула из шатра. Ибрагим украдкой наблюдал за повелителем, готовый вмиг оборвать игру. Но Великий Кануни продолжал безмолвно смотреть на свежие уголья в переносном камине. Головешки давали тепло, но ощущалось оно лишь вблизи этого сооружения с выведенной наружу трубой.

– Довольно, – остановил Сулейман на персидском языке, как делал всегда, когда разговор становился тайным. – Сегодня даже саз плачет. Что скажешь нового?

Визирь освободил руки и встал навытяжку. На секунду ему подумалось, что султан остыл от безумного гнева и помилует его...

– Великий повелитель, гонец привез пакет с отчетами Дивана⁸, – также на фарси отвечал

⁸ Диван – турецкое правительство.

Ибрагим. – Во всей нашей империи народом соблюдается покорность. В Анатолии духовенство прославляет ваше имя при каждом намазе! Получена депеша от агента из Венеции. В ней донесение, что в начале августа король Франциск и император Карл V заключили мирный союз в Кабре. Таким образом, французы признали свое поражение.

– Вот как? Этого и следовало ожидать. Только презренные гяуры способны на такую чудовищную низость! Французский король, как жалкий холоп, наконец-то выклял помилование у кесаря! – вскричал Сулейман, сверкнув белками глаз. – Его мать-королева присылала ко мне слугу с просьбой, чтобы я начал войну против Габсбургов, предлагая «союз лилии⁹ и полумесяца».

– Я помню, как этот посланник Франджипани не скупился тогда на лесть.

– Я ответил согласием, посоветовал королю не сдаваться и обещал дружескую помощь, – сердито перебил султан. – И сдержал свое слово! Не считаясь ни с чем, взял Венгрию и разгромил короля Лайоша. Мы прибавили к своим владениям задунайские земли кесаря. А теперь враги в объятьях друг друга...

– К вам, Великий Кануни, обращались даже венецианцы и папа Климент. Вероятно, первосвященник перестал надеяться на милость Христа, доверяя тем, кто воюет под стягом Аллаха.

⁹ «Союз лилии» – символ герба династии Валуа, правящей во Франции.

– Любой кафир ищет выгоду лично для себя, забывая о библейских канонах. Достойны ли уважения эти безбожники и предатели?

– Им ничего не остается, как признать, что на свете нет могущественней правителя, чем вы, о мудрый Хазретлери!¹⁰

– Что еще сообщили?

– Третий визирь, побывавший во Флоренции, доносит, что город готовится к осаде войск Карла V. Император намерен свергнуть бунтовщиков и узаконить Медичи, родственников Папы. Прилагается также описание скульптур Микеланджело, увиденных там. Этого скульптура и художника называют Божественным.

– Помнится, мы приглашали этого флорентийца строить мост через Золотой рог. Но гордец отказался. Предложите ему снова приехать и взяться за важное дело.

– Учитывая его великое мастерство, было бы благоразумно поручить ему написать несколько ваших портретов.

– Пожалуй, в этом есть смысл. Он должен появиться в Топкапы!¹¹

– Ситуация складывается как нельзя лучше. Этот художник прибыл в Венецию. Вашу волю я передам нашему посланнику в этой республике. Если Микеланджело откажет, придется принудить его. Полагаю, венецианский дож Гритти, нам хорошо знакомый, не откажет в содействии.

– На гяуров вообще не стоит полагаться.

¹⁰ Хазретлери (турец.) – высочество, обращение к султану.

¹¹ Топкапы – дворец султана в Стамбуле.

Сулейман, закинув руки за спину, мелкими шагами заходил по шатру. Его шаровары из аксамита, простеганного серебряной нитью, и парчовый камзол, украшенный драгоценностями, перстни на пальцах с бриллиантами и рубинами радужно переливались напротив свечей высокого канделябра. Длинное лицо потомка сельджуков, с узким крючковатым носом, всё заметней омрачалось.

– Оставим суетное! Или, может, ты, визирь, спокоен и всем доволен?! – задохнувшись от негодования, воскликнул султан. – Я снял осаду Вены, ибо это единственный выбор, данный Аллахом. Однако мы не достигли поставленной цели. Я впервые в жизни упустил победу, до которой было короче комариного носа. И за это головой должен ответить тот, кто командовал армией...

– Мой государь, клянусь Пророком, я делал всё, что было в моих силах... Но шайтаны преследовали нас с первых дней похода! Когда мы соединили войска в Белграде, начались дожди. Реки разлились и затопили дороги. Случалось, корпус янычар по несколько дней спасался на деревьях от бурных потоков. Мы были вынуждены оставить тяжелые орудия. Затем потеряли третью часть лошадей и верблюдов. Не досчитались около сорока тысяч воинов! На протяжении всего пути не доставало провианта и фуража. Цены на зерно выросли в двадцать раз! Наши ратники исхудали и утратили былую боевитость. Тысяча миль, пройденная не за два месяца, как прежде, а за четыре, измотала даже гвардию. Когда

же достигли предместья Вены и разбили лагерь, небеса снова разверзлись сумасшедшими ливнями вперемешку со снегом. Траншеи и подкопы наполнились ледяной водой. Запасы пороха, в значительной мере, намокли...

– Замолчи, жалкий болтун! – вспышка гнева бросила султана к визирю, и он с трудом сдержался, чтобы не ударить нечестивца. – Ты, на кого я полагался, не смог зажечь отвагой сердца воинов! Ты, грек, не оправдал моего доверия!

Ибрагим-паша, побледнев, как подрубленный, стал на колени.

Сулейман дрожал, частонося грудью. Сгоряча решил, что после сабаха¹² вздернет визиря на виселице перед янычарами. Пусть они увидят и устроятся позора, который окупается ценой жизни. Жестокость полезна в таких случаях. Воображение нарисовало картину казни, и Сулейман испытал некое облегчение от мысли, что свершится возмездие. Но, взяв во внимание настроение воинов, возвращающихся с пустыми руками, тут же отверг казнь Ибрагима-паши в походе, – еще может пригодиться. К тому же, при штурме Вены его сельджуков не воодушевили не только обещания высоких чинов и вознаграждений, приказы командиров и визиря, но даже воля его самого, Сулеймана! Значит, надо признать, что боевой дух изнуренной в походе армии попросту истощился. И теперь он подумал с удивительной ясностью, что о грядущих превратностях предупреждал его Аллах!

¹² Сабах – утренняя молитва у мусульман.

– Он останавливал меня... Препятствовал майскими дождями у Белграда, – горячечно зашептал Кануни, прикрыв глаза. – Лишил провианта и корма, чтобы повернул обратно... Предостерегал морозами! И даже тогда я, правоверный мусульманин, не внял знакам Всевышнего...

Султан вздрогнул от покаянной боли: в слепом тщеславии он не внял наставлениям Аллаха! И вот расплата за то, что возомнил себя властелином Азии, а поход в Венгрию предпринял, поддавшись искушению легкой победы!

– Встань, – мельком взглянув на коленопреклоненного слугу, приказал Сулейман. – Как ты будешь выглядеть перед людьми, великий визирь, если войдет балтаджи¹³ или ходжа?

Ибрагим-паша вскочил на ноги и вытянулся в струну, по-прежнему не смея смотреть повелителю в лицо.

– Когда я назначал тебя визирем, то обещал, что в трудную минуту сохраню твою жизнь. Сегодня – этот случай. Я прощаю тебя... Смотри мне в глаза! – пристыдил султан и продолжил с нарастающим раздражением. – Мне сказали, что Башир-ага наблюдал со стороны, как его пехотинцы, погибая, карабкались на крепостные стены, хотя должен был первым идти в атаку. Повелеваю утром этому трусу отрубить голову перед строем моей гвардии!

– Ваша воля, великий Кануни, будет исполнена! – подобострастно произнес Ибрагим-па-

¹³ Балтаджи – придворный охранник.

ша и, уловив прощальный жест султана, пятясь, выскользнул из шатра.

Вскоре старший балтаджи донес, что ужин готов. Но Сулейман потребовал только воды. Приказал, чтобы никто его не тревожил. В мыслях он уже был с Аллахом, и, желая наказать себя за собственные прегрешения, решил месяц поститься, и в эту ночь возносить молитвы, и читать Коран.

VII

Изгнанник

На острове Джудекка, отделенном от центра города проливом, у флорентийского банкира, поселившегося здесь год назад, Микеландже-ло снял две комнаты. Во время первого, давнего приезда сюда, в Венецию, он запомнил тесные островные задворки вперемешку с лужайками и деревьями. Вдоль берега улицы тянулись ску-ченно и вкось. Деревянные хибары, сбитые на живую руку, соседствовали с каменными жилищами. Островитяне выглядели людьми диковатыми, чем-то постоянно озабоченными. Речь их была отрывиста и невнятна, как будто постоянно перекрикивали друг друга. Да и народец собрался на отшибе разномастный. Наряду с рыбаками, ремесленниками и торговцами, сновали личности подозрительные, вечерами сбиваясь в шайки у пологой косы, где волны теряли силу.

Именно тут, на мелководье, были вбиты сваи для стоянок лодок и фелюг. Неподалеку громоздились цеха для ремонта судов, а в стороне моря,

в полуверсте, тянулся каменный пояс пирса, где собиралась флотилия. Судна, пестрея флагами европейских государств и неведомых земель, ожидали часа отплытия. Среди них выделялись венецианские быстроходные коки, турецкие и генуэзские галеры, мощные испанские парусники.

Микеланджело сносил неустроенность безропотно (особенно, если учесть, что за проживание хозяин назначил мизерную плату) и старался не обращать внимания на мелочи: на сырость, на трубный храп Пилото и скребущихся по ночам мышей. Что ни говори, а этот каменный дом стоял посередине острова. Рядом ютилась харчевня, где готовили недурно, хотя и дороговато. Близость ее, в данном случае, имела значение, поскольку остров, как и кварталы самого города, был подвержен подтоплениям. И никто не мог точно предугадать, когда начнется очередной прилив. Осенью наводнения случались чаще.

Первое время Микеланджело жил инкогнито. Мысли его сводились к одному: как добраться до Франции? Это, прежде всего, зависело от Баттисты делла Палла, служившего у французского монарха. Внезапный отъезд поставил Микеланджело в критическое положение. Он надеялся, что Баттиста лично его сопроводит и представит Франциску I. Обстоятельства изменились, и по прибытию в Венецию он отправил срочное письмо с курьером.

«Венеция, 25 сентября 1529 г.

*Моему дорогому другу Баттисте дела Палла
во Флоренции*

Баттиста, дражайший друг.

Я уехал из города, как вы, вероятно, знаете, чтобы отправиться во Францию. Прибыв сюда, я осведомился, и мне было сказано, что, дабы попасть туда, надо пройти по немецкой земле и что дорога эта опасная и трудная. Поэтому я решил узнать от вас, когда вам угодно будет ехать, если вы еще не передумали, и просить вас. Итак, я прошу вас мне об этом сообщить, и где вы хотите, чтобы я вас ждал, – и мы поедем вместе. Я уехал, никому из моих друзей не сказав ни слова и в большом беспорядке. И хотя я, как вы знаете, хотел отправиться во Францию во что бы то ни стало, и не раз просил разрешение на отъезд, и его не получал. Все это тем не менее вовсе не значило, что я решил, отбросив всякий страх, предварительно увидеть, чем кончится война...

Прошу вас, ответьте мне на обороте письма и как можно скорее, так как я сгораю от нетерпения ехать. И если вы раздумали ехать, снова прошу вас мне об этом сообщить, чтобы я нашел как можно лучший способ уехать в одиночку.

Ваш Микеланджело Буонарроти»

Минула неделя, другая, а Баттиста молчал. Дни тянулись однообразно и уныло. Непривычное для октября похолодание и дожди заставили раскошелиться: выторговать за четыре дуката сапоги для Пилото, купить себе рубашки, шапочку и шляпу с узкой тульей. Бесплодное ожидание, ничегонеделание крайне раздражали Микеланджело.

Вскоре они с Антонио остались вдвоем.

Сын хозяина дома, прибывший за порохом из Флоренции, сообщил о законе Синьории для тех, кто покинул город. В нем предписывалось возвратиться всем самовольным беглецам до шестого октября, – иначе они будут объявлены изменниками республики, лишены гражданства и принадлежащего им имущества. Пилото был так взволнован репрессиями, что решил, хотя не успевал до указанного срока, покаянно возвратиться. И на другой день отплыл в Тоскану вместе с торговцем.

Микеланджело не стал отговаривать ювелира. Только на что приятель рассчитывал, когда сломя голову бросился прочь из республиканского хаоса и по приезде в Венецию радовался, что избежал ограбления. А теперь, тяготясь неопределенностью грядущего, вновь бездумно ретировался. И что его ждет? Изъятие драгоценностей для нужд республики, повседневные лишения в осажденном городе? Впрочем, Микеланджело сам стал теряться в сомнениях: сможет ли без поддержки преодолеть путь во Францию и как там будет встречен, в сущности, совсем не знакомыми людьми...

По утрам дым очагов, разожженных внутри построек, выбивался из дверей и окошек, туманил улицы. Мешаясь с влажным соленым воздухом, он зависал над островом удушливой сизой пеленой, пока не поднимался ветер. Микеланджело наскоро закусывал куском пиццы или сыра, прятал в карман апельсин или гранат и отправлялся на берег.

Холодила щеки утренняя сырость. Небо, в серых текучих облаках, сливалось вдали с бескрайним водным простором. Взгляд прикипал к проливу, соединенному с морем. Волны расцветчивали его тусклыми, однообразными тонами. Чем дальше от берега, тем темней становилась гладь залива, хотя всего один луч, пробившийся сквозь облака, менял освещение. И панорама моря вмиг преображалась, окрашиваясь множеством оттенков. Сама матушка-природа живописала на просторе! Но, завораживая своим могуществом, не приводила в восторг. Не хватало некоего штриха, тайны, подвластной таланту человека. Не доставало – Микеланджело не находил, как точнее это выразить, – то ли душевного прозрения, то ли одухотворяющей мысли...

На берегу думалось о постигшей перемене в судьбе, о невыполненных работах. Новая сакристия стояла запертой в родном городе, ставшем ныне недоступным. Не считая лет, трудился он в капелле, надеясь, что этот монолит, художественный сплав всех видов искусства станет гордостью Флоренции...

Снова и снова вспоминалось, как папа Лев и кардинал Джулио потребовали спроектировать новую гробницу для рода Медичи и создать для нее скульптуры. Смерть понтифика прервала работу. Новоизбранный понтифик Адриан VI, увидев плафон Сикстинской капеллы, возмутился, что на нем множество нагих тел, как в бане, и приказал заменить другим изображением. Это был ножевой удар в сердце! Следом дошла

новость, что первосвященник благоволит потомкам папы Юлия. Они требовали, чтобы Микеланджело вернул деньги и выплатил неустойку за то, что нарушил договор по сооружению гробницы. Микеланджело грозил суд, возмещение убытков и конфискация землевладений.

В долгом отчаянии пребывал он, надеясь на чудо. И Господь смиростивился, прибрав папу Адриана. Вместо него был избран кардинал Джулио, взявший имя Климент VII. Ватикан опять возглавил флорентиец. Новый первосвященник объявил о возобновлении работы в капелле Медичи. Но судьба в третий раз решила испытать его на прочность! Во Флоренции совершился мятеж против папы Климента. И с этой поры Микеланджело только тайком мог что-то делать в Новой сакристии.

«Джулио всегда относился ко мне с уважением, – размышлял Микеланджело, подойдя к ореху, одиноко растущему близ берега, где никто не мешал сидеть на опрокинутом вверх дном рассохшемся бочонке. – Надо думать, идея гробницы Медичи принадлежит именно ему. Поэтому так ревностно следил он за ходом строительства. А теперь мы невольно стали врагами. По правде говоря, я принимался за работы, зная, что они будут хорошо оплачены. Не будь папских заказов: Сикстинской капеллы, гробницы Юлия и Новой сакристии – разве мог бы я проявить художественный дар? Конечно, были и другие работы. Но меня влекло творчество масштабное. Не беда, что какой-то недоброжелатель прозвал меня

«кладбищенским каменотесом». Глупцу никогда не понять, какие творческие возможности открываются, когда создаешь усыпальницу великого человека. Невольно внемлешь Гласу небесному... Папа Климент милостив. И возможно, я вернусь из Франции домой...»

В то утро к нему, сидящему под орехом, несмело подошел рослый парень, одетый по-турецки, – в двубортный кафтан и шаровары, хотя наружностью походил он на северного европейца: глаза синие, русые вьющиеся волосы, на щеках – веснушки. Сняв с головы феску, с трудом подыскивая слова, незнакомец спросил:

– Мессер, правда, что вы художник? Мне сказали в харчевне.

– Это так, – неприветливо ответил Микеланджело, решив, что это – попрошайка.

– Я направляюсь в Рим обучаться живописи. Посоветуйте, куда там обратиться?

Микеланджело удивила наивность чужестранца, и первоначальное раздражение сменилось ироничной заинтересованностью.

– А ты уверен, что у тебя есть способности?

– Мой дед был богомаз. Он расписывал храмы в Костроме, Москве и Суздале. А его наставлял сам Андрей Рублев. Дед меня хвалил и перед смертью наставлял, чтобы превзошел его в живописном ремесле.

– Откуда ты?

– Из Московского княжества. А наречен Еремеем. Знакомый дьяк благословил меня идти в Рим вдвоем с дружкой. На пути туда мы в полон к

туркам попали. Год гребли на галере. Сотоварищ надорвался и помер. Как выпал случай, я прямо с борта в море прыгнул. Шторм был окаянный, и турки, должно, решили, что утоп. А я полночи плыл до острова. Там греки приютили. Оттуда на купеческом судне сюда доплыл. Теперь хочу наняться на фелюгу, какая в Пизу пойдет. Оттуда, говорят, и до Рима близко.

– У кого нашему языку научился?

– На галере сидел с генуэзцем, у него набрался. Я и по-татарски, и по-польски понимаю. У мурзы посуду расписывал, а с пленными ляхами церковь в Рязани строил. Вот бы посмотрели вы, как я рисую. И сказали бы: будет ли толк?

– Приходи утром с рисунком.

– У меня нет бумаги. Можно мелом на доске?

Микеланджело кивнул и поднялся, давая понять, что разговор завершен.

Провожая взглядом уходящего чудака, Микеланджело припомнил, что года четыре назад к папе Клименту приезжал с посольством боярин из далекой Московии, и в Ватикане он был принят с большими почестями. Об этом ему писал кто-то из приятелей, возможно, Себастьяно Лучани, художник, входящий в ближний круг понтифика. Знал бы этот приятель, преданный Венеции, что сейчас Микеланджело на его родине...

«А если мне отправиться во Францию на корабле под венецианским флагом? – подумал он, дивясь, почему эта мысль не пришла раньше. – Так гораздо надежнее, чем пробираться по вражеской земле. Венеция живет в мире с

прибрежными государствами. Даже с султаном Сулейманом. Конечно, плаванье займет больше дней. Это лучше, чем прозябать на этом разбойничьем острове!»

Задумчивый, он вдоль берега возвращался домой. К полудню потеплело, и морская свежесть стала мягче. Густая синева проглянула среди туч. Море притихло. Его дали обрели лазурный тон. Впереди у каменного причала швартовался галиот, военный высокобортный парусник с округленным носом и кормой. Микеланджело остановился напротив и наблюдал, как действовала немногочисленная команда судна. Следом за матросами на берег сошел, волоча при ходьбе левую ногу, шкипер в форменной куртке и берете, приземистый, с бородкой. Вид он имел весьма воинственный, но Микеланджело смело остановил его вопросом.

– Синьор, вы владелец судна?

«Морской волк» глянул с вызывающим высокомерием, точно услышал нечто оскорбительное в свой адрес. Не каждый, наверно, выдерживал силу его сурового взгляда.

– Я – командор. Или вы не заметили, что на судне орудия?

– Примите извинение. Как опытный мореход, вы наверняка знаете, сколько суток пути отсюда до Марселя?

– Почтеннейший, об этом знает один Бог. При попутном ветре и, если не захватят корсары, то понадобятся недели три. В ином случае – более месяца, – пророкотал он и усмехнулся. – Наде-

юсь, сюда дошла весть о нападении Аюдин-рейса, турецкого адмирала, на флот генерала Портундо?

– Мне это неизвестно, – спокойно ответил Микеланджело.

– Испанец Портундо на восьми мощных галеонах сопровождал императора Карла V в Геную. На обратном пути в Барселону его выследили турки и ночью атаковали. У адмирала было четырнадцать галиотов. Варвары в чалмах взяли на abordаж флагманский корабль, убили капитана и захватили остальные корабли, за исключением одного, оказавшего достойное сопротивление. Ему удалось уйти к острову Ибица. Благодаря этому, стало известно о трагедии испанцев... А вы спрашиваете... В море – семь ветров! – командор махнул рукой и валко захромал к ожидающей его повозке.

VIII

Ангел на холме

Утром в Венеции выпал снег. Для конца октября это было чрезвычайной редкостью. Вскоре он растаял, как только остров окутал туман, скрывший и морскую даль, и городской пейзаж за проливом. Лишь вблизи берега просматривались волны, с перекастистым шумом разбивающиеся о земную твердь. Темными пятнами проступали в белесой пелене судна на якорях и привязанные к сваям лодки. За ними с тревогой наблюдали хозяева и случайные ротозей, мальчишки и купцы, сгрудившиеся вдоль излуки. Непогода у

всех нарушила планы. А если шторм усилится, то ожидай подтопления!

Микеланджело, несмотря на саднящую боль в плече, вышел на прогулку. Не остановила его холодная изморось, прежде всего, из-за данного москвиту слова. Конечно, это походило на глупость. Что можно ожидать от неуча? Тем не менее было интересно, что представляет собой искусство варварского народа, да и сам смелый парень чем-то приглянулся ему. Он даже прихватил для мечтающего стать художником дукат.

К удивлению, гигантский орех за ночь обнажился, сбросил разлапистую листву, обожженную снегом. Ветви, устремленные вверх, как будто раздалились и причудливо торчали в разные стороны. Коричнево-палевые груды листвы бутрились вокруг толстого ствола, распространяя спиртуозный бодрящий запах. Микеланджело стер рукавом кафтана влагу с плоского днища гондолы. И, усевшись, уловил за спиной шелест шагов. Москвит подошел, держа в руке завернутую в холстину какую-то поделку. Впереди него трусил пушистый рыжий кот. Прежде этот хвостатый красавец здесь не появлялся. Окраина была довольно далеко.

– Бог на помощь, синьор художник! – приветствовал Еремей, поклонившись – Вот, рукоделье свое принес.

– И кот с тобой?

– Привязался, как аспид.

– Показывай, – поторопил Микеланджело.

Парень размотал холстину и с трепетом передал закопченную прямоугольную дощечку, размером чуть больше локтя¹⁴. Меловой рисунок изображал ангела со склоненной головой, стоящего на холме. Абрис и штриховка выглядели тускло, хотя парень и догадался по возможности затемнить древесную фактуру. Странно, но даже при всем несовершенстве этот набросок выказывал умелую руку. Микеланджело снисходительно усмехнулся, стал объяснять:

– У тебя византийская манера. Ей присуще плоское изображение... Смотри внимательно! Если бы твой агнец поднял крылья, то закрыл бы ими небо. К тому же, опущенное крыло у него длиннее приподнятого... Скажу одно. Ангелок исполнен благодати. Для тех, кто пишет Лики, это самое необходимое. Пожалуй, тебе стоит учиться. Но не в Риме. Для православных икон важен колорит. Этому, как и законам пропорций, тебя научат венецианцы. Разыщи скульптора Якопо Сансовино и скажи, что от Микеланджело. Он поможет... Скажи, у вас, в Московии, много храмов?

– Сорок сороков в одном стольном граде! Они все у нас правильные. Угодные Господу! Не так, как здесь.

– Это почему же?

Еремей посмотрел смущенно. И, собравшись с мыслями, зачастил скороговоркой, не скрывая горделивой радости.

¹⁴ Локоть – флорентийская мера длины, равная 58 сантиметрам.

– Перво-наперво, при храмах у нас звонницы. Иной раз до полусотни колоколов! А удары их выше небес долетают! Такая благодать, что даже птица не поет. А что у вас? Один колокол при базилике и тот бухает, как пушка... Церковки наши с маковками и золочеными крестами на солнце блистают! Храмы у нас Божьими домами величают. Потому что алтарь сокрыт от глаз людских, и войти в него может только священник. А еще отделен он иконостасом. Подходишь к нему – и точно в рай попадаешь. Лики Христа и богородицы, святых, архангелов... А у вас нет такого. Одни статуи и витражи разноцветные. Глазу приятно. Но душу не трогает. Да и Престол развернут к закату. А у нас – на восток, к Богу, откуда будет второе пришествие. Батюшки литургию ведут, на Лик Христа и Богородицы глядя. А у вас – спиной к алтарю. Разве это по вере допускается, синьор Микеланджело?

– Вполне допускается. Пастор и пришедшие на мессу обращены друг к другу.

Еремей опять помолчал в замешательстве.

– Наш батюшка так же проповедует. И на исповеди я должен стоять пред аналоем и смотреть ему в глаза.

– Когда прихожанин знает, что святой отец слышит его, но не видит и не знает имени, то проще исповедоваться! – назидательно произнес Микеланджело. – Слова исповедника отлетают к Богу, и ничто не препятствует открывать свои грехи. А у вас – самоистязание.

– После исповеди душа светлеет. Толковый поп от грехов избавляет. Я это с детства знаю.

– Тут мы с тобой схожи. Бог у католиков и православных един. На иконах – Христос, наш Спаситель. И, думаю, скульптуры тоже.

– У нас не бывает скульптур, – с недоумением ответил Еремей.

– У вас в церквях нет статуй?

– По нашей вере это святотатство.

Это вызвало у Микеланджело недоумение. Вот уж полудикий край, где церковные каноны заимствованы у византийцев. Стало быть, его искусство в Московии предосудительно. Он прервал разговор с москвитом и, ссудив ему дукат, зашагал вдоль берега, бросив прощальный взгляд на отсыревшую дощечку, прислоненную к стволу. Мелкий дождь уже успел наполовину смыть изображение херувима. Еремей спешно заворачивал свое рукоделье в холстину. А кот, вскарабкавшись по стволу, уселся на нижней ветке и смотрел вниз, маяча в тумане расплывчатым солнышком...

Микеланджело знал, что Европу во множестве населяют варварские племена. Но лишь теперь озадачился, что во Франции, совершенно чужой для него стране, он не будет иметь успеха. Живопись не влекла его так, как в молодые годы. Его грядущее зависит от заказов. Делла Палла убеждал, что при королевском дворе, где обретаются маркизы и банкиры, он будет нарасхват. Так ли это? На чужбине, к тому же, говорят на непонятном языке. Учиться французской речи позд-

но. «Как будто в западню попал, – раздраженно корил себя Микеланджело. – Сорвался сгоряча из дому, не продумав дальнейшего. По крайней мере, нужно было дождаться от Франциска I личного приглашения».

IX

Тосканцы-приятели

Прошла еще неделя. Микеланджело понял, что не осталось иного выхода, как только самому предпринимать активные действия. И, прежде всего, он написал письмо Галеотто Джуньи, флорентийскому послу в Ферраре, чтобы доподлинно узнать, что происходит в родном городе. Во-первых, он посетовал, что поздно дошла весть об указе Синьории о возвращении беженцев, поэтому под угрозой наказания не решился приехать. Во-вторых, пожаловался, что влачит жалкое существование, поскольку в Венеции ужасная дороговизна. И, наконец, задал вопрос: конфисковано ли его имущество и стоит ли уповать на помилование, если вернется. Его недолимо влекло на родину.

В душе подспудно таилось чувство вины за свой опрометчивый поступок. Чем дольше находился он в одиноком укрытии на острове, тем ясней сознавал, что никогда не обретет на чужбине той независимой и относительно размеренной жизни, которая была привычной для него на родине или в Риме. Ради чего он претерпевает эту скитальческую неустроенность и невзгоды? Стать

в преклонные годы блудным сыном – это ли не позор и безумие?

На стук в дверь вышел Антонио и, возвратясь, объявил о приходе посетителя:

– Учитель, к вам синьор Якопо Сансовино.

Микеланджело от неожиданности смутился. Сансовино? Скульптор, который написал ему гневное письмо за отказ поручить отделку фасада Сан-Лоренцо? Стало быть, обида прошла, и решил помириться? Но как нашел? И мгновенно догадался, что по простоте душевной выдал юный богомаз. Не предупредил парня, чтоб молчал, – сам виноват. А, может, это и к лучшему!

– Немедленно зови земляка! – оживился Микеланджело, вконец измаявшийся в молчаливом одиночестве.

Сансовино, невысокий щеголь, в подбитом мехом плаще и черном бархатном берете, оттеняющем его светлую бородку, с достоинством вошел в небольшую комнату. Они обменялись сдержанными приветствиями, посетовали, что не виделись много лет. О недоразумении между ними предпочли умолчать.

– Дорогой Микеланджело, почему вы живете затворником? – с участием спросил Якопо. – Мне трудом удалось разыскать вас, благодаря хозяину харчевни. Разве можно прозябать на Джеддуке, да еще в квартале, где одни разбойники. Я готов предложить вам перебраться ко мне.

– Парень сгустил краски.

– Я направил его к Манчини, знающему человеку.

– Я не сомневался в твоём великодушии, Якопо.

– Маэстро, я хочу передать вам поклон от небезызвестного Аретино. Он настоятельно просит вас посетить его дворец, где сегодня устраивается вечеринка для друзей. Лодка у причала ожидает нас. Вы же знаете импульсивность и необузданную натуру Аретино. Чего доброго, он сам явится сюда глубокой ночью с развеселой компанией и артиллерией бутылок. Я также присоединяюсь к его приглашению!

Микеланджело только развел руками. На самом деле, пора разнообразить существование аскета, хоть на часок окунуться в коловёрть жизни собратьев по искусству.

Пролив в закатном освещении и искорках мелких волн преодолели без затруднений, благодаря попутному ветру. И, войдя в Канале-Гранде¹⁵, где едва ощущалась качка, лодочник стал грести реже. На ясном небе уже горела первая звездочка. По лесенке причала выбрались на гранитный тротуар перед дворцом Аретино, с широкой террасой на втором этаже и цветочными вазами, украшающими балконы. Светлого камня стены, фигурная черепичная кровля, пилястры, полуколонны – всё свидетельствовало, что зданию никак не меньше полусотни лет. И наверняка стоимость его была посильна только человеку, имеющему огромное состояние.

¹⁵ Канале-Гранде – Большой канал, главная водная магистраль Венеции.

Микеланджело отнюдь не испытывал большого желания встречаться со скандальным сатириком и «певцом разврата». Их познакомили при папе Льве X, и отношения тогда сложились нейтральные. Но однажды кто-то из художников, работавших в Перудже, поведал Микеланджело о молодости Аретино, который, скрывая происхождение и подлинное имя, взял простейший псевдоним – человек из Ареццо. Сей дерзкий остро слов, как выяснилось, был сыном простого сапожника. Но, презрев низкое ремесло папаши, день и ночь кропал скабрзные и злые куплеты. За один из таких сонетов, где в карикатурном виде выставлялись попы, готовые продавать индульгенцию любому грешнику, он был изгнан из родного городка. Поселившись в Перудже, Аретино поступил в университет, но проучился несколько месяцев, ибо оскорбительные выпады против преподавателей привели к скорому отчислению. Неугомонный тосканец решил заняться живописью. Он делал первые успехи, когда снова попутал бес: изобразил Пресвятую Деву Марию, играющую... на лютне! За дикое богохульство Аретино был выставлен маэстро за дверь.

Перед Микеланджело он впервые предстал, служа секретарем у римского банкира Киджи. Особенно заговорили об Аретино, когда распространилась по городу сатира на смерть любимого слона понтифика. В ней не столько оплакивался ушастый бедняжка Ганно, сколько издевательски высмеивалось духовенство. Однако реакция Льва X на появление этой гнусной вирши поверг-

ла клир в полную растерянность. Вместо осуждения понтифик расхвалил эту стряпню и так развеселился, что потребовал немедленно привести к нему автора.

С того времени эпатажный Аретино стал завсегдатаем папских пиршеств. Безнаказанность распалила его творческий жар! Стихотворец настолько осмелел, что дерзил даже кардиналам. А свою славу исхитрился упрочить тем, что стал наклеивать на статую Пасквино, вблизи пьядца Навона, листовки с ерническими текстами на всех подряд: церковников, придворных, общественников. Римская чернь обхохатывалась, дивясь вседозволенности хулителя знаменитостей. Но мало кто знал, что втайне он выполнял задания покровителя, кардинала Джулио Медичи. Именно этот советник и родственник Льва X негласно управлял всем, что происходило в папских владениях. И, вероятно, Аретино, обладая разящим остроумием и способностью услужить кумиру, долго бы процветал под сенью папской длани, если бы не внезапная смерть понтифика.

Прославшийся прорицателем, сатирик остался верен себе, и во дворе Ватикана уничижал сатирами всех претендентов, кроме своего хозяина – кардинала Медичи, пока из трубы Сикстинской капеллы не повалил белый дым, возвестивший об избрании первосвященника. Увы, главой католиков стал сын изготовителя лодок, нидерландец Адриан VI. И пасторскую службу начал он с борьбы против богохульников. И первым назвал имя Аретино, помня его оскорбительные стишки.

У пасквилянта уже не было в Риме заступников – банкир Киджи и папа Лев навеки почили. Выведав у одного из церковников, что ему грозит суровое наказание, поэт умчался в Мантуйское герцогство под крыло суверена Федерико Гонзага. Затем перебрался к кондотьеру Людовико де Медичи, воевавшему против кесаря. О дальнейшей судьбе «бича правителей», как называли насмешника, Микеланджело ничего больше не слышал. И то, что Аретино стал обладателем великолепного дворца, будучи на равных с богатеями и правителями, и, как поведал Якопо, сам глава республики благоволит к Аретино, показалось Микеланджело фантаσμαгорией...

У парадного входа встретил их привратник, одетый, точно на карнавал, в пеструю куртку и брючки с разноцветными штанинами. В аванзале, ярко освещенном подсвечниками, к ним бодрой походкой вышел дворецкий, моложавый бровастый креол и, увидев Сансовино, отчеканил:

– Сию минуту доложу!

Широкая гранитная лестница, огражденная перилами из мореного дуба, позолоченные люстры и напольные вазы из лилового стекла, многократно отражающие огоньки свеч, – все убранство дворца имело изысканный и внушительный вид. Минуту спустя дворецкий сопроводил их в апартамент хозяина.

– О боже! Я не верю своим совиным глазам! Божественный Микеланджело! Я готов упасть перед вами на колени! – залпом выдал Аретино.

Он очень изменился с последней встречи. Высокорослый, могучий, располневший, с бородой до груди, удлиняющей и без того продолговатое лицо с большими глазами, этот самодовольный толстяк ничем не напоминал вертлявого стихоплета, потешавшего папский двор. Вдобавок ко всему, дорогое парчовое одеяние делало его великаном.

– Не преувеличивайте, мессер Аретино, – шуточно ответил Микеланджело. – Хозяину такого дворца пристало только молиться на коленях.

– Вам нравится мое гнездышко? Похвально! – развязной интонацией весело строчил писатель. – Скажу по секрету, этим домиком помог обзавестись один из моих почитателей. Подлец, но – милейший человек. Иногда из грехов вырастает золотое дерево!

Сансовино подмигнул Микеланджело.

– В этом искусстве никто не может сравниться с Аретино.

– Да, синьоры, это так. Миром движут пороки. И это я доподлинно доказал своим творчеством. Меня знают, и прославляют, и бранят во всей Европе. Пусть слава эта похожа на распутницу, но все ее желают, с ней не хотят расставаться. А мои куплеты с описанием эротических поз, изображенных на фресках Романо, везде цитируются наизусть!

– Разве их не замазали в церкви Мантуйи? – подначил Сансовино.

– Я на короткой ноге со всеми правителями и – даже кесарем, – будто не слыша, запальчиво

продолжал оратор. – Ханжи и попы вопят: «Аретино – богохульник, проповедник разврата! Этого слугу сатаны надо сжечь!» И, конечно, давно бы мой пепел разлетелся по Италии, если бы не великие покровители. Дож Гритти прямо заверил, что в Венеции я неприкосновенен. А молодые нежные синьоры... Красавицы не отказываются разделить со мной ложе... Впрочем, друзья мои, нас ждет стол, за который бы сел Дионис со своей похотливой Афродитой. Вперед, тосканцы!

Пройдя дворцовую анфиладу, достигли зала торжеств, перед которым ожидали еще четверо приглашенных. Судя по своему национальному наряду, один из них, усач в чалме, был турком, другой, обладатель длинных висячих усов, в куртке синего цвета особого покроя, с двумя рядами серебряных пуговиц, наверняка принадлежал к морскому офицерству. А высокий узколицый фат, с прищуренным вникающим взглядом и вздернутым носиком, голова которого походила на стожок соломы, благодаря рыжей шевелюре, оказался, как выяснилось позже, французским послом Лазаром де Баиф. Четвертый молодец, с заспанным лицом и в мятых штанах, не проронивший за время гулянки ни слова, остался Микеланджело неизвестным.

– Хочу представить вам, синьоры, моего старого товарища, – с театральным придыханием вымолвил Аретино. – Великий Микеланджело Буонарроти!

Неожиданное появление легендарного художника восприняли по-разному. Француз

с радостным удивлением заулыбался. Морской офицер крякнул и чинно наклонил голову. Молодец вытаращил глаза, делая вид, что поражен. И только турок почему-то не выказал волнения, заговорил как по писаному:

– Я тронут этой встречей, маэстро. Слава ваша в империи, – да хранит аллах солнце всех мусульман, Сулеймана! – не знает границ. Когда я узнал, что мой друг Аретино пригласил вас, то сам напросился к нему...

– Это секретарь посланника Османской империи, почтенный Махмуд-ага, – вставил хозяин, отодвигая свой стул.

– Мне также приятно познакомиться, – коротко отозвался Микеланджело, заметив льстивую гримасу на лице дипломата.

– Да здравствует пир! – крикнул Аретино и ударил в ладоши.

В несколько минут огромный стол был накрыт. Преобладали блюда из мидий и гигантских креветок, рыбы, экзотических овощей. Вина, от которых исходило благоухание, наливались лакеями из полуведерных графинов, специально изготовленных муранскими стеклодувами. За столом, по праву полного хозяина, солировал Аретино. Он произнес тост, славя Микеланджело, следующий поднял за дожа республики Гритти, далее – за Сансовино. При этом требовал, чтобы гости осушали бокалы до дна, сделав исключение только для Микеланджело. Нескольких тостов оказалось достаточно, чтобы гости захмелели.

– Благодаря нашему дождю, мудрейшему Андреа, моему другу, Венеция стала лучшей страной в мире, – назидал хозяин, повышением голоса останавливая всякого, кто хотел перебить. – Кто даровал нам мир? Он, когда подписал договор с кесарем, хотя и отвалил ему двести тысяч дукатов. Но мы, чья родина Тоскана, – Микеланджело, я и Сансовино, великие люди, хотели бы, чтобы Флоренция жила так же свободно. Презренная чернь и ремесленники подняли мятеж, выбрав глупцов правителями. Войска кесаря, моего друга, легко сотрут их в порошок!

Микеланджело отмалчивался, жалея, что согласился сюда приехать. Им овладела среди чуждых людей мрачная бесстрастность. Наконец он поднялся, чтобы просто побыть на свежем воздухе. Его проводил лакей в комнату, дверь из которой вела на террасу. С облегчением дышалось морской свежестью, доносимой по каналу ветром. Но вскоре ее пересилил запах заплесневелых стен, погруженных в воду, горечь печного дыма, затхлый дух древесных свай. «Странно, никто не поинтересовался, почему я здесь. Вероятно, думают, что решил избрать их город постоянным местом жительства... Хорошо, что здесь француз. С ним надо поговорить...»

За спиной раздались тихие шаги. Микеланджело обернулся.

– Маэстро, прошу извинить, что беспокою. Но разговор неотложен, – голос турка был вкрадчив и дружелюбен. – Я обращаюсь к вам от имени великого визиря Ибрагима.

– Я готов выслушать.

– Досточтимый великий визирь, уважая и почитая вас как лучшего на свете художника, ваятеля и инженера, просит принять великодушное их приглашение и прибыть в столицу империи. С вашими знаниями и несравненным умом вы способны совершить величайшее чудо. Речь идет о строительстве моста в Стамбуле через пролив Золотой Рог. Никто, кроме вас, не сделает этого, – подобострастно точил елей Махмуд-ага. – Великий визирь велел сказать, что за выполнение заказа будет заплачена любая сумма, названная вами. Вы будете обеспечены жильем во дворце, прислугой и прочим, чего пожелаете.

– Благодарю за предложение. Но вынужден вам отказать, – с внезапным раздражением ответил Микеланджело. – У меня иные планы.

Дипломат не скрыл вздоха разочарования.

– И все же я надеюсь, что обстоятельства так сложатся, что вы приедете в Стамбул. Мне приятно передать записку, которую написал ваш давний приятель, купец Томмазо ди Тольфо, – бросил заранее приготовленный козырь турок. – Он весьма успешно ведет у нас торговые дела.

Микеланджело понял, что о нахождении его в Венеции туркам было известно задолго до этого вечера. И это еще более насторожило. Он взял из руки секретаря сложенный вчетверо лист.

– Я буду ждать окончательного ответа. Наше посольство вблизи дворца Дожей. Его легко найти, – многозначительно уточнил Махмуд-ага и, уходя, поклонился.

Микеланджело, вернувшись в зал, освещенный канделябрами с толстыми свечами, прочел записку. Томмазо настойчиво звал его в Турцию, страну процветающую, где чрезвычайно ценят искусство. Но между строк угадывалось, что это послание было написано под чью-то диктовку.

Аретино врал складно и талантливо, как принимал участие в бою против турок. Махмуд-ага покинул дворец, и можно было нести что угодно. Морской офицер, вконец осоловевший, поглотивший всё, что стояло перед ним на столе, икая, слушал с недоверием. Лицо его постепенно краснело, накалялось, глаза выпучились. Не стерпев, он вскочил и рывкнул во всю мочь:

– Как ты мог ударить с носовой пушки и поджечь галеон, если был дикий шторм?!

– Так, как ты не умеешь! – парировал словоблуд. – Я выстрелил с волны. Понимаешь? Улучил момент, когда она подняла меня выше всех. Османы пошли на дно. Матросы от радости бросились целовать мне сапоги. С тех пор военные суда всех стран пользуются моим открытием. В шторм бьют с волны!

– Это неправда! Говорю как офицер республиканского флота с тромона¹⁶...

Микеланджело переглянулся с Сансовино, и они поняли друг друга. Пирушка длилась уже третий час. Вместе с ними вышел из-за стола французский посланник де Баиф.

– Мессер Буонарроти, нет ли у вас желания посетить нашу великую страну? – на ходу спросил француз. – Вы бывали в Париже?

¹⁶ Тромон – тяжелая боевая галера.

– Не бывал. Мне прежде сообщал делла Палла, который консультирует вашего короля по вопросам искусства, что Франциск I приглашает меня.

– Я сегодня же напишу ему о встрече с вами. Пусть не останется у вас сомнений, что будете окружены такой же заботой и вниманием, как Леонардо.

Напоминание о да Винчи испортило настроение Микеланджело. Он сухо заключил:

– Я подумаю. Но хотел бы иметь гарантии.

– Разумеется, мессер Буонарроти. Недели через две придет ответ.

На набережной Микеланджело расстался с Сансовино, пригласившим его в собор Сан-Марко, главный купол которого он почти восстановил. Якопо также поведал, что с недавнего времени занимает должность главного архитектора Венецианской республики.

– Я рад за тебя, – улыбнулся Микеланджело. – Ты бежал из Рима, когда туда ворвались ландскнехты и убивали всех, кто попадался. Ты очень талантливый человек. За два года показал венецианцам, что стоит флорентийская школа.

– Здесь я задержался потому, что получил подряд на восстановление купола. Помогли Аретино и Тициан. Жаль, его нет сейчас в городе... Но первоначально я хотел уехать во Францию.

– Вот как?

– Маэстро, быть может, вам требуется работа? Я приложу все усилия... Полагаю, вы не случайно уехали из Флоренции. Ваша судьба и моя сходны. Пусть это другая земля, но тут говорят на итальянском языке.

– Я думал об этом...

Микеланджело согласился навестить молодого друга, который его считал своим главным учителем. Загрустивший Якопо шел вдоль канала, провожая уплывающую лодку, пока она не исчезла во мраке ночи.

На другой день Микеланджело был ошеломлен приездом своего земляка и товарища Бастьяно. Это было невероятно! Но еще более нереальным оказалось то, с чем приехал каменотес, много раз помогавший ему добывать мрамор. Улыбающийся гость достал из дорожной сумы толстый пакет, наглухо обклеенный бумагой. И подтвердил свои слова подлинными документами. Во-первых, это была охранный грамота от Синьории, разрешающая ему въезд во Флоренцию и гарантирующая безопасность. Во-вторых, десяток писем от друзей и близких. Первым попало письмо от Баттисты делла Пала. У Микеланджело забилося сердце. Он столько ждал его...

Но Баттиста писал не о Франции. Пробежав первые строчки, Микеланджело остановился на жгущих душу словах: «Все ваши друзья без различия убеждений, без колебаний, единогласно увещевают вас вернуться, чтобы сохранить свою жизнь, свою родину, своих друзей, свое имущество, свою честь и чтобы вкусить новых времен, которых мы так пламенно желали и чаяли».

Микеланджело поднялся и отошел к окну, чтобы Антонио и Бастьяно не увидели его слез...

Нина Викторовна ПОПОВА – кандидат филологических наук, поэтесса, публицист и переводчик, заместитель председателя Союза писателей России, член правления Академии Поэзии и Славянской литературной и художественной Академии (Болгария).

Главный редактор журнала «Балашиха: Голоса сердец».

Автор 8 поэтических книг, научной монографии, весомого ряда авторских сборников, альманахов, статей и 5 музыкально-поэтических альбомов. Лауреат литературно-общественных премий и наград им. С.А. Есенина, Г.Р. Державина, В.В. Маяковского, Дмитрия Кедрина, «Русский Лад», «За вклад в просвещение», «За гражданское достоинство» и др. Имеет награды Министерства культуры РФ, Министерства коммуникаций и цифрового развития и Министерства обороны России.



**Нина
ПОПОВА**

Поэзия



СВЯТАЯ РУСЬ

На купол небо прилегло –
Устало от земного зла,
Но через тьму звонят светло
Колокола, колокола...

Будь крепок, ближнего любя,
Ведь каждой пули остріё
Вновь хищно смотрит на тебя,
И на него, и на неё.

Когда разбросаны окрест
Объедки чумовых пиров,
Неси души тяжёлый крест
И не ищи других даров.

Лети душой своей туда,
Где журавлей печальный клин
И слёз небесная вода
Кропит молитвенный Помин.

Трепещет огонёк свечи
За жизни – не за упокой!..
Земля родная, не молчи,
Могил выравнивая строй.

Будь берегиней, мать-земля!
Судьбу с тобою разделив,
Встают сыны в твоих полях –
Всех супостатов супротив.

И пусть жестокой будет сечь,
Где штык к штыку, строка к строке –
Святой Руси былинный меч
Не дрогнет в праведной руке!

НАШИМ СЫНОВЬЯМ

Я не снилась тебе никогда,
Да и мне ты не снился допрежде,
Но когда опалила беда,
Я вошла в твои сны обережем.

Отвергая холёный покой,
Я иду по суровой дороге,
Моё сердце отныне с тобой –
Тоже вставшее в строй по тревоге.

Ведь «Никто, кроме нас!» – твой девиз,
Чей-то сын, чей-то мальчик-надёжа,
Русский воин, родимый, держись –
Я – с тобою, я – мать тебе тоже!

ПИСЬМА НА ФРОНТ

Когда на чаше у весов вселенских
Война лежит немилосердной глыбой,
Не отсиделся ты в посёлке энском –
Ты сделал выбор!

Коротких эс-эм-эс мне очень мало,
Но благодарна и за это чудо!
Сейчас роптать, родной мой, не пристало.
И я – не буду!

Но я нашла единственное средство,
Целительное от разлучной боли –
Пишу я письма, чтобы в них согреться
Твоей любовью!

Сама пишу, сама и отвечаю –
Бегут слова по замкнутому кругу...
Но полночь входит не гонцом печали –
Моей подругой.

И не нужна мне истина другая,
Я только сердцем любящим ведома:
Пишу я письма, в них оберегая
Дорогу к дому!

БЕЛОГОРЬЕ

Стелется реченька по бережкам,
Но в непогоду бывает бурлива,
Здесь я узнала по первым шажкам
Тропку над белым высоким обрывом.

Над Белогорьем орёл воспарил,
Небо сшивая невидимой стёжкой.
Здесь обрела я таинственный мир,
В мамину юбку вцепившись ладошкой...

Взгорьев родных богоданный удел,
Я ли тебе не песчинка родная?
Благословенно ты в сердце созрел
Белой строкой белгородского края.

Правила отчих просторов просты –
Жизнь преподает и проверит уроки,
Вешки извечной Засечной черты
Мне проложив напрямик через строки.

О, Белогорье, в беде не смолчим –
В тьме непроглядной мы выстоим
смело,
И не померкнет в ненастной ночи
Всё, что веками звенело и пело!

СОЛДАТКАМ РОССИИ

Две подруги-солдатки,
Пелагея да Галя,
Жизни сытой да сладкой
Отродясь не знавали.

Не житейскую стылость –
Счастья помнят минуты,
Хоть жилось им, тужилось,
Так, что спины согнуты.

Их родные солдаты
Не дошли до Победы.
В одиночестве хаты,
В одиночестве – беды.

Только женское сердце
Верно данному слову
И любовью согреться
Не позволило снова.

Шли и вёсны, и зимы:
Честно, строго, на людях.
Помнят бабы любимых –
Кто ж за это осудит?

От мужей – лишь медали,
Что горят негасимо.
Ждут солдатки, как ждали,
Ждёт солдатка-Россия!..

Наклонилась лесная крона,
И открылся нездешний свет:
Ни звезды, ни мечты, ни стоны,
Ничего надо мною нет.

Только неба немая чаша,
Где сражаются свет и тьма,
Где по Промыслу души наши
Обретают свои дома.

Где хранятся в святом молчанье
Все истоки высоких слов,
Где молитва таит камлание
Вещих звёзд и седых волхвов.

...Ввысь летят человечьи стоны,
О земном печаль не тая.
У глядящей с небес иконы
Вновь обугленные края.

МЕДУНИЦА

Сладкий запах медуницы
По-над лесом, по-над полем
Незабвенностью струится
Над отеческим раздольем.

Вдаль медовую дорожку
Выстилает, не печалась,
И ведёт меня к порожку,
Где судьбы созрела завязь.

По-над реченькой-песчанкой,
По холму и по оврагу –
На крылечко, где с тальянкой
Дед сидел, и «За отвагу»

На груди медаль горела,
Ордена звенели строго.
(Дед-разведчик, знамо дело,
Фронтовой прошёл дорогой!)

Вот бабуля нам, внучатам,
Маслицем кропит горбушки,
Шепчет: «Вы ж мои зайчата!» –
Молоком наполнив кружки.

Спозаранку без устатка
Наколдует нам коврижки,
Заплетёт косички Татке
И вихры пригладит Мишке.

Ну, а мне, бедовой самой,
Платье штопает со вздохом,
Попеняв, что в детстве мама
Не вела себя так плохо.

Неизменным атаманом
Я была на всяко дело!
Нынче и подумать странно,
Как бабуля всё терпела?

...Золотые медуницы
Расцветали в детстве-сказке.
Поклониться б до землицы
Роднику любви и ласки!

* * *

На стремнинах земных суетливых
Есть спасение тихих минут –
Посиди под тенистою ивой,
Позабудь, как ты важен и крут.

Отдохни, ты мечтал о покое
На тернистом и трудном пути,
Ты устал от мороза и зноя,
Ты устал эту ношу нести.

Радость жизни стремительно стынет,
Хоть и дел впереди – громадьё,
В многолюдной житейской пустыне
Занедужило сердце твоё...

Помолчи под листвою плакучей,
Постарайся побыть сам собой –
Это, может, единственный случай,
Предоставленный строгой судьбой.

По небесному соизволенью,
Затаясь в сочной гуще ветвей,
Здесь в заветное чудо-мгновенье
Для тебя будет петь соловей.

Звонкогласой заслушавшись птахой,
Что не ждёт ни похвал, ни гроша,
Сердце сладко замрёт под рубахой,
Затрепещет, ликуя, душа...

* * *

Гнётся месяц коромыслом –
Плещет звёзды через край,
И текут земные мысли
Прямоком в небесный рай.

Колобродить будет вьюга,
Разбитные песни петь.
Воцарится над округой
Снеговая круговерть.

Вьюге подпоём раздольно,
Веселясь от кутерьмы,
Разудалое застолье
Затевая в честь зимы...

И на этом свете белом,
И в душе – белым-бело:
То ли вьюга налетела,
То ли счастья намело?..

НОЧКА

У речушки-сводницы,
Что всегда приметлива,
На цветущей вольнице
Ночка нас приветила.

Ночка черноглазая,
Сладкая, смешливая,
То ли нас ты сглазила,
То ли осчастливила...

Ох ты, ночка бойкая,
Я пыталась выстоять –
Грешную да горькую
Выдыхая исповедь.

Ветерки игривые
Шепчут: «Где твой
суженый?»
Жгут меня крапивою
Языки досужие.

Вьётся, вьётся чаечка
Над речною кручею,
Вьётся, не печалится,
Навевает лучшее.

...Ах ты, ночка-ноченька,
Не прошла стороной –
Черноглаза доченька,
Резвая да звонкая...

КРИНИЦА

Что за жаркие денёчки!
Выцветают неба ситцы.
Эх, укрыться бы в тенёчке
У подруженьки-криницы.

О своём журчит прохладно
Родниковая водичка...
Посижу спокойно-ладно,
Словно птичка-невеличка.

Может, о своём чирикну –
Запишу строку в блокноте,
Приноравливаясь к ритму,
К родниковой чистой ноте.

И тогда гадать не надо,
Хороши ли строки эти:
Если жарко, в них – прохлада,
В непогоде – солнце светит.

Звонкой птицей зоревою
Пролетают над криницей,
Напоённые живою
И живительной водицей.

Сёла бывают разные –
Богом забытые, Царские,
Родом откуда Разины,
Минины да Пожарские.

То деревеньки сирые,
То хутора казачьи –
Здесь началась Россия,
И не сказать иначе.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ КРЕМЛЬ

В Измайлово есть кремль.
И пики башен
Видны всегда и всем издалека.
Он, как кулич пасхальный,
разукрашен,
Хоть на счету года, а не века.

Взглянуть на то, как жили
предки наши?
В хоромах царских! В небо –
купола,
Где в золоченых гранях солнце
пляшет.
Крыльцо, резные ставни, даль
светла...

Пусть новодел. Но к русскому
подворью



Екатерина
ПОЛУМИСКОВА

Поэзия



Стекаются туристы день-деньской.
Задумка грандиозная, кто б спорил –
Обычный кремль в фантазии людской.

У рынка арифметика простая.
Историю Отечества люблю,
Но, побывав в Измайлово, мечтаю,
Чтоб в каждом парке было по кремлю!

Найдётся ль нынче зодчий, самый-самый,
Когда «простор Вселенной бороздя»,
Он взялся б строить терема да храмы?
И чтобы – без единого гвоздя!

И чтобы без единого упрёка –
Фасад, ограда, в центре – площадь там,
И солнце, восходящее с востока,
Раскрашивало б стены по утрам.

Балалайки да медведи,
Ярмарки, цыгане...
Что ж невеселы, соседи,
В нашем балагане?

Аль не досыта хлебали
Лаптем щи да кашу?
Загляделись в наши дали –
Не видали краше?

Три струны напевом вольным
Полонили душу,

Только кузов треугольный
Боли не заглушит.

Загостились с голодухи?
Иль по праву гостя
Перебрали медовухи
На чужом погосте?

Ведь дружили-то веками!
Так пошли с похмелья
На хозяев с кулаками
Да на шею сели.

Коль не гости вы, а братья,
Так трудом живите
И порядок в общей хате
Вместе наводите.

Стол один – един закон
Честным, добрым людям.
Так бывало испокон,
Так и нынче будет.

**У ПАМЯТНИКА
Л.Н. ТОЛСТОМУ
В МОСКВЕ**

Всё грезит о вейнях новых
тот дворик на Поварской.
Лужайка у «Дома Ростовых».
Задумчивый граф Толстой.

Ах, Лев Николаевич, что же Вы
грустите под сенью крон?
Цепляются дни погожие
за Ваш некрестьянский трон.

И полнится взор глубокий
предвестьем лихих дорог.
Травой прорастают строки
у бронзовых Ваших ног.

И солнечный луч по
касательной
в умах разметает пожар.
Ещё не забыли писатели
про Божий и вещей дар.

Ах, Лев Николаевич, где же мы
воспрянем душой, без обид?
А русское слово по-прежнему
настойчиво в сердце трубит.

То слово победное, вечное,
в пороховом ли дыму
летит во врага картечью,
где жизнь до конца – Отечеству,
а совесть и честь – никому!

Гуляет не зря по столице
сентябрьская жара.
И на Поварской, по традиции –
все лучшие «повара».

Не хлебом единым сытые,
духовный продолжить пир
стремятся сюда пииты,
и вторит им русский мир.

Кому-то мы как ясный свет в оконце,
Маяк во тьме крошечной. Но иным
Россия загоразживает солнце
Самим существованием своим.

Добру со злом ведь не договориться
И не построить замков на песке.
В бою всегда врагам мы смотрим в лица
И думаем на русском языке.

Но наша речь всегда многоголосо
И сплетена из сотен языков.
И нет вернее клятв, чем слово росса,
Кто жизнь отдать за Родину готов.

Не говорим мы «разделяй и властвуй»
И не склоняем гордой головы,
Не изменяем вековому братству
И без причины не идём «на вы».

Дадим отпор менялам и вельможам,
И всем, кто тень наводит на плетень.
Но если правду отстоять не сможем,
Тогда нам грош цена в базарный день.

ЗАПИСКИ ИЗ АЭРОПОРТА

«От Суворова до Шереметьева –
раз моргнуть», – кто-то вдруг сказал.
Улетаю в начале третьего.
Словно улей, гудит вокзал.

И во всех новостях – беспилотники.
Мысли разные в голове...
Не покиньте, Святые Угодники!
Я давно не была в Москве.

Вновь порывами ветра встречными
приоткроются небеса,
и покажется бесконечною
эта взлётная полоса.

Град Креста на старинных глобусах
мне пригрезился в ночь опять.
На пегасах и аэробусах
я ведь с детства люблю летать.

Три часа на железной птице,
словно между добром и злом.
От «Суворова» до столицы –
у Всевышнего под крылом.

Мы уходим на взлёт стремительно,
с облаками – почти «на ты».
Ощушаю себя небожителем
и разглядываю с высоты,

как расчерчены, словно фломастером,
серпантины дорог и поля.
Вот высоты – игрушки «мастера»,
и мозаикой древней земля

чуть маячит сквозь туч паутину,
замедляется времени бег.
Брошью на голубом палантине –
самолёта крылатый ковчег.

Налегке – как же это здорово! –
плеч не давит ручная кладь.
Говорят ведь, что до «Суворова»
из столицы рукой подать.

«Героями не рождаются»
А.В. Суворов

Героями всё же рождаются. Верю, что так.
Земля всех рождает себе на защиту, на славу.
И мы сквозь асфальт пробиваемся, сквозь
известняк
И тянемся к солнцу по неоспоримому праву
На жизнь, на победу над смертью, по праву
на взлёт,
Как те одуванчики, братьями ставшие ветру.
Растём и цветём до поры. Но приходит черёд
Откликнуться сердцем на зов материнский –
к ответу.

И будет в обойме по счёту – минут и шагов.
Всю волю – в кулак, за плечами как мера –
эпоха.
За всех, кто идёт за тобой, кто ещё не готов
Собой заслонить и простить, всё списать со
счетов –
От первого слова и вплоть до последнего вздоха,
От первой вечерней звезды до рассветных лучей.
Да не отречётся планета от вечных устоев –
Отдать всё, что есть, быть достойным Отчизны
своей!
И благословенна земля, что рождает героев.

В зеркальный пруд красавец-клён
весь день глядится.
От старых листьев хочет он
освободиться,
стряхнуть, как пыль, забыть, как сон,
и лишь гордиться,
что солнечный в просветах крон
поток струится.

А рядом тополь над водой
наряд роняет
и вместе с сенью вековой
как будто тает.
Что за неведомой чертой?
Никто не знает.
И только ветер золотой
листвой играет...

Промчалось ветреное лето,
И снова – осени черёд.
Минувший год уж канул в Лету –
Ещё один безумный год.

К исходу августовской ночи
по небу катится звезда.
И полдень кажется короче,
темнее – в омутах вода.

Ах, лето! Перелётной птицей
в какие улетишь края?
Каким влюблённым будешь сниться?
Но зимовать останусь я

во льдах, в снегах, в глуши таёжной –
они верней, они надёжней.

ЗАМЕРЗШИЙ САД

Снег сошёл.
И земля задышала как будто,
вдруг очнувшись от долгого зимнего сна.
Но соседского сада, увы, почему-то
не коснулась весна.

Сад замёрз.
И теперь ни скворцы, ни синицы
не слетятся сюда и не выстроят гнёзд.
И на веточках почки не смогут пробиться
и не тронутся в рост.

И старик,
проклиная морозы и ветер,
будет плакать, касаясь шершавой коры,
уповая на чудо.
Но всё ж на рассвете
зазвонят топоры.

А потом...
Будет снова и сад, и теплица,
и с лужайкой бассейн,
и роскошный цветник.
Только жаль –
урожая, что здесь народится,
не увидит старик.

Сад взрастить –
это ровно полжизни потратить
и трудиться с восхода до первой звезды.
Отчего же порой
невпопад и некстати
вымерзают сады?

Ноет под сердцем осколок железный,
горькую память о прошлом храня.
В будущее – по канату над бездной
к призрачным далям грядущего дня.

Слышится в этом свободном паренье
эха войны не стихающий гул.
Верит ли нынешнее поколение

тем, кто когда-то канат протянул?

Нет под ногами надёжнее тверди,
тысячи судеб связавшей в одну.
Гибель геройски поправшие смертью,
спаяны душами, слиты в струну.

Криком ли, стоном, малиновым звоном
вымощен этот над пропастью путь.
Нам бы, разрозненным да разделённым,
не заблудиться и не соскользнуть!

Имя бессмертного подвига свято
и безымянным забвения нет,
нет и прочнее на свете каната –
восемьдесят нескораемых лет!

ДЕД МАКАР И МАКАРИХА

Повесть

1

Если я не расскажу об этих давным-давно почивших людях, буду считать себя не выполнившим завет моей мамы: «Пиши, что видишь, пиши правду, ничего не тая, не откладывая на потом. Пиши не только о подвигах, но и о заблудших душах, чтобы видно было, как надо и как не надо жить».

Грешен: я отложил свой рассказ на целых семьдесят лет. И всё же начинаю его, не думая о том, нужен ли он теперь новому поколению. Раз такое было, значит, нужен...

Это были наши соседи. Я знал о них больше из рассказов старших, удивлявшихся крепостью жизни стариков. Мы жили в хатке, а рядом, у Макара Пантелеевича, вечного деда, – дом, единственный на



**Александр
МОСИЕНКО**

Проза



всей улице крытый железом. У нас крыша была черепичная, дореволюционная, у Шкребцовых – камышовая, вперемешку с соломой, у остальных – «хабур-чабур», то есть из всякого барахла.

До раскулачивания семья деда Макара считалась зажиточной: крепкий дом, пара гнедых с капитальной упряжкой, тёплая конюшня, дойная коровка, резвый жеребёнок, всякая птица. А главное – у деда Макара было три взрослых сына. Лишь один был женат. Он подарил отцу внука Владимира, которого всегда все звали Макаром, видно, из уважения к деду. Его жена «Макариха», по имени Прасковья, а в обиходе – тётка Паранька. Очень уважаемая женщина, которая знала себе цену и место в доме – мать и правая рука мужа.

Дед Макар «с малечку» приучал детей смотреть за его большим хозяйством, полученным им не по наследству, а нажитым честно, своим горбом. Мастеровой человек, он до голодного тридцать третьего года строил хаты, дома, даже дом культуры. Хорошо зарабатывал, копил, как говорится, домашнее достояние. Не только в семье, но и во всей станице видели в нём авторитетного хозяина, державшего весь дом и всех в нём, в порядке. Не зря, заканчивая любую работу, он произносил: удовлетворённо: «И порядок...»

Жену жалел, что означало – любил. И за красоту, и за трудолюбие, и за порядок в доме.

Как тут не жалеть-любить такого человека. Тем более, что он не был скупердям. Всегда мог

поделиться, если к нему обращались за помощью. Два холостых сына вступили в комсомол, часами пропадали на своих собраниях, помогали перестраивать жизнь на новый лад: считали родителей куркулями-собственниками, противниками новой жизни, единоличниками. К старой жизни у них было отвращение. Отец постепенно терял над ними родительскую власть. А они обнаглели в своей общественной деятельности, не помогали отцу, когда он копал в огороде колодец глубиной в пять саженей. «Когда кругом нищета, – возмущался Иван, – люди с голоду пухнут. У моего друга детства с голоду мать померла, а он, отец, колодец затеял. Сам себе хозяин – до других ему и дела нет. Ну, как с ним мириться? Быть безропотным, как Минька?»

Деду Макару говорили чужие люди, как его сыновья лютуют – забирают «для общества» всё имущество – зерно, транспорт, скот ...Под чистую, как метлой, метут. Всё для лучшей жизни при колхозе. Кто сильно сопротивлялся, того – в Сибирь, как преступников. И как тут язык поворачивается? Нашли преступников. Макар молча глотал все наговоры на его сыновей – не верилось...

Однажды за обедом он гневно стукнул по столу своей тяжёлой деревянной ложкой и громко спросил:

– Это правда?!

Наступила тишина. Никто не шевельнул своей ложкой в тарелке с красным борщом, с кусочками свежей свинины.

– Иван, Петро, я спрашиваю вас: это правда?
Сыновья поняли, о чём разговор. И, не боясь отцовской грозы, ответил Иван:

– Правда, папань. Правда. Надо же менять жизнь. Что ж вы, как жуки навозные, копошитесь в своём дерьме и света белого не видите? Пора и по-человечески пожить...

– Остынь! – перебил отец. – У вас что на плечах – голова или кочан капусты? Что творите вы, новаторы сопливые? Вы отбираете у людей всё нажитое трудом, с потом и кровью. Это, по-вашему, новая жизнь?

– Папань, послушайте...

– Нет, это вы послушайте: с этого дня вы уходите из бригады уполномоченных грабителей и возвращаетесь домой; начнём дом тебе строить. Потом и до Петра дойдём. Лес я уже заготовил... Пора, сыны, вам и свои семьи заводить... Выросли уже.

Возразил Иван:

– А я, папань, пока не собираюсь жениться. Учиться хочу.

– Я тоже хочу учиться, – робко вставил Петр. – В городе учиться хочу.

– Дома будем учиться... Я – ваш учитель. Другой грамоте учить буду... Я дам вам профессию, нужную при любом режиме. Строитель называется. Царя спихнули или ещё там какого владыку, а вы тут как тут – с молотком да с мастерком. Хоть новое жильё, хоть старое поднять – всегда пожалуйста. И копеечка в кармане. На кусок хлеба с маслом получите. Не все нынче с маслом хлеб едят...

– Папань, мы, – попытался возразить Иван.

– Что папань, что папань?! – рявкнул отец. – Или вы хотите повторить нашего Миньку? Учиться в школе не захотел. Лень-матушка победила его. Вот и вышло: за четыре года два класса с трудом одолел... И что теперь? Коням хвосты крутить? Коров пасти? Дальше дороги нет. Зато женился и внука успел смастерить. Такого же грамотея... Восемь лет уже, а он ещё буквы складывать не может...

Вмешалась мать:

– Послушайте отца, ребятки: он дело говорит... Не позорьте семью своим участием в раскулачивании. Люди недовольны – глядишь и до нас доберутся, не посчитаются с тем, что отец очень нужный станице мастер.

– Как не участвовать? – возразил Иван. – Каждый день по одному человеку с голоду мрут, а мы борщ с мясом едим и молочком запиваем... Несправедливо это.

– Но при чём тут мы? – вставила мать... – Мы ни у кого ничего не отбираем, едим своё собственное, отцом заработанное...

– Ладно, мать – займись своим делом, а мы, как мужики, сами разберёмся.

2

Разбираться не пришлось: в калитку кто-то громко застучал и подал голос, в котором слышалась враждебная интонация.

– Дед Макар, открывай ворота! Раскулачивать тебя будем.

Макар Пантелеевич встал из-за стола и пошёл во двор. Иван и Петро вслед за ним. Перепуганные Прасковья, Минька с женой и ребёнком остались на месте. Открыв калитку, хозяин спокойно произнёс:

– О, да тут свои люди: наконец-то нашли себе работёнку... Ну, давайте, раскулачивайте. Нашли кулака...

– Не шуткуй, дед Макар, мы серьёзно. От советской власти пришли... А вы, комсомол, чего стоите? Давайте подключайтесь. Перед законом все равны – сказано раскулачивать, значит, будем... всех, у кого есть лишнее добро. Ради общества... Сначала опишем наличность. Иван, вот тебе тетрадь, карандаш, – приказал председатель комиссии Милуха, он же секретарь стансовета, – приступай.

Иван покорно подчинился, взял тетрадь, наполовину исписанную в каком-то другом дворе, и ответил:

– Да я и так всё наизусть знаю – где чего и сколько. Щас запишу...

– Сволочь! – процедил сквозь зубы отец. – Вон с моего двора, вон!

Иван молча передал тетрадь Петру.

– Продолжай, брат. Всё равно отберут. Всё по закону...

И пошел к калитке.

– И ты такой же? – прохрипел Макар Пантелеевич. – Господи! Кого я вырастил? Иуды!

– Папань, успокойся, – попросил Петро. – Никто тебя не предавал. Так надо обществу. Не

ты первый, не ты последний... Против власти не попрешь – она знает, что делает... Зря ты так буйствуешь.

– Вон! Все – вон! Я своими руками это строил, собирал. Никого не нанимал на работу.

Сам! Всю жизнь положил... Поглядите на мои руки. Тёртые, корявые, все в узлах, грабли, а не руки. И всё моё добро я должен кому-то отдать? С какого бодуна? Вот вам!

Он сделал фигуру из трёх пальцев и шагнул к сыну, вырвал из его рук злополучную тетрадь, тут же разорвал её пополам, отбросил клочья в сторону и снова захрипел:

– Вон со двора. Все – вон! – и стал выталкивать всех на улицу.

– А это уже уголовная статья – неподчинение власти, – сказал Милуха. – Хотели с вами похорошему, как с сознательным человеком, а придётся – по закону. В Сибирь захотелось? Красновские, Мирошниченко уже там, в Кемеровской области. Тоже не хотели помочь обществу...

Макар Пантелеевич закашлялся и, опираясь одной рукой о новые ворота, стал сползать на землю. Пётр подхватил его и крикнул: «Воды!» Из дома выбежали Макариха, Минька с женой и внук Володя, тот самый Макарёнок. Быстро принесли кружку воды, дали ему попить. Руководитель комиссии, глядя Макарихе в глаза, сказал:

– Успокаивайтесь пока. Продолжим после обеда. А ты, Петро, идём с нами – у нас ещё немало других дел. Найди Ивана – он ещё понадобится.

К дому Макара Пантелеевича вновь прибыла та же самая комиссия. Почти все голодранцы, новой жизни захотели. Бывший сосед запряг лошадей деда Макара, кинул в кузов два запасных хомута, старую казачью бурку, весы с гирьками, пятилитровый котёл, поперечную пилу, всякую хозяйственную мелочь, большой короб, куда побросал всех кур из курятника, и лихо поскакал на колхозный двор. Другой член комиссии Лаптев набросил верёвочные узлы на рога коровы и увёл её туда же, на колхозный двор. Перед двором деда Макара стояли две телеги: в одну был впряжен серый мускулистый коняка. К телеге на коротком поводке – любимец хозяина, жеребёнок, которого дед часто баловал кусочком рафинада. В другую телегу был впряжён старый хромой осёл – видно, иного транспорта у нового «общества» не было. Кстати, это хорошее русское слово «общество» коверкала вся комиссия, вплоть до туповатого Лаптева.

Макар Пантелеевич, казалось, умом тронулся – совершенно безучастно наблюдал, как из погреба конюшни выносили его добро: мешки с пшеницей, кукурузой, ящик с салом, флягу с мёдом, мешки с отрубями, баллон с домашним вином, два корыта и прочую утварь. Макаров по-прежнему слепо наблюдал за суетливыми движениями комиссии. Его энергичная жена с боем сдавала всё, что изымалось:

– У вас хоть капля совести есть? С чем семью оставляете, варвары? – обращалась она к чле-

нам комиссии. – Даже посуду на кухне забрали... Отдайте хоть ложку дедову, деревянную.

Другой он не будет есть...

– Научится, – пошутил Лаптев. – Жрать захочет – и голыми руками слопает.

– Ребятки, граждане комиссия, ну, пожалуйста, хоть сухари не забирайте и ведро колодезное оставьте... как будем воду доставать?

– Дед Макар мастеровой. Придумает как, – добавил Пеньков.

– Да он же из-за вас умом тронулся, – впервые подала свой голос сноха Мария.

– Всё. На сегодня хватит! – скомандовал председатель комиссии.

– Подождите, – остановил его вернувшийся сын Иван. – Не всё. Есть ещё кое-что.

И он сам полез на чердак. Там была довольно ёмкая сапетка, корзина с фасолью. Он взял её за две ручки и передал Милюхе.

– Очень пригодится. Каждому голодающему по горсточке и то – дело.

– Ванька, Ванька, (мать никогда не звала его так – только Ванечка, Ванюша), что ты наделал? Это же вам всем – на чёрный день...

Председатель распорядился: «Несите в телегу и на сегодня хватит. Всё. Поехали.

Когда телеги тронулись в путь, Макариха побежала вслед за ними, громко рыдая и умоляя:

– Хоть полсапеточки квасоли оставьте, пожалуйста...

Под ногами была глубокая пыль, которая поднималась вверх то ли от копыт крепкого коняки, от колёс, то ли от босых ступней Прасковьи. Телега набирала скорость, а за ней – она, спотыкаясь и едва успевая. На всю улицу слышался её плачущий голос: «Квасоли, хоть полсапеточки, квасоли...»

4

Забегая далеко вперёд, коротко скажу о братьях. Им надоело это нервное занятие, и через четыре дня после разгрома отцовского подворья они навсегда уехали из станицы. С учёбой ничего не вышло – по причине их происхождения (дети раскулаченной семьи).

Завербовались разнорабочими на Волховстрой. Да так там и остались до самого начала войны. Оба погибли в сорок первом, под Ленинградом. Похоронки родители получили лишь через полгода с рассказами об их героизме на фронте и посмертных наградах обоих.

А вскоре за похоронкой пришло запоздалое письмо от сыновей. Писал его старший, Иван: «Дорогие наши, мама и батя! Если можете, простите нас с Петром (мы служим в одной роте) за побег из дома. Столько времени прошло, а мы, подлые, всё молчали, забыв, что и у вас есть сердце; теперь поумнели. Стыдно стало. За всё стыдно, а мне – особенно за фасоль... Почему вдруг пишем? Да всё потому же. А ещё – больше видеть стали. И что-то боязно на душе. За завтрашний день особо. Раньше я душил в бою этих фрицев. Теперь одна мысль: устоять бы. На нас прёт такая силища – ужас

такой... Но, конечно, будем драться до последнего... Если с нами что случится, ради Бога, помяните нас как нормальных детей, а не бессовестных неслухов. Всё. Кончаю писать – «звенит звонок»... Крепко целуем. Ваши любящие, непутёвые дети – Иван и Петя. Уходим в бой».

Треугольник письма был проштампован военной цензурой. Где он валялся так долго, неизвестно. Это покаянное письмо сыновей Макаровых было воспринято с ещё большей болью, чем похоронка. Отошло в сторону отцовское проклятие, Иван и Петро предстали совсем другими детьми, за которых скребётся боль и распирает гордость.

После опустошительного налёта комиссии Макариха изо всех сил старалась привести мужа в норму: отпаивала чудом уцелевшим квасом, говорила, что всё это неправда, дурной сон. «Поспишь, и всё будет, как прежде...» Под её ласковые слова Макар Пантелеевич и в самом деле заснул. Обессиленная Прасковья сама «провалилась» в сон. Молодые тоже спали, а он вдруг проснулся и, не понимая, зачем, пошёл в конюшню. Там у него с давних пор была керосиновая лампа. Он выкрутил фитиль и поджёг его. Свет ровно разлился по всей конюшне. В глаза бросился целый штабель добротного леса и непривычная пустота. Рядом – верстак, на котором было сделано-переделано столько полезных вещей. Оказалось, весь инструмент был на месте. Заберут завтра. Но он с удовольствием взял отличную доску, стал рубанком строгать её. Приятно запахла стружка.

Вскоре собралась целая куча. Не понимая, как он решил из отшлифованных досок что-то делать, дед Макар заметил, что получался гроб. «Это будет мне... Прасковье тоже сроблю, – сказал он сам себе. – Помирать будем вместе, в один день».

И он энергично продолжил начатое дело. Работалось в удовольствие, так что не заметил, как у его ног был и второй гроб. В них почти до краёв он насыпал свежих стружек, а в завершение, произнёс своё: «И порядочек...»

Послышались чьи-то шаги. Выглянул в приоткрытую дверь. К конюшне шла сноха.

Увидев свет лампы в конюшне, она испугалась – как бы не случился пожар, заторопилась.

Он вышел к ней навстречу. «Это ты, Марусенька? (он никогда её так не называл. А тут: «Марусенька».) Дед Макар взял её за руку и завёл в конюшню, где стояли два пустых гроба. Продолжая держать её за руку, он объяснил: «Это я, Марусенька, для нас с матерью сделал. Тебя попрошу: все стружки тогда белой простынкой покрой и подушечку из стружек сделай, чтоб нам хорошо лежалось там...»

Мария истерически закричала: «Не надо! Не помирайте, папаны! Не надо помирать...»

На её крик прибежали Прасковья, Миня и проснувшийся Володя.

– Что случилось? – испуганно спросила Прасковья. – А это что? – показала она рукой на гробы. Макар Пантелеевич спокойно ответил:

– Это я для нас с тобой впрок заготовил. Всё равно ж когда-нибудь помрём. Может, доживём

до того, что и гроб не из чего будет выстругать... А у нас уже всё готовенькое... Правда ж, по-хозяйски это? Давайте-ка, Миня и Марусенька, помогите мне их на чердак поднять – там летом жара такая, под сорок градусов. Высохнут, как пушинки. И нас нести на погост легко будет, никто дурным словом не помянет... Ну что, поможете? Уж гробы-то, я думаю, не отберут. Не отберут?

Оба гроба вместе с крышками быстро заняли свое место на чердаке дома, а Макар Пантелеевич, потирая свои заскорузлые руки, ещё раз повторил: «Правда же, мать, гробы не отберут?»

– Нет, папань, не отберут, – за всех ответила заплаканная Мария.

– И порядочек, – завершил по привычке дед Макар.

5

Уже через неделю после раскулачивания деда Макара его сокращённая семья впервые испытала чувство голода: все остатки бывлой кухни съедены, готовить что-то новое, даже скудное, было не из чего. Макар Пантелеевич всё ещё оставался в заторможенном виде: на вопросы отвечал невпопад, смеялся, когда говорили о новом покойнике. Никому не хотелось верить, что его железная психика не восстановится. Ни Михаил-Минька, ни сноха нигде не работали. Пришли другие времена, давил голод. Не было работы для тех, кто не записался в колхоз. Именно туда свезли всё избытое продовольствие, чтобы остановить голод. Макариха оказалась умнее и сильнее остальных

членов семьи. Она вывела их всех в огород, и они стали ворошить каждый метр – не осталась ли в земле хотя бы мелкая картофелина. Насобирали целое ведро. Правда, дед Макар тут же перевернул его и недовольно прохрипел: «Это ж только свиньям годится...»

– И нам пойдёт: голод не тётка, поедим и такую, – улыбаясь ответила Прасковья и стала собирать рассыпанное добро. – Не помирять же с голоду.

Угнетало ожидание того, что зима не за горами. Как жить дальше? Повидавший немало за свою жизнь, дед не сознавал, что творится вокруг его разорённой семьи. Накормят его – хорошо, не накормят – можно и так прожить... Очень медленно возвращалось к нему прежнее здоровье. А на днях случилась неопишуемая радость: из колхозной конюшни сбежал его любимый жеребёнок Борька. До сих пор у него не получалось ржать по-взрослому, а тут подошёл к калитке и давай во всю глотку звать деда Макара. Старик, как молодой, побежал встречать любимца. Прямо у калитки они расцеловались, если их взаимные ласки можно назвать поцелуями. Борька по привычке затребовал кубик сахара. У деда Макара карманы были пустыми. Он развёл руками, дескать, нетути, никакого рафинада нет. Борька не понимал хозяина, почуял какое-то предательство, застучал копытами по земле и, как у калитки, снова громко заржал.

– Борик, миленький, нету у меня... ничего у меня нету... Стоп! Идём со мной.

И жеребёнок охотно пошёл за дедом. В конюшне, под карнизом, он в прошлом году во время качки мёда сделал «заначку» – соты, которыми подкармливал пчёл во время плохой погоды. Не все, но часть кусочков сот сохранилась.

– Повезло тебе, Борик. И он угостил любимца. За всем этим, улыбаясь, наблюдала жена. Макар Пантелеевич не сразу заметил её.

– Ты понимаешь, – заговорил он, – животное умней человека: и дружбу ценит, и добро помнит. Не забыл меня, красавец... Что ж мне теперь с ним делать? Придётся отвести в колхоз. А то ещё воровство общественной собственности пришьют. Как ты думаешь, правильно я размышляю? – спросил он у жены.

– Очень правильно. – обрадовалась здравому суждению Прасковья.

Жеребёнок сосал соты и, наверное, не думал, что его всё-таки отведут обратно в колхоз. Поглаживая холку преданного Борьки, Макар Пантелеевич повторил свой вопрос жене:

– Нет, ты мне ответь: правильно я думаю?

– Ну, конечно же, правильно. Ты всегда думал правильно.

– Не надо, мать, мне лапшу на уши вешать.

– Разве может жена любимого мужа обманывать?

С полминуты помолчав, Макар Пантелеевич не сказал, а закричал:

– Не может... Не может!

И крепко, как в молодости, поцеловал её.

Голод помаленьку затухал. Худо-бедно, но в колхозе уже устроили одноразовое питание. Пусть баланда, но всё же еда. А детям даже компот из сухих фруктов стали давать, иногда – молоко. У людей появилась надежда на лучшее.

– Новая жизнь начинается, – утверждал Милюха. – Колхоз – наше спасение. Без него все пропадёт. И пусть об этом подумают упёртые единоличники.

– Они же тоже люди. Наши люди, не привезённые из Америки, – сказала библиотечка Анна. – Даже «Поднятую целину» Шолохова спрашивают. «Там и про нас пишут. Люди всё раздумывают – идти или не идти туда» – спросил сегодня один читатель.

– И что ж вы ответили, Анна Васильевна? – лукаво улыбнулся Милюха.

– Сказала – идти. Колхоз – один выход.

– Верно понимаете политику партии. А что Макаров? Не приходит в читальню?

– Не до книг ему: еле отошёл после приступа. Ремонт на мельнице занялся. Скоро урожай поспеет. Надо готовиться... Пока платят мало. В долг работает и всё равно что-то получает. Не помирает с голоду. Минька не сидит без дела – рыбку ловит. А недавно нанялся людям коров пасти. Их-то и осталось пять-семь голов на всей улице.

Раньше было до ста голов. Но эти по очереди, раз в неделю, дают ему по пол-литра молока. И

сама Макариха при деле – шитьём подрабатывает.

– Но от неё налогов не поступало. Надо разобраться. Ведь положено, – проворчал Милюха.

– Ой, да там такие мелочи. От случая к случаю, – заметила Анна Васильевна. – Нынче есть, а завтра нет заказчика.

– Ладно. Пусть себе шьёт. Мне, пожалуйста, найдите работу Ленина «От какого наследства мы отказываемся». Простудировать надо. Вроде всё помню, а простудировать надо.

– Сейчас найду. Она в брошюре напечатана.

И начала искать. В читальню не вошли, а ворвались двое парней и громко потребовали:

– Васильевна, нам «Поднятую целину», пожалуйста!

А в это время внук Володя донимал деда, оказавшегося дома:

– Почему всех Макаровых называют куркулями? Что это за слово такое?

– Где и кто тебе это слово сказал?

– Сначала дядь Ваня так говорил. Потом – в столовой. Там всех детей кормят. Я есть захотел и пришёл туда, а толстая тётка спросила:

– «Макарёнок? Мы детей куркулей не кормим». Кто такие куркули? Это плохие люди?

– Твой дед плохой?

– Хороший.

– Твои мама и папа плохие?

– Я люблю их.

– Бабушка Параня хорошая?

– Очень! Лучше всех.

– Вот и порядочек. Плохие те, кто тебе сказал эту глупость. Есть хочешь, иди к бабушке. Она вкусных оладушек испекла.

А сам впервые задумался: куркуль... Это кто ж такой? Жадоба? Собственник? Хам? Вор? Кто на чужом горбу в рай хочет въехать? Нет, я не куркуль. Я сам по себе – крепкий мужик, а им завидно. Точно, завидно, что не сломали Макара.

7

Перед самой войной, когда о голоде остались одни воспоминания, наладилась жизнь, в станице даже появился большой магазин потребкооперации, который все называли «потребилровка», а Макара Пантелеевич так и не вступил в колхоз; его курьером пригласили в стансовет. «Зачем?» – спросил он курьера. «Какое-то сурьёзное дело. Раз вызывают» – ответил курьер. «Наверное, агитировать будут, – подумал дед. – Мне и на мельнице дел хватает. Да и привык я уже к рабочему месту».

Разговор был серьёзный. Сам председатель позвал. Значит, держи ухо востро.

– Проходите, Макара Пантелеевич, я пригласил вас посоветоваться как с мастеровым человеком. «Что за новости: советоваться с единоличником? – подумал Макаров. – Какая-то ловушка. Не на того попали – меня не собьёте с дороги.» – Понимаете, мы к вам как к специалисту, строительных дел мастеру... Вы уж нас извините за то, что отобрали у вас всё.

Это был не злой умысел – вся страна так выбиралась из ямы, куда нас загнал мировой капитализм. Скоро всё вернётся на круги своя. «Чего он мне голову морочит? Говори сразу – чего от меня надо». Но я не потому вас на совет позвал... Видите ли... люди требуют мост через Золку возвести. Мы уже дважды ставили, во время разлива реки вода смывала всё. Надо ставить крепкий мост...

– Я тоже так думаю, – отозвался Макара Пантелеевич. – Давайте строить.

– Для этого я и позвал вас. Возьмётесь?

– А материал у вас есть?

– Нет, но строить надо... (Опять на халаву хотят, – подумал Макаров).

– Кровь из носа – надо. Вот мы и решили храм снести, он всё равно не служит, стоит без дела. Если разобрать, как вы думаете, хватит кирпича? Кирпич храма отменный...

– Это кто ж до такой бредятины додумался? Вы не боитесь, что сделают с вами люди за это богохульство?

– Потому и позвали вас посоветоваться – как доброе дело людям сделать. Уж очень просят.

– Что угодно, только не храм... Народ у нас верующий, и такие шутки шутить с ним смертельно опасно.

– Попробуем собрать людей и откровенно с ними посоветоваться, убедить...

– Я ничего к тому, что сказал, добавить не могу. До свиданья. Наш разговор бесполезный.

– Может быть, попилить тополя и из них мост построить?

– Тополь – скоропортящийся материал, и за два года у воды пропадёт... А знаете, у меня есть предложение.

– Ну-ну.

– Моя конюшня из очень добротного леса. Сухого, выстоянного. Мне она всё равно не нужна, четвёртый год пустует. Разберём и храм сохраним! Придёт время, когда его колокола зазвонят, как раньше.

Председатель вскочил со своего стула и начал крепко обнимать деда:

– Ай да молодец! Не кулак, не единоличник. Наш, советский человек, Макар Пантелеевич!

Спасибо. Сразу вам поручение – собирайте строительную бригаду и начинаем готовить всё, что нужно ещё.

Через четыре месяца по мосту пошли люди, поехали телеги, тачки, даже трактор СТЗ, а его главный строитель снова вернулся механиком на мельницу, хотя ему уже было семьдесят пять лет.

8

Но радость людей длилась недолго: началась война. Ещё никто не знал, какой она будет, как гражданская, или пострашнее. Объявлена всеобщая мобилизация. За месяц почти все мужчины станицы оказались под ружьём – кто где, как требовала обстановка.

Семья Макаровых уже получила похоронку, сразу на двух сыновей. Деда не призывали по возрасту, а третий сын, Михаил, был под вопросом –

двух сыновей война уже положила, третьего надо бы сохранить для пожилых родителей. Ещё целый год Михаил – Минька пас коров, которых снова стало больше. Во все времена коровка на селе была главной кормилицей. И потому Минька продолжал пасти увеличившееся уличное стадо, тем более что в нём была и недавно приобретённая дедом корова Рыжуха.

Он любил молоко. Пил его даже в степи, когда пас коров. Не каждый день, но довольно часто устраивал обеденную дойку, и Рыжуха покорно стояла, пока Минька сдаивал её молоко в большую кружку, которую брал с собой из дома.

Информация с фронтов была скудная. Он часто грустил о погибших братьях и, как пацан, плакал. Благо, что слёз его никто не видел. Трудно поверить, но его слёзы иногда слизывала с лица Рыжуха. Об этом он рассказал своей Марусеньке в ночь перед уходом на фронт.

Немцы захватили Киев, Мариуполь. Шли бои за Ростов-на-Дону. Пришла повестка и Михаилу. Он получил её с двояким чувством: с одной стороны – жаль оставлять родителей; с другой – надо фрицам должок за братьев и за всех павших отдать. Война не пожалела его старых родителей – загребла и третьего сына деда Макара: похоронку принесли матери через два месяца после призыва. Никаких подробностей – по стандарту: «Ваш сын... в жестоком бою за город Батайск героически погиб...»

Осиротели Макаровы. Глубоко осиротели. Остался из мужчин сам дед и пятнадцатилетний

внук Володя, который всё собирается сбежать на фронт, чтобы отомстить за отца и дядь Ваню с дядей Петей. «Буду бить гадов фашистских... до последних сил. Сколько хватит их, столько и буду...»

Владимир с трудом закончил семилетку и продолжил, вместо погибшего отца, пасти коров. Их опять становилось меньше и меньше. Вот-вот должны появиться фашисты. Всё взрослое население было брошено на рытьё окопов с северной стороны станицы, оттуда ожидался их приход. Уже несколько раз прилетал самолёт с фашистскими крестами и бомбил станицу. Разрушил одну из двух школ. Коров больше в стадо не выпускали.

Но фашистская бомба упала во двор деда Макара. Никто не погиб, а Рыжуху осколком в голову убило. Незаменимая потеря... Мужественный старик освежевал корову, разрубил тушу пополам (одну часть – себе, другую раздал соседям), посолил несколько кусков; лучшие куски Макариха пожарила, сложила в несколько черепяных и стеклянных банок – залила их коровьим жиром. Всё снесли в уцелевший погреб...

– И зачем я всё это делаю? – вслух сказала Прасковья. – Немец у порога. Как подарок ему, а он захапает это и ещё постреляет нас. Понимаю, что зря стараюсь, а руки сами делают, не могут не делать... Рыжуху жалко. Такая умная коровка была. И что сделали с ней?

– Я её так любила, – проговорила Мария. – Как человек была: всё понимала.

Володя в обнимку с дедом молча сидел на верхней ступеньке крыльца и вздыхал:

– Рыжуха, Рыжуха...

9

Немцы взяли станицу без боя. Они обогнули её с западной стороны и свободно вошли внутрь. Почти без единого выстрела. Стратегически она была не очень нужна врагу – основная линия сопротивления была в десяти километрах западнее, ближе к Нальчику. И тем не менее станица была у них в руках. Тут они и начали хозяйничать: отбирали у населения продовольствие: традиционные яйца, масло, мильх, молоденьких телят. Но прежде всего они выяснили, куда подевалось руководство. Почему оно не сопротивляется? Оказалось: всё было брошено на произвол судьбы. Руководство вместе с беженцами отступило в горы. Для комендатуры фашисты заняли дом бывшего стансовета, а исторически – дом раскулаченных Красновских, сосланных в Сибирь. С помощью местных полицейских, выросших, как бурьян после дождя, были отобраны для штаба, проживания офицеров самые добротные дома. В их число попал и дом Макара Пантелеевича. Полицай и будущий жилец здесь – Курт фон Хаммер пришли для осмотра. Всё понравилось, просторные, светлые и, главное, чистенькие комнаты. Дотошный Курт решил заглянуть на чердак: нет ли там каких-нибудь коммунистических насекомых. От русских всё можно ожидать.

Ему подставили лестницу, и он поднялся на чердак, освещая его фонариком, присвоенным во Франции. Через минуту с чердака донёлся душераздирающий крик:

– Найн, найн!

Курт буквально сполз по лестнице и продолжал орать, обращаясь к полицаям:

– Вас эс бедойтет, чёрт возьми? Что это значит?

Полицай Гнидин знал, что у деда уже несколько лет лежат на чердаке два пустых гроба. Для него самого и его бабы. Но он забыл о них и теперь думал, как выкрутиться, не быть расстрелянным. Он позвал к месту происшествия самого Макарова. У старика вид был не из самых лучших. И вращая пальцем у виска, Гнидин показал на деда, объяснил Курту:

– У него не все дома... менш – дум, дурачок.

– Сам ты придурок, – ответил Макаров.

– Найн, найн! Зер шлехт! Ком раус! Идём отсюда, – снова прокричал немец и пошёл со двора, а полицай, как побитая собачонка, засеменил вслед.

Началась жизнь в оккупации. Как крысоловы мышей, так фашисты вылавливали всех, кто хоть одним бочком служил прежней власти или был евреем. По станице разъезжал чёрный без окон автобус. Это была, якобы, вошебойка, куда забирали одежду завшивевших станичников. Опасались, чтоб не вспыхнула эпидемия чумы. На самом деле это была душегубка. И когда так

называемый автобус был полон людьми, включался отравляющий газ; через полчаса не оставалось ни одной живой души. Тем же «автобусом» их вывозили за тридцать километров и сбрасывали в противотанковый ров, уже наполненный трупами, засыпали. Как позже стало известно, в таких рвах оказалось около шести тысяч казнённых граждан всех возрастов и наций.

Фашисты действовали по принципу «кнутом и пряником», допускали некоторые послабления. Так возобновили службу в храме, куда со страхом, но всё же пошли люди.

Чистка населения продолжалась. Под этот конвейер попал и дед Макар. Тот самый полицай, что приходил к нему с Куртом, донёс в комендатуру, что он, якобы, был ярым пособником властей. Уже готовили его к отправке в один из рвов, сработало заступничество отца Василия: он доложил самому высокому начальству оккупантов, что именно... благодаря промыслу божьему и радению Макара Пантелеевича был сохранён храм святого Николая.» Слово пастыря сработало, обречённый на гибель Макар Пантелеевич вернулся к семье... Он не знал, кто его спас, но догадывался, что это была за «вошебойка» и что ожидало всех, попавших в неё. Жил под страхом за завтрашний день. Уязвимым было то, что три его сына погибли на войне и, значит, они враги Германии. С помощью полицаяев докопаются до этой истины, и тогда уж точно: Макарову несдобровать. Доходили слухи, что под Сталинградом идёт великая мясорубка, как бы не дошла она

сюда. Но, к счастью, что-то фашисты засуетились и в начале января сорок третьего года рано утром дали драпака из станицы. «Теперь уж точно не вернутся, – размышлял про себя дед. Видно, наши хорошо им «намылили шею в волжской воде».

10

Фашисты не были бы фашистами, если бы под давлением Красной Армии, они, подмазав пятки, по пути своего бегства «нах остен» не сотворили подлости для того народа, ради которого, якобы, воюют с коммунистами. Они взорвали тот самый мост, что не так давно возводил Макаров. Взрыв был такой силы, что дедовы брёвна и тесовые доски от моста летели в разные стороны метров на 50–100. Часа через два после взрыва внук Володя с дедом Макаром пришли посмотреть, что осталось от моста. Меж берегов зияло непривычное ущелье с остатками моста по краям, а недалеко по правому берегу лежали два трупа – разорванной пополам лошади и окровавленного человека. Ноги нижней частью болтались в чистой речной воде; босые – человечьи и копыта – коня. Вода, казалось, шевелила их, а жертвы были не в силах встать. Дед почувствовал, что у него отнялся язык. Взрыв моста оказался для него четвёртой похоронкой, и он произнёс нечто похожее на слово «домой».

– Домой, – всё же ясно сказал Макар Пантелеевич. И они молча пошли по улице, как будто

с похорон. По пути встретили соседа Григория Кораблёва, комиссованного с фронта инвалида второй группы, с пустым рукавом правой рабочей руки. Выслушав рассказ Володи о том, что они только что увидели с дедом, жестом уцелевшей руки он остановил их.

«Присядем», – сказал он, указав на лавочку возле его двора. – Очень жалко, что станица осталась без моста. Но это всё восстановимо. Война так или иначе кончится. А вот погибших не вернуть, и что особенно страшно: там погибают не только солдаты, но и дети. Где я потерял руку? В бою за детсад... Поступили данные, что немцы захватили его и забирают у пятилетних детей кровь для своих раненых солдат, отправляют её в госпиталь. Почти все обескровленные дети умирают... Но зверство фашистов на этом не кончилось. Моя рота получила задание: любой ценой отбить у фашистов детсад, наш, советский детсад. Чуть ли не полроты полегло, отбили. А прямо там во дворе, меж растоптанных цветов и ёлочек восемь детских могилочек, во главе девятая – воспитательницы. Но самое страшное и непостижимое – на каждой могилочке... головка убитого ребёнка и наставницы. Тело зарыто, а отрезанная головка на земле, мол, смотрите: то же будет и с вами... Вот что такое фашизм в его истинном виде... Так что, Володенька, готовься воевать. Война, конечно, кончится, как сказано: «Враг будет разбит, Победа будет за нами.» Но кончится она не завтра – достанется и тебе.

Володя был крупный, как дед говорил, «в нашу породу». Не по годам высок и крепок в плечах. Поэтому военком, не проверяя документы (было некогда), записал в добровольцы и сразу отправил на формирование. Мария лишь вечером обнаружила записку сына: «Мамуль, дорогие бабушка и дедушка, простите меня за то, что я приписал себе два года и ушёл, втайне от вас, мстить за отца, дядь Ваню и дядю Петю, за дедушкин мост. Прощайте. Вова.»

Рыдая, Мария побежала к военкому вернуть незаконно призванного сына. «Ему ещё два года до службы! – кричала она в пространство. – Он ещё дитё!» Но слушателей не было, а на призывном пункте сказали, что всех, таких же сумасшедших, увезли в район четыре часа назад... Она хорошо знала сына и поняла, что его уже не останить. Он такой же, как дед Макар, упёртый. Оставалось одно: ждать возвращения с победой. Пусть раненый, но живой. «Это ж моя последняя надежда и опора, – тихо повторяла она. – Старик уже на ладан дышат...»

Владимир не меньше матери понимал, что их всех ждёт. Писал с дороги, из части, куда его определили. «У меня всё хорошо. Ежедневные занятия до упаду, но это нормально – скорее встречусь с фрицами. Уж я их не пожалею.»

Бодрящие письма Володи ни бабушку с дедом, ни Марию не радовали. Одно утешение – жив! А старикам всё хуже и хуже. И мысли у них худые. «Вчера зашла к папане, а он мне на ушко шепчет:

«Вот помрёт Параня – что я буду делать один?» Весь ужас в том, что эти же слова я уже слышала и от мамани. Еле сдерживая рыдания, я ответила: «Вы не один – у вас есть я».

Колесо войны катилось к развязке. После Сталинграда появилось всё больше позитивной информации. Фашисты сдавали один город за другим. Наконец наши войска вышли к государственной границе. Володя не хвалился своими успехами, а прислал газетную страницу с подробным описанием подвига взвода, которым командовал он, старший сержант Владимир Макаров. В газетке его портрет. Подвиг в том, что взвод на три с половиной часа задержал наглого противника, пока не пришло подкрепление, и бойцы вместе не уничтожили врага. На фото – Владимир, возмужалый и с медалью «За отвагу» на груди. Мария показала газетку, а дед Макар затребовал очки и стал читать вслух. Когда чтение закончилось, он постучал чайной ложкой по стакану и, обращаясь к жене, сказал: «Настоящий казак... Марусенька, слышишь? Будем гордиться вместе. Ты вот что – будешь писать ответ, напиши от меня с бабулей: «Хвала герою! Слава герою! Так держать! До встречи после Победы. Твой дед Макар и бабуля.»

Каждый день из репродуктора-тарелки приходили всё новые вести с фронтов. Самые главные вести, потому что наши уже подошли к Берлину,

близился конец войне. В каждой семье кого-нибудь ждали: отца, сына, брата, деда. Были семьи, в которых ждать уже больше некого. У Макаровых из четверых остался один, и тот готовится на штурм Берлина. А это не шутейное дело – вся уцелевшая немецкая машина, вплоть до подростков, встала на дыбы, и сломить сопротивление без потерь будет невозможно. Потому и тревожно. Обидно погибнуть в самом конце войны. Володя, конечно, не станет прятаться за чужие спины: до сих пор он не забыл о возмездии за всё, что натворили эти гады дома... И больной дед Макар, и мать, и Прасковья только о нём и говорили, молились и даже по утрам зажигали лампаду.

Наконец пришло письмо от Володи. «Мы на Зееловских высотах – это совсем близко от Берлина. Если тут крошечный ад, представляю, что будет там. Но мы не трусим... Всё, до встречи. Тороплюсь. Подробности потом. Ваш Вовка».

– Ох, не к добру это письмо, – прохрипел дед. – Смелое, но какое-то потерянное – будто навсегда прощается...

– Типун тебе на язык! Не каркай, – отозвалась Прасковья.

«Тарелка» каждое утро вещала: «С переменным успехом продвигаемся к центру... Слава советскому солдату...» и тому подобное. Но от Володи пока – ни строчки.

Напишет, – успокаивала Макариха. – Обязательно напишет, – подтвердила Мария. – Не может не написать.

И все молча ждали. Почтальон каждый день проходила мимо двора Макаровых, не останавливаясь. Уже сообщили радостную весть – Победа! Весь мир ликует. А письма всё нет. И радость – не в радость. «Где ж ты там, Володенька, ответь?». Почтальон, досужая тётка Стешка Мохова, остановилась у ворот и не стучит, а топчется перед калиткой, будто опасаясь войти, – у неё, носителя радости и горя, в руках похоронка... Вова погиб уже у рейхстага...

Тридцатого апреля. Он был в команде, которой поручено поднять флаг Победы над рейхстагом. Не удалось. Большинство погибло. И Владимир... накануне.

Вот как досталась великая Победа семье Макаровых.

13

«Эх, война, война, что ж ты, подлая, сделала?» – поётся в песне. Ответ не однозначный: главное – принесла мир, раздавила на корню фашизм, вроде бы объединила народы. Всех? Пока не известно. Вся страна помечена её рубцами. И каково же спасённым? Среди них остались вдовы, сироты, калеки; погибли целые поколения женихов, невест и – разруха. Её восстановим, а как быть с миллионами тех, кто никогда не вернётся, остался в безымянных могилах и на родной земле, и на полях Европы? Как жить всем близким, вроде семьи Макаровых, кому уже не прийти к дорогой могилке, не положить цветы,

не поплакать вдоволь, вспоминая некогда живых, не помянуть их в святой день?

Макар Пантелеевич приказал выключить говорящую «тарелку», висевшую у него над головой, чтобы не слушать победные речи вождей и героев войны, счастливых людей, дождавшихся тех, кто с победой вернулся домой. Ничего не имея против них (здорово, что живыми вернулись), он впервые, как в период коллективизации, став единоличником, почувствовал себя как бы отрезанным от общей массы станичников, хотя никому никогда в этом не признавался. И сейчас, но уже по другой причине: он отдал стране всё, что у него было, а за это за всё его оставили наедине с одиночеством, никому не нужным человеком. Его восстановленная способность говорить вновь пропала. Он не говорил, а мычал. Понять его могла только Прасковья. «Мой гроб. С чердака мой гроб...» – требовал Макаров. Ты что удумал? – едва не разрыдавшись, спросила жена... – Я, ты видишь, ещё жива, не хочу в гроб Сам же говорил, что помрём в один день... Ещё рано. Успокойся, Макарушка. Мы с Машенькой всегда рядом с тобой... А вдруг похоронка на Мишу – ошибка. Бывают же ошибки?

– Правда, папань, не надо гроб, – добавила Мария.

– Ладно, – еле выговорил он. – Нне надо гроб...

И заснул. Жена пощупала его лоб – холодный. Прислушалась: дышит, вяло, но дышит.

Пусть поспит, – успокоилась Прасковья. – Отойдёт. Он мужик крепкий. А ты, детка, иди на работу, не опаздывай. Иначе выгонят.

Они теперь обе трудились: Мария – уборщицей в стансовате (спасибо Милюхе, который знал, что слишком круто раскулачивал Макаровых, и теперь из сочувствия к ним, будучи новым председателем стансовата, помог обеим). Прасковья – повариха в общественной столовой; в связи с болезнью мужа получила кратковременный отпуск, что по тем временам было явлением редким... Вскоре Макар Пантелеевич стал выздоравливать. Оставаясь дома совершенно один, днём он ещё что-то делал во дворе, правда, силы были уже не те. Воспоминания о лучших временах его полнокровной семьи и своих физических возможностях отбивали у него всякую охоту что-то делать. Он садился на лавочку под любимой вишней и долго-долго наблюдал, как энергично трудились муравьи. Они коллективно и поодиночке что-то тащили: то соломинку, то зёрнышко от прошлогодней косточки. Видно, готовились к зиме. И каждый муравей был нужен другим муравьям его семейства. Никто не мешал друг другу. Муравейник весь гудел, шевелился, работал. «А кто я такой? Муравей или человек? – размышлял он, – в чём моя польза? Могу ли я теперь ещё быть полезным?»

– Вряд ли. Мой поезд ушёл. Не догнать его, – ответил он сам себе.

– Дед Макар, – услышал он голос почтальона Стешки Моховой. – Открой калитку: я к тебе с хорошими новостями.

– Они что... ещё могут быть, новости хорошие?

– Могут, могут. Открывай.

Макар Пантелеевич, не спеша, подошёл к калитке, отодвинул засов и пригласил: «Заходи, коли не шутишь. Выкладывай новости. Степанида, улыбаясь, передала деду красивое приглашение на торжества в клуб. Там райвоенком будет вручать родителям награды сыновей, награждённых посмертно.

Не пойду. Вместо сына – железку? Пусть они оставят её себе... Мне сыновей верните, внука...

– Макар Пантелеевич, вы всё понимаете – они ни при чём. Нет войны? Нет! Это благодаря всем таким же, как ваши сыновья, и особенно – Владимир. Он брал Берлин!

– И за него погиб, – добавил дед.

– За него и за всех нас... Это память и благодарность всех живых... Не упирайтесь, дед Макар. Мы не вечные, но пока мы живы, вы, ваши сыновья с нами. Уверена: так будет и после нас...

14

На церемонии он, конечно, побывал: в клуб его привезли на райкомовской легковушке. Особый почёт – трёх сыновей и внука «на алтарь Победы положил». Как и других родителей павших, его одарили цветами и на той же легковушке отвезли домой. Макар Пантелеевич не запомнил, что он говорил в клубе, но точно – он не заикался и слышал, как гремели аплодисменты в его адрес и в адрес сидевших рядом жены и снохи Марии. Их тоже привозили в клуб.

Дома они расставили в стеклянных банках цветы перед свадебной фотографией, где была вся семья в сборе: родители с обеих сторон, Иван, Петя, Михаил и Мария. Володи ещё не было на свете. Прасковья, ничего не объявляя, прочитала молитву – «Отче наш». И дед обратился ко всем:

– Одну минутку – никто ко мне не входит...

И ушёл в свою комнату. Через пару минут он вышел ко всем. На его парадном костюме, который он ещё не переодевал, в два ряда блестели медали сыновей, орден Михаила – «Боевого Красного знамени» и Георгиевский Крест, который он заслужил ещё в Первой мировой... Все онемели от удивления, а потом, как в клубе, раздались аплодисменты.

– И я воевал! И ещё как. Но и тогда, и как сейчас мои сыновья и внуки Вова, – за Россию. Это надо будет отметить и помянуть. И твоих родителей, Марусенька. Жаль, рано ушли... Добавить мне больше нечего... Посмотрели на мой «парад» и будя. Готовьте стол. Хоть скудно, но чем богаты, тем и помянем... Стоп! Марусенька, тебе поручение: сходи к соседу Кораблёву и пригласи... нет, я напишу записку, а то еще откажется. Минутку. Я сейчас... – И он взял лист бумаги. «Любезнейший сосед Гриня! К пяти вечера приглашаем тебя с женой Анфисой помянуть героев войны, которой и ты отдал свою руку. Дед Макар».

Конечно же, в пять вечера все были за скромным столом, без разносолов, но с душевностью хозяев. Жареную картошечку с обильной яич-

ницей и малосольными огурчиками положила Мария каждому в тарелочку.

– Ну, милый, открывай, – сказала Прасковья.

– Нет, первое слово хозяйшке, – ответил дед Макар. – Это ты вырастила и детей, и внука... Помянем же всех вместе. Наливайте.

На столе были бутылка вишнёвой (Прасковья делала) и бутылка сливовой (от Анфисы).

– Что можно сказать матери и бабушке? Бог дал их нам и он же отобрал. Это чтоб вот так мы могли вместе без тревоги собраться. Очень горько, что без них. Очень... Ещё горше, что столько горя выпало на одну нашу семью, миллионы других семей... Наливайте. Помянем дорогих героев.

А сосед отстегнул от ремня уцелевшую баклажку и налил из неё «фронтовые сто грамм». Пантелеичу и себе. По обычаю не чокались.

– Будем!

– Будем! – прозвучали сухие мужские тосты.

– Дайте, я скажу. – Анфиса взяла пустой рукав мужа и продолжила. – На самом деле у Гриши нет правой руки, а для меня она есть, потому как со мной всегда рядом живой муж, который прошёл на этой проклятой войне столько, что не дай и не приведи... Особенно история с детсадом. Расскажи, Гришенька.

Я уже рассказывал Пантелеичу с внуком Володей. Ну, пожалуйста, только коротко. В общем, фашисты захватили детсад и у пятилетних детишек забирали кровь для своих раненых... Самое страшное, что эти людоеды тут же, во дворе детского сада, не поленились – выкопали девять мелких

могилки; детям и воспитательнице отрезали головки и положили их сверху. На каждой могилке. Мол, смотрите: это же будет и с вами... Вот уже сколько времени прошло, а эти головки всё стоят перед моими глазами. В этом всё фашистское мурло. Теперь понятно каждому, какого врага мы победили... Вечная память всем павшим и вашим – Ивану, Петру, Михаилу и Володеньке.

– Я не буду Володю поминать: он не погиб, он жив. Похоронка – это ошибка, – заплакала Мария.

Все замолчали. Анфиса и Прасковья только вытирали платком свои глаза.

– Ешьте, дорогие, – опомнилась Прасковья. – Наливайте и пейте наливочку. У Анфисы такая же вкусная.

Григорий снова налил по «фронтовому» стаканчику.

– Давайте по последней и что-нибудь споём. Для отвода боли души. Я помню, дед Макар, как вы ещё до войны пели:

Хасбулат удалой, бедна сакля твоя.

Бедна сакля твоя, не украшенная...

– Гринь, ты что – споём? В такой-то день? – возразила Параня.

– Дядь Гриша, разрешите – я стихи почитаю. Константина Симонова? «Жди меня».

– Хорошо. Его в окопах каждый солдат имел. У каждого бойца оно было в кармане гимнастёрки, – поддержал Марию фронтовик Кораблёв. Она начала читать:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...

Аплодисментов не было. Все молча вытирали глаза. И тут встал из-за стола Кораблёв, подошёл к Марии и поцеловал её. «Да ты же, Машенька, настоящий учитель! Спасибо тебе скажут дети».

А я и есть учитель, потому что, втайне от родителей, поступила в педагогический институт, правда, на заочное... И тут взорвались аплодисменты. Мария подошла к родителям и поочерёдно расцеловала их.

15

С того памятного вечера прошло семь лет. В семье Макаровых никаких перемен не случилось. Старики всё стабильнее болели, особенно Макар Пантелеевич. Ему было уже под девяносто, но, к счастью, он не терял памяти, как и раньше, поражал всех, кто к нему приходил, своей мудростью. Страна энергично справлялась с военной разрухой, даже умудрялась ежегодно снижать цены на продовольственные и промышленные товары. Не повышать, а снижать, хотя и не на много. Несмотря на гонения, доставшиеся Главному (после народа!) победителю в войне, отношения к Сталину пошатнулись, но не сильно. Ветераны, в том числе и Григорий Кораблёв, помнили, как уходили в бой с искренним лозунгом – «За Родину. За Сталина» Его противники, упрекая в безумной чистке командного состава в армии, цитировали вождя: «Лес рубят – щеп-

ки летят». На что у Макарова был свой ответ: «Конечно, я не хотел бы быть щепкой, но всегда ли репрессированные были правы? Это же он, заглядывая далеко вперёд, сказал: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы мира возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца». Мы, как молитву, заучили эти слова, но для всех ли они – молитва?»

За этими раздумьями его застала Мария.

– Папаны, вы что-то хотели мне сказать?

– Молодец, Марусенька, что зашла... хочу поговорить с тобой.

– Я готова.

– Знаю: тебе будет не очень приятно, но послушай меня. Ты, а вместе с тобой и мы с маманей, ждём возвращения Володи. Ошибки не было: он действительно погиб. Мы крепко любим тебя за эту верность... Но дело молодое, а ты всё одна... Мы с матерью не обидимся, если ты кого-то другого полюбишь и устроишь личную жизнь. Тебе не надоело возиться со стариками?

– И вам не стыдно говорить такие слова? Вы же теперь мои родители – папа и мама. А родителей грешно бросать... К тому же, я никого уже так, как моего Миню, не люблю. Вот и весь мой сказ...

Дед закашлялся, поцеловал обе руки Марии, охнул.

– Тогда, доченька, сходи к Кораблю и позови его сюда: у меня к нему дело есть.

– Уже иду, – охотно ответила Мария; когда Кораблёв пришёл, Макар Пантелеевич усадил его напротив и улыбаясь, сказал:

– Тебе, Гринечка, есть работка.
– Смогу – помогу.
– Сможешь, сможешь... Время подошло, март начался...

– Что делать надо?

– С чердака оба гроба спустить... Найди кого-нибудь в помощь, и дочка подсобит...

– Ты что-то, Пантелеич, торопишься: туда всегда успеется.

– Я же сказал: пора! Так поможешь, хоть и с одной рукой?

– Нет вопросов.

– Тогда – за дело.

Уже через двадцать минут Григорий привёл соседа Мясникова. И пока Макариха о чём-то гутарила с другой соседкой, гробы были спущены вниз и стояли рядом под кроватью, а Макаров произнёс своё обычное: «И порядочек...»

– Сколько ж лет они жарились на чердаке?

– Много, Гриня. Много.

– Что ж теперь с ними делать будешь?

– Прощусь с тобой и лягу. В один – сам, в другой – бабулю уложу.

– Папа! – закричала Мария. – Вы что – с ума сошли?

– Эт что за сборище? – спросила вошедшая Прасковья.

– Готовлюсь, мать, туда... Марусенька, ты не забыла мою просьбу насчёт белых простыней? Обещала...

Прасковья заметила стоящие под кроватью гробы, поняла, что с мужем опять плохо. Она

обняла его своими старческими руками, а затем повернулась и всем показала взглядом на дверь, мол, идите вы подальше, а мы сами разберёмся – что к чему.

16

Это была их последняя душевная беседа.

– Ты устал, Макарушка. Тебе надо отдохнуть. От жизни устал. Под девяносто уже, хватит свет коптить. Что нужно было, мы сделали, отдали. На большее не годимся. Главное: никому ничего плохого... Марусенька наша не у разбитого корыта остаётся – справный дом ей подписали. Может, свою жизнь устроит, не век же ей вдовой куковать.

Прасковья погладила его по головке, как младенца, достала из лифчика носовой платок, вытерла им щёки – его и свои, спросила:

– Что ты удумал... с этими... гробами?

– Хватит, родная, под ногами путаться. Всё. Лимит кончился... Пора... уходить...

– Понимаю – пора. А не хочется: есть ещё кое-что живое. Бог лучше нас знает, когда нам уходить. Оставаться одной – не хочу, и тебя одного не брошу...

– Вот и договорились...

И замолчал Макарушка, как будто выключили его. Испугавшись, Прасковья позвала Марию.

– Боюсь: как бы не кончился...

Мария также достала платок, протёрла веки, пощупала лоб, пульс.

– Всё нормально. Устал и уснул... Дыхание ровное. Пусть поспит.

Но он не просыпался ни вечером, ни утром на другой день. Вызвали врача. Ольга Фёдоровна после осмотра, уложив в карман халата фонендоскоп, печально произнесла: «Его жизненный ресурс исчерпан... Готовьтесь к худшему... Давайте я и вас прослушаю. Вам сколько лет?

– Мы ровесники... Так что с ним?

– Я сказала: готовьтесь. У вас дела чуть лучше, – ответила врач. – До свидания.

И ушла. Зарыдавшие женщины, обнявшись, тихо плакали. Мария подбадривала Прасковью: «Не плачьте, мама, он живой».

А та тихо повторяла: «Как же я без тебя, Макарушка? Мне без тебя нельзя...»

И на третий день он не просыпался. А тут репродуктор-тарелка не устаёт вещать о состоянии здоровья Иосифа Виссарионовича. Стабильно тяжёлое. Макаар Пантелеевич дышал по-прежнему ровно. Вдруг сообщили – вождь народов скончался... Оставив Марию с отцом, Прасковья заторопилась к моей маме. Это я видел лично. Кулаком постучав в дверь, она тотчас вошла в комнату и с ходу упала на мамину постель, заголосила: «Линка, Линка (мою маму звали Елена), что ж мы теперь будем делать?»

«С дедом случилось?» –спросила мама.

– Дед живой. Сталин умер. Как же мы жить будем, как без Сталина?

– Да вы что? Умер? Наш приёмник что-то забарахлил. Не слышала я. Царствие небесное ему: он же верующий был...

Как же мы без него? – продолжала голосить Прасковья.

Живые будут жить, как раньше. Может, лучше. Жизнь-то продолжается. Поживём – увидим, – ответила мама.

И как бы успокоившись, Прасковья молча ушла к своему Макарушке.

17

Её Макаар лежал беззвучно, не шевелясь. У него в ногах сидел кот Васька. Казалось, он согревал их. Пощупала – ледяные. Приложила щекой – ещё холоднее. Лоб тоже был холоден. Дыхания не ощущалось.

– Маша, ты где? – позвала она. Никто не отвечал. Послышались шаги. Оказывается, она бежала за доктором. И вот пришла с Ольгой Фёдоровной. Та открыла ему веки, сердито посмотрела на Прасковью и выдавила из себя: «Да он уже полчасика мёртв». Макариха заголосила. Врач остановила её: «Я же предупреждала вас... это неизбежно! Всё к тому шло. Давайте-ка я и вас прослушаю...».

– Выпейте успокаивающее... У вас – не намного лучше, – грубо заметила врач, складывая фонендоскоп в карман халата. И тут заголосила Мария:

– Мамочка, не оставляйте меня одну. Я не смогу без вас!

Её поддерживала школьная подруга, которая, узнав о беде, пришла на помощь. Марию судорожно трясло. Прасковья, заметив это, обняла её и попросила: «Держись, доченька... Доставай из нижнего шкафа смертный пакет... оба доставай...».

Я опушу все ритуальные подробности, эмоции тех, кто был в эти часы в доме Макаровых и потом

на похоронах, опишу лишь то трагическое событие, что случилось здесь через четыре часа: скончалась и Прасковья. Муж утром, а она – вечером. Не описать, что творилось в душе Марии. Она ничего не помнила, никого из пришедших проводить в последний путь уважаемую чету не видела. Врезалась в сердце фраза отпевавшего священника: «...и сотвори им вечную память» Память останется, а их не будет... Не хочу жить без них...

В голове Марии замедленно вращался калейдоскоп событий. Она ничего не понимала, что творилось рядом. Не было ни логики, ни последовательности совершаемого. Кто это всё делал? Память рассыпалась на какие-то лоскутки, полыхавшие от лёгкого дуновения ветерка и качавшего язычки свечей, горевших в храме. Шла панихида, которую вёл знакомый ей отец Василий; это он спас Макара Пантелеевича от газовой камеры в сорок втором, а сам после освобождения станции от фашистов получил десять лет за службу в храме в период оккупации. Мария узнала его, и слёзы ручьём побежали по щекам. Размахивая кадилом, из которого сочился дымок горящего ладана, отец Василий ходил вокруг гробов, в которых лежали, как ей казалось, красивые молодожёны, и два раза подмигнул ей. Мол, помню тебя и твоих родителей, но ты не отчаивайся, молись и помни: они были достойными людьми и совсем скоро чистыми предстанут пред очи Господни.

В голове Марии промелькнула ещё одна картина. Гробы выносили со двора какие-то мужчи-

ны, но лишь двое из них запомнились: однорукий дядя Гриша Кораблёв и Тучкин, семье которого в голодовку отец подарил стельную тёлочку...

«А правда Пантелеич говорил: гробы будут лёгкими», – сказал вслух дядя Гриша, но от этих слов Марии стало ещё тяжелее.

Москва, да и весь мир бурно провожали в мир иной вождя народов Сталина, принёсшего великую Победу над фашизмом, поставившего страну на новые рельсы, сделавшего её непобедимой державой.

В это же время, по случайному совпадению или по воле свыше, в глубинной казачьей станице тоже провожали в последний путь двух простых крестьян, некогда названных властями единоличниками, почти кулаками. Вместе они прожили шестьдесят пять лет: никуда не уезжали, никого не эксплуатировали, всего добывались собственным трудом, а когда страна позвала на бой с врагом, семья Макаровых положила на алтарь Победы трёх сыновей, одного внука. Больше у них не было, кого посылать на фронт...

По значимости эти события были не сопоставимы, но и в Москве, и в станице, ушибленные тяжестью потери, люди не знали, что ждёт их впереди. Во всяком случае, Мария не знала, как ей одной жить дальше в таком большом доме, хотя у неё был ещё один замечательный дом – любимая школа. Москва же не знала, кто будет у власти и куда он поведёт страну.

Ну не чудо ли –
Небо февраля.
Ходят корабли
По нему в моря.

Белопенное –
Расплескало синь.
Я волне его
Говорю: – Прихлынь,

Покачай меня
До лучей златых,
Не могу ни дня
Без очей твоих.

Под тобой живу,
Как под пологом.
Оберни меня
Своим облаком,

Преврати
В февральское деревце,
Чтобы ввысь смотреть
Да надеяться...



**Елена
ГОНЧАРОВА**

Поэзия



Время не проходит, убывая.
Мне и ныне годик,
Так бывает.
Меня папа держит на руках.
Мама улыбается на солнце.
Замерла секунда...
Жизнь несется
Дальше, а мы здесь. Не впопыхах,

А подробно, глубоко и вечно
Проживаем миг нескоротечный,
Неизменно будучи втроем
Где-то там, в году светлodesятом,
Дне весеннем, что украдкой спрятан
В неостановимом миге том,

С воздухом взаправдашнего мая...
Ничего о будущем не знаем –
Просто есть друг с другом навсегда,
В кипенно цветущем бесконечье
Здесь – потоку лет противореча
И не пропадая никуда.

И любя весь мир не понарошку,
Я держу цветочек на ладошке
Пятилепестковый... Вот тогда
То, чтоб были вместе навсегда мы
С папой, мною, солнечною мамой,
Кто-то непременно загадал.

Ты даже не представляешь,
Какой у нас нынче ветер –
Выходишь во двор, взлетаешь!..
А рядом бабули, дети,

Собаки и их хозяева,
И дворник с метёлкой ёршиком.
И всюду рассвета зарево
В рассеянных каплях дождика.

Летят грибки с корзинками
И пара спортсменов-стайеров.
Водители рты разинули:
Машины взлетают стаями.

Вперед, облака летучие,
Моими вам быть крыльями!
Лечу я к тебе – соскучилась.
И все остальные, видимо...

А у дождя в ладонях сотни струн,
Струящихся, когда их тронешь дланью.
Он неизменно свеж и вечно юн:
Всё сглаживает, никого не раня.

Он провожает всех до дома, он
Пройдётся с каждым, тишиной доволен,
В проулки, скверы, улицы влюблён,
Все горести и горечи омоет.

Очистит всё отчасти и совсем.
В его волнах любой стоит, как воин,
Вернувшийся домой: изранен, болен –
Здесь обретая нечто больше стен,

Стола, кровати, стульев, очага –
Тепло людей своих, родных, любимых...
Пусть будет дождь: сейчас необходимо,
Забыв про зонтик, сделать полшага

Под миллионы светозарных слёз.
Поплакать, если есть о чём – всерьёз,
Сопротивляясь и противореча
Стремлению быть сильной невпопад.

Ступай под дождь, в нем нет пути назад:
Омоет,
воскресит,
очеловечит.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Все явственней жизнь и резче,
В ней двери и окна настежь:
Уходят простые вещи,
Уводят с собою счастье –
По лестнице обветшалою,
По выбоинам дороги...

В провалах листвы лежалой,
Где брезжит рассвет далекий,
Привидится то иное,

Чем жил бы да жил беспечно,
Все то, что гроша не стоит...

Уходят простые вещи.

Развезло дорожки в слякоть,
Сад заброшенный поник.
Спит дворовая собака
У бездомных ног моих.

Никуда идти не страшно:
Пустота к беде глуха,
И встает за шагом каждым
Тень последнего греха.

О минувшем счастье ахать
Бесполезно да зачем.
Просто хочется поплакать
У кого-то на плече.

Сынок,
Ты только дай мне срок,
И чудо будет...
Смотри,
Как весело снежок
Слетает. Люди
Спешат куда-то по делам.
Смеются дети.
Искрится на морозце храм.

На белом свете
По-настоящему бело.

Невесть откуда
Под сердцем счастье расцвело,
Явилось чудо,
Когда в одиннадцатый твой
Денек январский
Я познакомилась с тобой,
Шепнула: «Здравствуй!»
И ты ответил, светлый мой,
Без слов, как ныне.
И стало мне тепло зимой,
Ведь Солнце –
В сыне.

А завтра будешь ты.
Сегодня я
Подумала об этом,
Представляя,
Как ты стучишь,
И двери отворяю,
И от земли
Меня приподнимая,
Целуешь в мочку уха,
В шею, в лоб
И в губы – крепко,
Не исчезла чтоб,
Накладываешь
Царские печати,

Чтобы отныне
Боль не замечать мне,
Чтоб не было
Теперь ее совсем,
А только радость жизни
Без оглядки
На то, что было.
«Будет все в порядке», –
Ты шепчешь,
И согласна я со всем,
Что слышу.
Сердца стук бесповоротен
В том завтра:
Это знаю я сегодня
И жажду, жду его,
Ну, наступай...
И приближая
Трепетно и жарко
Осуществленье
Этого подарка,
Пишу тебе:
«Любимый, приезжай!»

Как хочется влюбиться в эту жизнь
На высоту пронзительного неба,
В котором тают облачка, свежи,
А их стригут со щебетом стрижи,
Пронзая синь и доверяя слепо
Полёту насовсем и в никуда,
Напрягу крыл в струях воздушных свежих,
Где с высотой рифмуется мечта,
И вера подкрепляется надеждой.

И шествуют всему наперекор –
Расстройствам, огорчениям, печалям –
Добро и счастье, радость и любовь.
И жизнь всегда такая, как в начале.

ЕСЛИ КОРНИ ЖИВЫ...

Роман

1

Как-то с утра пораньше Павел объезжал поля, хмуро поглядывая в боковое окно машины. Снег неприметными куртинками лежал кое-где по низинам да маленько скопился в лесопосадках у подножия деревьев. Хилые озимые наводили на невесёлые мысли. С ними, невесёлыми мыслями, и вернулся домой.

Ларисе, по лицу мужа, нетрудно было догадаться о его настроении.

– Что – совсем плохо, Паш? – спросила осторожно.

– Ни к чёрту! – выругался Павел. – Конец февраля, а снегу кот наплакал. Озимые уже сейчас на ладан дышат, а придёт жара...

– Не врут учёные, – проговорила Лариса. – Это самое потепление уже невооружённым глазом видно. Ведь ещё лет двадцать назад, когда на



Владимир
МАЛЯРОВ

Проза



хуторе жить начинали, снегу зимой наваливало – пропасть. Прудок наш сколь раз плотину рвал...

– Дождей не будет – хана урожаю, – заключил Павел. – Ладно, давай, мать, завтракать... Павлик приехал?

– Проходила мимо от коровника, слышала чего-то галдели с Алёшкой на машинном дворе, – ответила Лариса. – Позову сейчас, может, не успел дома позавтракать...

Павлик со всей своей семьёй проживал в Кураново на старом дворе. Всё для них обернулось лучшим образом. Лида, на правах главврача, сразу стала заведовать курановской больницей на десять коек. В её распоряжении были фельдшер Семён Семёныч, акушерка Агния Петровна, две девушки – медсестры Люда и Таня и две пожилые санитарки тётя Глаша и тётя Валя – все местные, курановские. Край не хватало детского врача-педиатра.

Бориску три раза в неделю возили в райцентр в музыкальную школу или, как говорили близкие, – на музыку. Оба брата ходили в курановскую среднюю школу и имели самые лестные отзывы учителей. Старая учительница литературы и русского языка Марья Павловна как-то, на одном из родительских собраний, не без лукавства заметила Павлику наедине:

– А ведь, Паша, помнится, у тебя успехи в учёбе были куда скромнее, чем у твоих сыновей.

– Так и должно быть, Марья Павловна, – нашёлся Недорубов. – Наши дети – наше большое и светлое будущее, им и флаг в руки!

На звонок матери по мобильнику явился к завтраку Павлик. Его вотчиной на хуторе стал машинный двор. Алексей Свиринов пошатнулся здоровьем, жаловался на сердце, но по мере сил помогал Павлику входить в хуторские дела.

– Как там Лида? – первый вопрос матери.

– Через два месяца родит девочку, – сообщил Павлик. – Всё, вроде бы, нормально было на последнем обследовании...

– Вот, мать, нагуляемся на свадьбах, – пошутил Павел-старший, четыре девки, четыре парня – сколько свадеб!..

– Не хвастайся с гулянками, – осадила Лариса мужа. – Алёшка вон жалуется на сердце, давление скачет, гляди, и тебе то будет...

– Алёшка – он больше притворяется, – усмехнулся Павел, – а вина нальёшь, так первый за стаканом тянется и соску не бросает...

Павел уже полгода не курил. Племяншка Тамара нашла какие-то таблетки, помогающие бросить курить, Павел бросил, а куму Алёшке лекарство не помогло, как курил, так по сей день и курит.

Дочь Маринка забежала к отцу с просьбой:

– Пап, человека два еще надо, семенное зерно в мешки насыпать.

Павел с удовольствием оглядел румяную с улитками, цветущую дочь, и Лариса рада видеть Маринку. Рада, что у них с Фёдором детишки подрастают здоровенькие, что Фёдор готов с Маринки пылинки сдувать, очень любит жену. «Ещё бы такую девочку не любить!» – думала Лариса. Иногда пеняла Павлу: «Ты меня так смолodu не любил, как Фёдор

любит Маринку». «Ну, Лар, и память у тебя, прям девичья! – возражал Павел. – Фёдке до меня, как воробью до сокола!» «Что-то не припомню твоей соколиной любви», – улыбалась Лариса. «Я ж и говорю, память у тебя, Лар, девичья. Задержалась ты в развитии...» Нет, всё помнила Лариса, и грех ей было обижаться на мужа. Он ещё и сейчас, когда оба вступили в седьмой десяток, обнимет да тиснет в постели, что молодой.

– Садись, дочка, с нами, – пригласил Павел Маринку.

– Нет, спасибо, – отказалась Маринка. – Меня и детей уже заправил Фёдор овсом и яйцами всмятку. Всё ищет в интернете про здоровую пищу...

– А тут овсянку и на дух не надо, – вмешалась Лариса. – Гречку с мясом подавай на завтрак, на худой конец, яичницу на сале...

– Мы что вам – кони, что ли? – обратился Павел за поддержкой к сыну. – Ты, Пашка, как к овсу относишься?

– Положительно, батя, – сказал Павлик. Лида тем же нас потчует. Говорит, лошади оттого и здоровы, что овёс едят.

– Нет, братцы, не убедили, – не согласился Павел. – Лошади, может, и полезен овёс, но человек без куса мяса много не наработает...

Павел теперь большей частью занимался животноводством – коровы, свиньи, овцы. На машинном дворе появлялся от случая к случаю. Там управлялись сын и кум, да ещё трое механизаторов – молодые мужики из Кураново.

Одолевали Павла и новые задумки. В сырodelьне, что находилась в старой хате, стало тесновато. Надо строить новый маслопром, чтоб перерабатывать всё молоко. Ещё мечталось возвести заводишко по переработке мяса и рыбы, овощей и фруктов. Построить бы мини-элеватор, кое-что из новой техники бы прикупить... А ещё дорога... От хутора до Кураново давно проложили гравийку, пора бы положить и асфальт. От села до райцентра уже несколько лет тому назад государством был положен асфальт. Но от хутора кому нужна хорошая дорога, если не хозяевам? Одно радовало – сын, Павлушка, вернулся на хутор и впрягся в работу не на шутку. И чуял Павел нутром, что и внук Ваня в будущем станет сельским тружеником. Двое детишек Фёдора и Маринки, внуки Даня и Федя, тоже не чураются сельского труда. Внучка Ксюша, та больше у компьютера, да с куклами возится.

Лариса управлялась на молочной ферме и поддерживала постоянную связь города с деревней. Хлопот у неё, пожалуй, больше всех на хуторе.

А пока всю шла подготовка к весенней посевной кампании. Для хлебороба наступало самое хлопотное время.

2

В конце мая хутор Недорубы навестили москвичи. Анатолий со всей семьёй направлялся на море в отпуск. Анатолий и Лиза смотрелись солидной и красивой парой. Старшая дочь Кари-

на почему-то очень была похожа на тётку Тамару, сама светленькая, а глаза большущие и чёрные, словом, красавица. Младшая дочь Инночка, тоже что-то из себя воображала перед деревенской детворой, как в своё время и Карина в свой первый приезд на хутор. Потом и Инна увлеклась, подружилась с пятилетней Ксюшей. И опять Иван катал братьев и сестёр на хуторском «пароходе».

Когда через несколько дней предстояло расставаться, московские барышни даже поплакали, до того им не хотелось покидать хутор, своих братьев и сестру.

Павлик и Анатолий ещё до встречи, в телефонных разговорах, обговорили отдых семьи на море.

– Толян, зачем вам искать какое-то пристанище? – обрадовал Павлик брата. – У нас же целый дом на побережье – отдыхай хоть всё лето и место прекрасное...

Павлик позвонил на побережье своему управдому Георгию. Тот без промедления отчитался:

– Пять комнат заняты отдыхающими – три наверху свободные.

– Георгий, брат мой Анатолий скоро приедет с семьёй. Подготовь две комнаты к его приезду...

– Всё сделаю, Павел, – пообещал Георгий. И Павлик не сомневался, что к приезду брата всё будет в лучшем виде.

После смерти дяди Димы, Павлик ещё раз побывал на побережье и договорился с Георгием, что тот будет сдавать комнаты отдыхающим и часть дохода оставлять себе, обе стороны такой

договор вполне устраивал. Павел не сомневался в порядочности абхазца, а тот, вместе со своей семьёй, мог безбоязненно смотреть в будущее.

В середине лета Лида родила девочку. Назвали Ольгой. Павлик был на седьмом небе от счастья. Их любовный союз скрепился рождением общего ребёнка. Лида переехала жить на хутор. Здесь было выгоднее отдыхать – пруд, окружённый ивами, некогда посаженными бабушкой Анной Семёновной. Рядом тенистый фруктовый сад с удобной беседкой, качелями и песочницей, в которой часами ковырялась Ксюша.

К счастью, не сбылись предположения Павла на скудный урожай. Весной прошли два добрых дождя, сразу вдохнув жизнь в озимые. И в начале лета небо над хутором не раз рвали молнии и громы с обильными дождями. Потом стояло ведро. И весь хлеб тремя комбайнами убрали без помех. Зерно пока лежало в буртах на токах, чистилось на агрегате от примесей и убиралось в зернохранилище. Теперь душа болела о нынешних ценах на хлеб. Но расплатиться с пайщиками уже было чем.

Потерять доверие пайщика – последнее дело. Павлу Недорубову односельчане доверяли свои земельные пай с первого дня. Мало того, курановская молодёжь теперь охотно шла к фермеру. Сейчас на хуторе, что на животноводческой ферме, что на мащдворе, слышны молодые голоса парней и девушек. Не одну свадьбу помог Павел сыграть молодым курановцам, помогал и школе, и церкви. Не раз читал о себе лестные отзывы в районной газете. Да что там местная газета,

корреспондент из краевой приезжал, два дня на хуторе провёл. Ему понравились не только вино и рыбалка, но и хозяева со своим хозяйством. Такую статью накатал с фотографиями, на всю газетную страницу! Книжка Михаила Ивановича Медведева, царство ему небесное, в которой немало глав посвящены Павлу Недорубову и его делу, хранится в районном музее, другая – в школьном, курановском.

А после той статьи в краевой газете, однажды на хутор приехала целая делегация на двух машинах, представители краевой думы и своё, районное начальство. Славно встретил гостей Павел Тимофеевич. Конечно, ходили по полям, вникали в дела фермера, но потом оторвались по полной за ухой и пашлыком. Павел Тимофеевич даже удивлялся, сколь много могут выпить и слопать почтенные мужи. Он потом говорил Ларисе Фёдоровне:

– Бранишь меня, мол, вина много пью, а видела, как отцы наши гуляют, да я дитё малое перед ними!

После уборочной страды на море всей семьёй отправились отдыхать Кургановы – Маринка с Фёдором и тремя детишками. Хотели прихватить с собой Ивана и Борису, но Павлик с Лидой запротестовали. Мол, вы там, на море, за своей оравой ребятшек уследите. Молодые Недорубовы решили побывать на море в августе. Пока активно отдыхал один Иван. Он загорел до черноты. С утра уже на пруду с сетями или удочкой,

помогает Антону или в саду с Николаем собирает падалицу. Обещал быть богатым урожай и на яблоки. Не чурался Иван и взрослых девушек, которые занимались прополкой на большом недорубовском огороде. Помогал им налаживать полив огорода, умело управляясь с насосом, качавшим воду из пруда. Девушки то и дело благодарили помощника поцелуями, к чему Иван довольно скоро привык.

Бориска был явно другого склада. Он часами мог заниматься со своей скрипкой или просиживать за компьютером, а то и в садовой беседке с книжкой. Братья были очень разные по характеру, но это не мешало им дружить. Правда, Иван верховодил и выступал в качестве покровителя. В школе он следил, чтобы Бориску никто не обидел. Увлечение музыкой младшего брата вызывало у Ивана уважение, и иногда он сам просил Бориску поиграть на скрипке. Юного музыканта не надо было уговаривать, он всегда с удовольствием играл для брата. А вечерами, иногда вместе с мамой Лидой, устраивали семейные концерты.

3

В каждую уборочную страду приходилось нанимать работников со стороны. Не обошлось без них и в нынешнюю. Кроме прочих, нанял Павел три самосвала, при них шесть мужиков-водителей. В течение уборочной Павел замечал за ними выпивки, но помалкивал. Шестеро – трое в работе, трое на подмене. Работали исправно, своего старшего, верзилу двухметрового роста Вадима, тоже явного любителя выпить, слушались.

С окончанием уборочной Павел расплатился по уговору с водителями, выставил магарыч, посидел с ними за шашлычком на бережку пруда, поблагодарил за работу.

На следующее утро к Павлу в офис явился Вадим.

– Павел Тимофеевич, разреши – мы пару деньков у тебя здесь отдохнём, порыбалим, ухи поедим...

Павел не видел причины отказать и разрешил остаться бригаде на хуторе ещё на два дня. Антон Шукин снабдил, теперь уже гостей, удочками и показал места лова. С утра водители были на берегу, наверное, что-то поймали – в зарыбленном пруду, при желании, мудрено было не поймать. Иван за час двумя удочками мог натаскать ведро карасей и сазанов. Ближе к полудню задымил на берегу костерок, один из МАЗов уехал в село.

Ближе к вечеру на майдвор примчалась вся в слезах Рая Жеребцова. Механизаторы во главе с Павликом завершали рабочий день и собирались разъезжаться по домам.

– Пал Палыч! – завопила девушка. – Там, на берегу, наших мужиков шофера бьют!

Павлик швырнул на верстак ветошь, выбежал из мастерской, за ним следом ещё два курановских парня.

Николая уже сшибли двое наземь и пинали ногами. На Антона наседали Вадим и ещё один из шоферов, но тот у самой воды держался и стойко оборонялся. Он и сам будь здоров парняга, флотский! Двое тащили лодку с берега в воду, и это им почти удалось.

Павлик сходу подсечкой свалил Вадима на мелководе. И тут же, заломив одну руку верзиле, оседлал его внушительную тушу. Ухватив за шевелюру на затылке, принялся макать лицо Вадима в грязь и воду, пока тот не перестал дёргаться.

– Пал Палыч,пусти его, а то утопишь, – услышал Павлик за спиной голос Антона. – Отвечать потом за сволочь...

Самыми проворными оказались те, которые тащили лодку. Они уже суетились на взгорке у своих машин. Вадим омывал лицо, зайдя по колена в воду. Разбиты были морды и у пинавших Николая. Ему тоже успели подсадить фингал и память рёбра ещё до прибытия помощи.

Вся компания спешно убралась с хутора на своих могучих машинах.

Павел только и сказал:

– Вот и делай людям добро.

Зато Лариса набросилась на мужа с упрёками:

– А если б Павлик с мужиками уже уехал домой, кто б оборонил Антона с Николаем?

– Небось Фёдора бы кликнули, да чабанов – оборонились бы, чай мы дома, а не они, – виновато отозвался Павел. – Не таковых видали...

– Нет, Паша, ты виноват, – укоряла Лариса. – Зачем позволил остаться? Вот и получил благодарность.

– Будет тебе ворчать, – хмуро отвечал Павел. – Хотел как лучше...

– А получилось как всегда! – подхватила Лариса.

Но и это не главное, а так, проходящее. Порадовал Павла и всех хуторян Анатолий – московский

житель, родом из Недорубов, который успешно занимался адвокатской деятельностью. И выпало ему защищать на суде от конкурентов интересы какой-то федеральной мукомольной фирмы. Да так ловко защитил мукомолов, что те оказались в многомиллионном выигрыше. Будучи в высоком авторитете у мельников, Анатолий не забыл про вечную боль отца, вначале за урожай, потом за продажу зерна. Поговорил на эту тему с самим генеральным директором фирмы. Тот заинтересовался – ставропольское зерно всегда ценилось.

Вскоре к Павлу на хутор пожаловал представитель фирмы. Не прошло и месяца – москвичи очистили недорубовское зернохранилище. Полубовно сошлись в цене – обе стороны остались довольны. Прикинули план сотрудничества на будущее. С полной мощной Павел на радостях купил трактор «Кейс-435» – он давно к нему приглядывался. За изучение новой машины принялся Павел – младший, вместе с сыном Иваном. Следом пополнили склад ГСМ, закупили удобрений.

Без огорчений – никуда, а без праздников и вовсе скучно. Напряжёнка уборочной страды требовала передышки, а тут Антон с Раей объявили о своей свадьбе.

– Заодно и отпразднуем, – в свою очередь объявил хозяин хутора, – и окончание уборочной, и свадьбу!

В ближайшую субботу ожил берег хуторского водоёма. Задымили мангалы, под большим навесом накрывались длинные столы, из села потянулись на машинах работники хутора и пайщики, в большинстве своём – старики. В такие дни Павел

не забывал и о них, и даже поочерёдно премировал за активное участие в укреплении хозяйства.

Впервые Павел обратил внимание на то, что среди рабочих над старыми преобладали молодые.

– Гляди, Лар, да у нас подобрался почти молодёжный коллектив! – произнёс Павел, оглядывая берег пруда. – И ты гляди, старый хрыч, молодёжи сколь много собралось! – это уже к куму Алексею.

– Чему радуешься? – усмехнулся тот. – Затопчут скоро, пикнуть не успеешь.

– По работе пусть и затопчут – не жалко, – ответил Павел. – А так просто, нет, шалишь, брат. Мы ещё повоюем...

– Ладно, вояки, – вмешалась Лариса. – Помогите бабам кастрюли на огонь поставить.

Всё радовало глаз Павла в этот день. Многолюдье, молодые голоса, обилие детворы на берегу и особенно праздничные весёлые лица мужские и женские. Ждали прибытия из загса свадебного поезда. И Фёдор Курганов уже настраивал свою гармонь:

Я гуляю на пирушке
У соседа в выходной.
Жаль, без мата я частушки,
Блин, не знаю ни одной.

– Едут! Едут! – завопил кто-то истошно. – Молодые едут!

Теперь и все увидели, как с Песчаной горушки съезжал на хутор свадебный кортеж из пяти машин.

4

В конце августа, перед началом занятий в школе, выбрался на море и Павлик со всей своей семьей. Поехали на большом внедорожнике, чтобы не стеснять себя в пути. Радости Ивана и Бориски не было предела от предстоящего путешествия. Сестра Ольга спокойно посапывала в переносном кузовке на заднем сидении рядом с мамой.

Когда проезжали памятное место, Павлик, придерживав скорость, оглянулся на жену:

– Здесь, – сказал он.

И Лида поняла его, прильнула к окошку, оглядывая ничем не примечательный кустарник обочь дороги. «А ведь могли тогда и Пашу вместе с дядей...», – подумалось нечаянно, и от этой мысли неприятно зачастило сердце.

Георгий уже знал о приезде молодого хозяина и вышел встречать всем своим большим семейством, кроме двух взрослых сыновей и дочери, один ребёнок на руках матери.

– Как ехали, Павел? – вежливо поинтересовался Георгий.

– Хорошо ехали, Георгий. – Как ваше здоровье?

– Мы же на курорте, Павел, – улыбнулся Георгий. – Отдыхаем, купаемся – море совсем тёплый. Люди днём на берегу много... Обедать пора, Павел – шашлык жарится, вино совсем прокисает...

Сразу после обеда всем семейством отправились на море. Особенное нетерпение выражали

братья. Когда Павлик и Лида с коляской пришли на пляж, Иван и Бориска уже всю ныряли в прибрежных невысоких волнах.

Павлик, и без того смуглый, успел изрядно загореть в поле. Слегка располневшее после родов тело Лиды было белым-бело, загар коснулся только рук до плеч: ходила в безрукавных сарафанчиках. Она больше была склонна отдыхать где-нибудь в Подмоскowie с походами в лес по грибы и ягоды, нежели жариться на черноморском пляже. Павлик знал об этом и пообещал Лиде поездку в Москву – у Анатолия была в Подмоскowie дача, та самая, медведевская, которую младший Недорубов недорого выкупил у сына покойного Михаила Ивановича.

В первый же день пребывания семьи на море произошло происшествие. По воле случая Иван стал героем дня. Он, в отличие от Бориски, превосходно плавал и уплыл почти до самых буйков. Народу купалось великое множество. Но отплыв от берега, Иван заметил темненькую голову девочки, то надолго исчезающую под водой, то вновь появляющуюся на поверхности. Когда голова снова ушла под воду и долго не появлялась, Иван поплыл к месту её исчезновения и вовремя. Он увидел искаженное страхом лицо девочки, примерно, его ровесницы, и её судорожные движения руками. Не раздумывая, Иван обнял хрупкое тело девчонки в зелёном купальнике и изо всех сил одной рукой принялся выгребать к берегу. Она охватила Ивана за шею мёртвой хваткой. Но хлопец был сильный и продолжал грести, пока

не коснулся ногами песчаного дна. Едва оторвал руки девчонки, сомкнувшиеся на его шее.

Она постепенно приходила в себя, но смотрела на Ивана всё ещё дикими испуганными глазами.

– Ты что, немая? – спросил Иван. – Почему не орала, если тонешь?

– Я испугалась, устала, – наконец сказала девочка и тут же расплакалась. Держась за руки, они вышли на берег.

– С кем ты пришла на пляж?

– С бабушкой, – дрожащими губами вымолвила девочка и тут же, наклонившись, извергла на песок струю воды.

– Успела нахлебаться, – констатировал Иван. – Как зовут тебя?

– Олеся.

– Меня Иван.

Девочка уже оправилась от испуга и с благодарностью посмотрела на спасителя большими зелёными или тёмно-серыми глазами:

– Спасибо тебе, Иван.

– Да ну, случайно всё получилось, – смутился Иван под её взглядом. – Гляжу, вроде была голова и – нет, потом снова...

Иван и не думал хвалиться случившимся, но спустя некоторое время к Недорубовым подошла пожилая женщина в пёстром халате, держа за руку Олеся.

– Это который же из них? – спросила женщина у Олеси.

– Вот этот, Иван, – указала девочка на приподнявшегося с одеяла подростка.

– Что случилось? – с беспокойством на лице повернулась Лида от коляски с дочерью к женщине и девочке.

– Случилось, милая, – протянула жалостливо женщина. – Ваш парнёк мою внучку только-только от утопления спас. Говорит, силы кончились – сама бы не выплыла...

– Он у нас такой, – Павлик потерял ещё влажные волосы на голове сына. – Дам спастись от утопления – его первое дело...

– Да она, может быть, и сама бы выплыла, – смущённо вымолвил Иван, исподлобья глянув на Олесю. – Я случайно туда заплыл...

Познакомились. Бабушка Серафима Петровна и внучка Олеся приехали из Краснодара к бабушкиной подруге. Уже накупались, наотдыхались и денька через два поедут домой.

– Вы, считай, и так дома, – сказал Павлик. – Мы чуть подальше живём – ставропольские.

– Значит, соседи наши, – заключила Серафима Петровна. – Ещё раз, Ваня, спасибо тебе за внучку. То-то горя было бы... – она неожиданно всплакнула, достав из кармана халата платок.

– Будет вам, Серафима Петровна, – принялась Лида успокаивать пожилую женщину. – Всё обошлось и, слава Богу... Вы вместе с Олесей приходите в гости до вашего отъезда. Мы вон в том доме живём, – указала она на очень приметный в округе дом на взгорке, окружённый садом.

– Снимаете там комнату? – спросила Серафима Петровна.

– Нет, это наш дом, – с улыбкой ответила Лида.

– Однако, богато живёте, – робко проговорила женщина.

– Мужу в наследство достался, – кивнула Лида в сторону отошедшего к детской коляске Павлика.

Накануне отъезда Серафима Петровна вместе с Олесей побывали у Недорубовых в гостях. У бабушки Олеси осталось впечатление, мол, с богачами, но добрыми и гостеприимными людьми довелось нечаянно познакомиться, – будет что рассказать близким и знакомым.

Иван не расставался с девочкой, и они вдвоём гуляли в саду до самого её ухода. И на следующий день он побежал в посёлок, чтобы проводить Олесю на автобус. На том их дружба не окончилась.

5

В окрестностях хутора водилось много зайцев. Немало вредили они хуторскому саду, объедая кору со штамбов молодых деревьев. Чабан Василий Смолин – дед Васька, прежде любил поохотиться на косоглазых, но ходок стал никакой – ноги болели.

На углу сада, выходявшего прямо в поле, Василий отрыл окопчик, навалил туда сена и с темнотой засел там со своей одностволкой шестнадцатого калибра. На хуторе слышали несколько приглушенных выстрелов. Слышал и Павел:

– Пойдём завтра к свату на зайчатину, – сказал Ларисе.

– Пойдём, – согласилась она. – Понравится зайчатина, так придётся тебе, старый, тоже в охотники записаться.

– Смолоду не занимался этим баловством, а теперь и вовсе, – отмахнулся Павел. – Живи и давай жить другим, как там Есенин говорил – братьев наших меньших никогда не бил по голове...

– Не бил, исусик выискался, – усмехнулась Лариса. – Сколь скотины перерезал – свиней, быков – не бил он братьев меньших...

– Мне ещё дед Петро говорил: «Пашка, без надобности даже воробынью душу на себя не бери, грех. А что скотину забиваем, так то жертвуем ради жизни...».

На следующий день Василий демонстрировал хуторянам свои трофеи – два матёрых русака. После демонстрации он их освежевал и в лучшем виде передал в столовую, которой заведовала тоже курановская девушка, внучка Алёшки Свирина – Гюльнара. Нерусский зять у Свириных назвать-то назвал, а сам вскоре убрался в свой Узбекистан – у него там ещё одна семья оказалась.

– Дед, а ты как стрелял зайцев? – заинтересовался охотой Василия внук Иван. – Прямо в упор или вдогонку?

– Зачем – в упор? – пояснил удачливый охотник. – Один на меня вышел. Я его метров с двадцати и уложил. Второй откуда-то сбоку припрыгал...

– А меня на охоту с собой возьмёшь? – поставил вопрос ребром Иван.

– Вань, дак ты и стрелять-то не умеешь, – возразил дед.

– А ты научи, я понятливый, – стоял на своём Ванюшка.

Ничего не оставалось Василию, как пойти с внуком в силосную траншею и преподать тому курс молодого охотника. Издырявил Иван старое ведро полдюжиной выстрелов и подал деду большие надежды в охоте.

Трижды Иван ходил с дедом Васькой в засаду и два из четырёх добытых зайцев были лично Ивановы.

Василий Смолин почти не ездил в Кураново и жил в общежитии на хуторе, в отдельной комнате по соседству с другим жильцом Николаем Сорокиным. Питались в своей хуторской столовой, считай, бесплатно. Обеды стоили копейки. Весной и летом нанимали работников, и народу набиралось до полста, а то и больше, но столовая работала бесперебойно.

Гюльнара недавно окончила кулинарный техникум, и Павел пригласил дипломированного специалиста заведовать столовой. Гюльнара охотно согласилась. Её жених, тоже курановский парень, работал трактористом. Никита Бердников, названный в честь покойного деда, отслужил в армии и сразу пришёл к Павлу с просьбой взять на работу. Мало того, Никита учился в техникуме на зоотехника. И ему выплачивались от фермера ученические во время экзаменационных сессий.

Бабушка Никиты Софья Андреевна, бывший колхозный главбух, уже не один год трудилась бухгалтером в Недорубах. Ей помогали вездесущая Лариса да дочь-агроном Маринка.

– Пап, купи ружьё. – едва ли не в первый день после своей удачной охоты пристал к отцу Иван.

– Ружьё купить не проблема, – сказал Павлик сыну. – Да мал ты ещё – на тебя в милиции оружие не регистрируют.

– А ты на себя регистрируешь...

– Ты там чего-нибудь натворишь, а меня привлекают.

– Пап, меня дед Васька всему обучил, – канючил Иван. – Спроси, он тебе скажет, что я стреляю лучше него...

– Подумаю, – пообещал Павлик.

– Паш, может, действительно рано Ване ружьё давать в руки? – настороженно говорила Лида. – Не случилось бы чего?

– Лид, если бы он у меня какой-нибудь смартфон дорогой просил – я, может быть, и отказал бы, – ответил Павлик жене. – А тут ружьё... Оружие, знаешь, как дисциплинирует и приучает к ответственности – по себе знаю...

Купил Павлик двустволку-«ижевку» и всякие припасы к ней. Зарегистрировал на себя и, передавая ружьё сыну, сказал:

– Смотри, Иван, не подведи. Перед всей милицией за тебя поручился...

– Не подведу, пап, – Ванюшка с благодарностью поцеловал отца. – Я у хутора буду ходить. Вчера утром кто-то из курановских стрелял в поле...

В первый же выходной, свободный от занятий в школе день, Иван рано утром вышел на охоту в поле. Снега не было. Не было и мороза. Озимые плотным зелёным ковром лежали в неизвестности – могло сковать морозом, но лучше бы

укрыло снежком. Земля под ногами была сухая и кочковатая. Но Иван вскоре приноровился и с ружьём наперевес пошёл из Кураново к дальней ореховой лесополосе. Небо хмарилось, обещая осадки. Мог об эту пору сорваться и дождь.

Первый заяц сорвался с лёжки в метрах двадцати. Иван вначале растерялся и пока вскинул ружьё, косой был уже далеко. Подходя к лесопосадке, Иван собрался, весь напряжился, готовый тут же вскинуть ружьё. Но дичи не было. Он ещё с километр шёл вдоль лесополосы, и опять заяц метрах в пяти выскочил, считай, из-под ног, даже испугав охотника. И всё же, Иван вскинул ружьё, нашёл мушку и выстрелил зайцу вдогон метров с двадцати пяти. Заяц перекувыркнулся через голову, дернулся и застыл на изумрудной зелени поля. Сердце гулко колотилось в груди от волнения и азарта, когда подросток подбежал к своей первой добыче, взятой в поле.

И потом Иван не пропускал ни одного выходного дня, чтобы не выйти на охоту. И редко возвращался без зайца или трёх-четырёх куропаток. А однажды принёс рыжую лису.

– Это как же ты умудрился подстрелить эдакого зверя? – удивился Павлик добыче сына.

– Сорока помогла, – улыбнулся Ванюшка. – Подхожу к балочке, гляжу, она орёт-надрывается над кем-то, только изготовил ружьё, а она, лиса, из балочки прямо на меня и выбежала.

– Ну, добытчик! – продолжал удивляться Павлик. – Фартовый ты охотник, однако! Матери на воротник лису добыл...

Как-то Бориска пристал к Ивану с просьбой:

– Вань, дай и мне стрельнуть из ружья.

Не мог Иван отказать брату. Нашёл старое ведро, взял ружьё, затолкал в патронник два патрона, снаряжённых заячьей дробью, и братья отправились в огород.

– Совмещай мушку с прорезью, левый глаз прижмурь, – учил Иван брата, – за спусковой крючок не дёргай, а плавно...

После выстрела столбики пыли обозначились далеко за ведром, а стрелок ошалело посмотрел на брата:

– Так и оглохнуть можно.

– А как же ты потом на скрипке играть сможешь? – сказал Иван. – Противопоказано тебе, брат, стрелять из ружья.

– Да ничего и хорошего в этом грохоте, – разочарованно протянул Бориска.

Больше он никогда не обращался к Ивану с просьбой: «стрельнуть». А Иван стал заядлым охотником, мало того, научился разбирать заячьи следы, находить места кормления куропаток и мечтал об охотничьей собаке.

6

Однажды Иван подступил к отцу с вопросом:

– Пап, а почему ты мне никогда о маме ничего не рассказывал. Дед Васька и то говорил...

Павел так и замер, услышав слова сына.

– И что же тебе говорил дед Васька?

– Да ну его! – отмахнулся Ванюшка. – Под мухой, наверное, был. Говорит, твоя мать непуг-

тёвая девка была – гулящая. Но душа у неё была добрая, как у меня. То есть, как у него – деда Васьки.

– Добряк выискался, – усмехнулся Павлик. Чтоб ты знал, твой дед Васька первый баламут на селе был, правда, к старости поостепенился.

– Нет, пап, дед Васька, и правда, добрый, он меня любит...

– А кого ж ему любить, если не тебя? – удивился Павлик. – Те внуки-внучки у него в городе живут, а ты постоянно при нем...

– Пап, а мама красивая была?

– Она была очень красивая!

– А почему же вы не поженились?

– Вот, видно, Ванюшка, что ты вырос и мне совсем непросто отвечать на твои вопросы, – замялся Павлик. – Понимаешь, я до армии был парнишка не избалованный гулюшками, хотя у нас уже была и дискотека, и оркестр, и девчат хватало красивых...

– Ты что ж, пап, совсем на дискотеки не ходил?! – удивился Ванюшка.

– Представь себе, – сказал Павлик. – Больше возле отца да около техники околачивался. В дискотеках мой брат, твой дядька Толька преуспел со своей подружкой Лизой. Однажды затащили и меня на дискотеку. Случись, в тот день твоя мама приехала в село к родителям. Она была годом старше меня и в то время жила в Ставрополе. От наших девчат она отличалась. Приехала на собственной машине, такая девка – вся из себя! Не знаю уж почему, но положила глаз именно на

меня. С того и началось. Я-то до того ни с кем из девчат даже не дружил, а тут всё сразу свалилось... Короче, влюбились друг в дружку без ума и до самого моего призыва в армию – месяца два не расставались вовсе. А потом, уже в армии, узнал о твоём рождении, о её смерти...

– Пап, а вы бы поженились, если бы мама была жива?

– Не знаю, Вань, врать не буду, – неуверенно проговорил Павлик. – Обещаний мы друг другу никаких не давали. Я ей благодарен, как моей первой любимой женщине. Она мне как-то сказала: «Всем ты хорош, Пашка, да иногда скучно с тобой». Говорю же, она до меня повидала какую-то другую красивую жизнь. Понимаешь, сынок, нас разное радовало. Её тянуло в город к многолюдью, шуму, гаму, веселью. Мне же хорошо было в степи на тракторе или комбайне, только здесь у меня душа радовалась...

– А с мамой Лидой как познакомился?

– С мамой Лидой другая история, – Павлик помолчал, а потом продолжил: – Друг у меня в армейской учебке был. Уж не знаю почему, но мы прям прикипели друг к другу. Братьями стали. А у Бориса была невеста – она, Лида. Он меня познакомил с ней едва ли не в первое увольнение. Я и рот раскрыл. Ты же видишь, какая она у нас – мама Лида.

– Красивая, – подтвердил Иван.

– Мой друг Борис – это отец нашего Бориски, думаю, ты об этом знаешь?

– Знаю, – кивнул Иван.

– Я и на свадьбе у них был... Убили Борьку, меня тяжело ранили в одном и том же бою. Вот я и решил, если жена друга не откажет, буду ей мужем и отцом её сына. Как видишь, не отказала...

– Пап, а почему ты ничего о той войне не рассказываешь?

– А потому, сынок, что о той войне вспоминать не хочется, а не то, что рассказывать о ней. Пацаны чуть тебя старше, бывало, гибли пачками и всё на глазах...

– Пап, а мы с тобой когда-нибудь к маме на могилу поедем? – тихо спросил Иван отца.

– Как скажешь, так сразу и поедем, – не раздумывая, согласился Павлик. – Кстати, почти рядом могила дяди Димы...

На городское кладбище Ставрополя они поехали вдвоём в ближайший выходной. Стоял один из тех изумительных весенних дней на Ставрополье, когда живительная сила прозрачного воздуха чувствовалась даже в приоткрытое окно машины, а прозрачные дали полей окрашивались изумрудной зеленью озимых и пока едва обозначенных зелёных же строчек лесопосадок. Могучий «мерс» летел над шоссе, и было одинаково приятно мчаться среди раздолья и водителю, и пассажиру.

У дальних ворот огромного кладбища, среди моря разнообразных цветов, они выбрали два букета роз – белых и красных. Каково же было удивление обоих, когда у подножия памятника они обнаружили не менее пяти уже увядших и ещё свежих букетов гвоздик и роз.

– Пап, а кто же приносит маме цветы? – удивился Иван.

– Наверное, у твоей матери сохранились верные друзья, – только и сказал Павлик, сам не менее удивлённый таким вниманием к бывшей возлюбленной.

Памятник был выполнен в виде золотой русалки с лицом покойной, возлежащей под огромной гранитной волной постамента. Памятник был, безусловно, красив, но и вместе с тем слишком раскошен, а оттого чем-то вульгарен на этом последнем прибежище человеческом.

– Пап, а кто поставил маме такой необычный памятник? – спросил Иван.

– Наверное, тот, кто последним очень сильно любил твою маму...

– Значит, дед Васька был прав, мама была женщиной лёгкого поведения...

– Ванька, не смей так говорить о матери, – сердито проговорил Павлик. – Ты как будто в девятнадцатом веке живёшь и не видишь, как живут вокруг...

– Не убедил, пап! – разгорячился Иван. – Если б моя Олеська так себя повела, то я бы, я бы...

– Посмотрю на вас с Олеськой, что дальше будет, а пока пошли к дяде, – недовольный собой и сыном Павлик пошёл по тропинке.

Дмитрий Тимофеевич Недорубов стоял в полный рост и почти надменно смотрел из прозрачной темноты чёрного гранита на посетителей кладбища. В его руке с безупречной белой манжетой дымилась сигарета с фильтром. На

той же руке сиял огромный перстень с выпуклым камнем. Откуда ваятель памятника взял такой образ Дмитрия? Павлик, сколько ни вспоминал, не мог припомнить ни такого надменно-го вида дяди, ни почти брезгливого выражения его лица. Тем более что и перстни с камнями он не любил, а носил единственный золотой перстень-печатку.

Павел Недорубов, впервые увидев памятник брату, пробормотал, пряча глаза:

– Снесу я этого урода к чёртовой матери!

– Да нет, бать, пусть уж стоит, – сказал тогда Павлик. – Его бывшим друзьям он, наверное, таким нужен.

Домой ехали молча, и только на середине пути Павлик первым нарушил молчание:

– С Олесей-то общаетесь?

Иван тут же согнал с лица всю мальчишескую неустойчивую хмурость, почти весело глянул на отца:

– Каждый день по скайпу видимся.

К дому они подъезжали снова друзьями, словно и не было между ними лёгкой размолвки.

7

Приметила Лариса, что Николай Сорокин зачастил на молочную ферму во время доек. Разве же можно на хуторе что-нибудь скрыть от постороннего глаза? Вскоре все знали – между Николаем и Галиной завязался роман.

Николай особо и не таился. Однажды встретились в столовке за одним столиком, до этого

при встречах обменивались ничего не значащими фразами. Обоим было под пятьдесят. Галина по-прежнему выглядела роскошно, правда, располнела, но это придавало лишь заметность, даже величавость её фигуре.

Николай, мужик весь из жил и мускулов – крепкий, светлоглазый, с сохранившейся русой кудреватой шевелюрой, уже тронутый сединой, и ростом под метр восемьдесят.

Галина допивала свой компот, когда Сорокин сел напротив.

– Всё одна живёшь? – как бы между прочим спросил женщину.

– Одна, Коль, куда деваться, – вздохнула Галина. – Никто замуж не берёт девушку. Да и ты, вижу, бобылём живёшь...

– Вот и давай сойдёмся, – без обиняков, полуплутиливо, сказал Николай. – Я ведь давно к тебе приглаживаюсь...

– Да и я вижу, – улыбнулась Галина, – мужик ты неплохой, трезвый, работающий – отчего бы и не попробовать? Мой Антон, так тобой не нахвалится... Дай денёк-другой подумать, а то ведь знаешь: «Попробовать – не напасть, кабы потом не пропасть...».

– Но нам-то с тобой чего бояться? – усмехнулся Николай. – Через всё прошли...

С того дня и зачастил Николай на ферму. Помогал дояркам бидоны с молоком таскать, за коровами подчищал, корм на тракторёнке полям развозил. Доярки подшучивали:

– Глядите, девки, какой справный у нас волонтер объявился! Работающий и нетребовательный...

– Глаз-то на Галку положил – губа, знать, не дура.

Николай улыбался и отмалчивался. Знал, только подай слово – не обрадуешься. Затюкают, закидают смешками бабёнки, большей частью незамужние да разведёнки.

Как-то на перекуре сидели с Антоном в лодке, только-только забросили сети в воду.

– Антон, позвал я твою мамку замуж, – сказал Николай, – ты как – не против?

– Слышал о том, – отозвался Антон. – Чего мне против быть? Мужик ты справный, ещё не старый, пусть сама решает. Не будешь обижать, так она вдвойне отплатит. Мамка – она добрая...

– Ну, спасибо на добром слове, – проговорил Николай.

Сказал о том и Павлу:

– Вот, Тимофеевич, жениться надумал, не возражаешь?

– Обеими только – за! – охотно подхватил Павел. – Давно о том думал – чего бы вам не сойтись? А оно, вишь, и совпало.

– Да, ну тебя, Тимофеевич! – отозвался Николай. – Что мы молодые, что ли?... Отметим, да и довольно...

Дала согласие Галина стать женой Николая, но тоже была против громкого застолья. Майским ярким, весёлым днём Павлик свозил на

своей машине молодых, вместе со свидетелями Павлом и Ларисой в загс, а в автобус сели все, кто пожелал присутствовать при регистрации, конечно, Фёдор Курганов с гармонью. С музыкой и песнями подъехали к загсу:

На дворе туман стоит –
Нулевая видимость.
Под горой мужик лежит –
Русская недвижимость.

Невеста была в светло-голубом платье и белой кружевной наколке на высокой причёске, что делало фигуру Галины величественной, просто монументальной.

Николай – без всяких изысков, в строгом чёрном костюме, белой сорочке, правда, без галстука – не привык и не любил. Молодых поздравили шампанским и тут же тронулись в обратный путь на хутор.

И всё равно, вопреки желанию молодых, свадьба получилась многолюдная, весёлая и шумная. Иначе не могло и быть. С каждым годом прибавлялось обитателей на хуторе, а ещё гости из Кураново.

8

Павлик иногда прислушивался к разговорам, а то и спорам отца и сестры Маринки и чувствовал свою непричастность от недопонимания. Они спорили о возможностях земли, о сортах пшени-

цы и других зерновых, об условиях агротехники, о внесении удобрений, а для него всё это иногда казалось тёмным лесом.

А однажды Маринка прямо подступила к брату с разговором:

– Паш, ты, что же думаешь, наш отец вечен? – спросила она брата.

– Ты о чём? – нарочито удивился Павел, хотя догадывался о чём хотела говорить Маринка.

– Я о том, что пора тебе глубже вникать в дело, а не только ворочать железяки на мащдворе. Подучиться бы тебе надо, Паш, да и помогать отцу в управлении – хозяйство-то наше растёт, а родители не молодеют...

Мало того, Маринка и Лиду настропала на вразумление мужа.

– Паш, Маринка говорит, что учиться тебе надо, – осторожно подступила она к Павлику с разговором. – Хочешь, я тебе помогу подготовиться к экзаменам...

– Я ещё буквы не забыл, – огрызнулся Павлик. – А она что делать будет, если я выучусь?

– Паш, ты же знаешь, что не прав, – мягко упрекнула Лида мужа. – Кто, если не Маринка, первая помощница отца во всех делах. Она да Лариса Фёдоровна...

Как бы там ни было, а Павлик добросовестно взялся за учебники, как не брался ещё будучи школьником. Неожиданными помощниками Павлика в подготовке к экзаменам в университет стали сыновья.

Специальность Павлик выбрал – агроинженерия. Агроном уже свой был в лице всё той же Маринки.

Перечитывая первый диктант, который будущему абитуриенту продиктовал Иван, можно было сказать, – плакать хочется. Иван, щадя самолюбие отца, виновато сказал:

– Это я виноват, пап, навалился на тебя сразу Гоголем, а он для всякого тяжеловат...

Надо что-нибудь попроще, так сказать, общее...

– Что, совсем плохо? – обеспокоился Павлик.

– Для первого раза годится, пап, – увернулся Иван.

Не пожалела мужа Лида, перечитав им написанное под диктовку старшего сына:

– Мне когда-то письма писал пограмотнее, а тут и вовсе грамматику на свой лад переиначил....

– Пи-и-сьма! – хмыкнул Павлик. – Когда это было? Тогда ещё в памяти, после школы, всё свежо было...

В математике разбираться отцу помогал младший сын Бориска. И тут Павлик обнаружил свою непролазную дремучесть. Бориска был столь же терпелив, как и Ваня. А отец двух сыновей, давя в себе самолюбие, следовал за советами своих юных учителей, общую программу для которых составили Маринка и Лида. Будучи отцом семейства, Павлик оказался более прилежным учеником, чем тогда, в далёкие школьные годы.

Всякий стресс и усталость снимала вечерами трёхлетняя дочурка Олечка. Она целый день

была неугомима и вечерами развлекала всех своим лопотаньем и играми. В детский сад она ходила охотно и братьям говорила, что с ними скучно, и они совершенно не умеют играть с маленькими девочками.

Как в своё время и отец, Павел Тимофеевич, любя сыновей, отдавал Маринке чуточку больше, так и Павлик, когда ощущал на своей шее ручонки дочери, умилялся до слёз и готов был ради неё на всё.

Кто знает, сколь могли сыновья помочь отцу в подготовке к экзаменам, а может, экзаменаторы были снисходительны к молодому хозяину известного в крае фермерского хозяйства, но все экзамены Павлик выдержал на четвёрки, а по географии получил даже пятёрку.

– Ну, студент, удачи тебе, – сказал Павел Тимофеевич сыну. – Как говорят, лучше поздно, чем никогда...

На третьем году учебы в университете Павлик смело вникал в «вумные» разговоры Маринки и отца. Мало того, появились свои задумки, приходилось, хочешь-не хочешь, заглядывать в будущее немалого хозяйства. Время не стояло на месте.

9

Вот уже несколько сезонов подряд Иван и Олеся встречались на побережье под Геленджиком. Тут приходилось Ивану прогуливаться по местному пляжу вместе с девушкой. Одной Олеся и вовсе местная братва не давала проходу. Её точёная фигура гимнастки, грива каштановых

волос на голове, зеленоглазое, очень милое лицо просто притягивали взгляды, особенно молодых парней, которых на пляже всегда было предостаточно. Присутствие рядом с девушкой загорелого, рослого, мускулистого юноши сдерживало, в некоторой степени, пыл, но не шуточки и колкости. Так было и в тот жаркий летний полдень. Иван и Олеся, накупавшись, направлялись с пляжа к дому. Проходили мимо подгулявшей компании парней. Их было трое.

– Братишка, дай подержаться хоть за ручку твоей крали, – подал развязный голос один из них.

– Перебьёшься, – ответил Иван.

– Ух ты, грубиян какой! У нас грубить не принято...

– Да, что с ним говорить – надо у девушки спросить, может, она и не против с нами до буйков сплавать...

– Девушка, а девушка, оставьте этого грубияна-собственника. Иди к нам – мы ласковые, тебе понравится...

– Она, наверное, любит, чтобы её завоёвывали, – лениво бросил смуглолицый парень атлетического сложения и, поднявшись с песка, направился к Ивану и Олесе. Парочка остановилась. Парень подошёл совсем близко и наклонился, чтобы заглянуть девушке в лицо:

– Ну-ка, милая, покажи личико...

Иван с короткого разворота залепил парню в челюсть.

– Братва, наших бьют! – вскочили на ноги и те двое.

Первого Иван встретил прямым в лицо. Бить Иван умел, прежде занимался боксом, отец кое-что преподал сыну из практики бывшего разведчика. Удары были жёсткие. Тот, первый атлет, стоя на четвереньках, ошарашенно тряс головой, второй лежал навзничь, раскинув руки. Третий замешкался, а когда Иван направился к нему, и вовсе бросился наутёк.

Иван взял Олеся за руку, и они пошли дальше своей дорогой.

– Вот это, я понимаю, парень! – доносился до них чей-то восторженный голос. – Уложил двоих и будь здоров!

– Да они с утра zenки залили и ходили выпрашивали, – подала голос телесная тётка в тесном жёлтом купальнике. – Вот и нарвались на хлопчика...

– Где ты научился так драться? – Олеся восторженными глазами заглядывала в лицо своему спутнику.

– А у нас весь род такой – драчливый, – обнял Иван девушку за голые плечи. – Дед за хутор дрался, батя – на войне в разведке дрался, ну и мне велели...

Иван окончил одиннадцатый класс и теперь готовился к поступлению в тот же Ставропольский аграрный университет. Бориске и Олесе только предстояло идти в одиннадцатый.

В минувшей уборочной страде Иван работал комбайнёром и намолотил на «Доне-1500» больше отца и двух других комбайнёров. За что дед и бабушка Недорубовы премировали внука новой машиной «Форд».

Участвовал в уборочной и Бориска в качестве приёмщика зерна на весовой. И его труд отметили новым компьютером с множеством дополнительных причиндалов. Дело в том, что всё своё свободное время Бориска посвящал компьютеру и даже зарабатывал на нём какие-то деньги. «Головастый парень – далеко пойдёт», – говорили о Бориске на хуторе. Он был первым математиком в школе. Взял даже премию на межрегиональном конкурсе.

Не радовалась успехам сына, наверное, только мать Лида. Нет, она, конечно, радовалась, но желала бы для Бориски другого – подобных успехов в музыке. А парня словно околдовали – оставил скрипку, хотя и в музыке преподаватели пророчили ему достойное будущее. Лида собиралась вместе с сыном, после окончания школы, ехать в Москву для поступления Бориски, если и не в консерваторию, то в музыкальное училище. Не срослось. Теперь бренькал самостоятельно на гитаре и часами просиживал за компьютером.

Когда Лида слышала самозабвенное пение сына:

Холодный ветер с дождём усилился стократно,
Всё говорит об одном, что нет пути обратно,
Что ты – мой лопушок, а я – твой Андрейка,
Что у любви у нашей села батарейка,

она зажимала уши и спешила уйти в другую комнату. А Ивану и его подружке Олесе нравилось пение Бориски, его приятный тенор, переходящий в баритон.

Однажды на семейном вечере – вся семья любила такие вечера, когда выслушивались по очереди выступления каждого члена – Олечка спела разученную в садике песенку:

В каждом маленьком ребёнке:
И мальчишке, и девчонке
Есть по двести грамм взрывчатки
Или даже полкило!..

Акомпанировала дочери Лида на рояле. Вслед за сестрой взял в руки гитару Бориска.

– Только не про батарейку, – умоляюще проговорила Лида.

– Постараюсь, мам, – пообещал сын и тронул струны своей недешёвой гитары, подаренной ему отцом.

Не отрекаются, любя,
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
А ты придёшь совсем внезапно...

Бориска очень хорошо пел, с большим и очень искренним чувством. После последних аккордов гитары все некоторое время молчали, словно очарованные, и Олечка первая захлопала в ладоши, нарушив общее молчание. А Лида даже прослезилась.

Иван и Олеся просто обожали пение Бориски. Иван даже слегка приревновал подружку к брату, видя, как та награждает Бориску смелыми поцелуями за очередное исполнение песни.

– Ты, брат, не вздумай отбить у меня Олеську, – сказал он в присутствии девушки, вроде бы,

в шутильной форме. И уже к одной только девушке: – Смотри, откуда достал, туда и верну...

Бориска сделал испуганное лицо и категорично заявил Олеся:

– Не подходи ко мне, женщина! Я не хочу в столь юные годы быть убитым или задушенным этим недорубовским Отелло.

– То-то же, доморощенный соловей, – удовлетворённо заметил Иван.

– Ты что и вправду приревновал меня к Бориске? – не без девичьего кокетства спросила Олеся Ивана, когда они остались одни.

– А тебе как хотелось бы? – вопросом на вопрос ответил Иван.

– Чтоб приревновал...

– Правильно, так и думай на будущее...

Олеся иногда приезжала в Кураново, но чаще Иван привозил свою невесту из Краснодара на своей машине. Девушка очень понравилась Лиде и Павлику. А старикам Недорубовым кубанская красавица и вовсе пришлась по душе. Лариса в лице внуковой подружки встретила землячку. А Павел припомнил давнее-предавнее пожелание покойного дедушки Петра, довольного хлопотами вокруг него краснодарской Ларисы: «Придёт время, так своих сынов тоже засылай в Краснодар за невестами. Авось, к тому времени такие не переведутся». Сыновья нашли своё счастье, один – с местной, своей девушкой, другой – с москвичкой. А вот на правнуке пожелание прадедушки Петра сбылось, правнук Иван нашёл себе невесту на кубанской земле, в самом Краснодаре.

Павлик не терял связи со своими коллегами по прежней работе. С Анатолием Поповым они общались по телефону едва ли не каждый день, а приезды Павлика в Ставрополь всегда отмечались в ресторане Тамары.

Павлик знал, что Анатолий развёлся с женой, оставил ей квартиру и сам жил в офисе – квартире, арендованной у Павлика.

Однажды Анатолий позвонил своему бывшему шефу, когда тот в поле допахивал ближнюю к хутору делянку.

– Давай, брат, приезжайте вместе с Лидой на свадьбу, – пригласил Анатолий. – Мы с Региной расписались. Думал, довольно – не молоденький уже, а она – давай свадьбу, иначе и вспомнить будет нечего. Молодая ещё, считай без малого двадцать лет разницы...

– Не тушуйся, брат, – поддержал Павлик друга. – Наши олигархи на внучках женятся и то ничего...

– Да я и не тушуюсь, пока нет поводов, – сказал Анатолий. – В воскресенье ждём у Тамары. Мы уже с ней обо всём договорились. Кстати, она нас познакомила со своим мужем...

– Первый раз слышу! – удивился Павлик. – Скажу отцу – он и брату, и его дочке прочитает от лукавого. Ишь, свадьбу зажилили!..

Павлик в тот же день сказал отцу и матери о замужестве Тамары. Павел Тимофеевич возмутился, взялся было за мобильник, чтобы позво-

нить брату Сергею, но Лариса Фёдоровна остудила его пыл:

– Я всё знала и видела того мужика, только вам не говорила, Тамарка не велела, потому что сожительство пока, а там видно будет. Мол, свадьба не заржавеет, если хотя бы год проживём...

– И что тот мужик из себя представляет? – ревниво спросил Павел Тимофеевич.

– Отставник, – принялась Лариса обрисовывать внешность Тамаркиного нового хахаля или мужа. – Из себя видный и не лысый, чуточки на височках седой волос. Годов, может, под пятьдесят ему, но без пуза... Да разве наша Тамарка абы на кого позарится!..

В воскресенье Павлик и Лида выехали в Ставрополь. Их большая квартира на Тухачевского, доставшаяся Павлику в наследство от дяди, пустовала, но не была заброшенной. Продавать её хозяйева не собирались. Здесь, в свои частые наезды в город по торговым делам, останавливалась Лариса и другие Недорубовы, оказавшиеся в Ставрополе. В будущем дети будут поступать учиться, им также понадобится жильё, которому нынче цены не сложишь, если нанимать. Доглядывала за квартирой соседка тётя Вера, шестидесятилетняя энергичная женщина. Тётя Вера в этой квартире многие годы делала уборку, поливала цветы, ходила за продуктами, исправно платила квартплату и за коммунальные услуги ещё при покойном хозяине Дмитрие Тимофеевиче, которого любила за широту души и щедрость. Те же дела у тёти Веры были и теперь, но с Ларисой. Они встречались на кварти-

ре, пили на кухне чай с тортом, вспоминали старого хозяина и, вообще, две пожилые женщины находили темы для долгих вечерних разговоров.

Любила тётя Вера встречать и молодых хозяев. Отчитывалась перед ними по полной, хотя её отчётность уже была принята Ларисой. Просто молодым льстило, что их встречают и докладывают о порядке в квартире, о новом повышении цен на коммунальные, о новостях в подъезде – кто умер, кто женился, кто родился.

На квартире, за чаем, пообщались с тётей Верой, привели себя в порядок с дороги и к назначенному времени отправились к Тамаре в «Фишку».

Гости уже собирались группками у ресторана, сидели в холле.

В большом зале накрывались длинные столы. На сцене музыканты пробовали свои инструменты. По залу расхаживал высокий господин привлекательной внешности и раздавал официанткам распоряжения по поводу стола. В глубине зала Тамара о чём-то горячо разговаривала с певицей Норой, девушкой не молоденькой, но всё ещё интересной жгучей брюнеткой.

Увидев новых гостей, Тамара, в блестящем серебряном платье русалки, с высокой короной золотых волос, потрясающе красивая поспешила навстречу брату и его супруге. Обнялись, расцеловались с искренней теплотой родственников.

– Тимурчик, подойди на минутку! – окликнула Тамара уважаемого господина.

Тот не замедлил подойти, с достоинством неся своё статное, упитанное тело.

– Знакомься, мой брат Павлик и его супруга Лидия, – представила Тамара родственников господину. – А это мой муж Тимур – настоящий полковник!

Тимур слегка поклонился гостям:

– Очень рад! – пожал руки мужчин, а также поцеловал ручку Лидии.

Тимур тут же отошёл по своим делам, а Тамара повела гостей в свой кабинет.

– Муж, также мой метрдотель, прекрасно общается с гостями и пользуется авторитетом у персонала, – на ходу сообщила Тамара. – Тимур действительно полковник в отставке. Его отец долго служил в подчинении генерала Тимура Гайдара – отсюда и имя...

– Ну, да, – сказал Павлик, – если бы его отец служил в подчинении Егора Гайдара, то у тебя был бы муж Егор.

Тамара лишь посмеялась на реплику брата.

Наконец к ресторану подъехал кортеж из трёх машин, из которых вышли жених и невеста, их друзья и подруги.

Регина была ослепительна своей зрелой телесной красотой и в свадебном наряде невесты – в длинном платье со шлейфом и воздушной фате.

Нора на свадебном торжестве была в ударе, быть может, вспомнив что-то своё в бурной жизни, где не всё сбылось и удалось. Она на бис исполняла:

Белой акации грозди душистые
Вновь аромата полны.

Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны...

Откликалась Нора и на разнообразные, не совсем скромные заказы гостей:

Раз на пляже водолаз
Утопающую спас,
А когда на ней женился,
Сам пошёл и утопился!

Шумной, весёлой свадьбой все гости остались премного довольны. Когда Павлик уже собирался уходить, шепнул Тамаре на ухо:

– Там Павел Тимофеевич велел спросить – когда позовёшь на свадьбу?

– Тимур у меня на испытательном сроке, – смеясь, ответила сестра. – Боюсь понести напрасные расходы. Сам знаешь, у меня было много женихов, но не все выдержали мои условия. Так и передай дяде, как только, так сразу...

На том и расстались.

За последние лет десять Василий Смолин сильно изменился – остепенился и даже набрался некоторой солидности в теле. Езду на велосипеде не оставлял, но купил подержанную «Приору» и не без превосходства над пешими гражданами восседал за рулём.

– И кто бы мог подумать? – удивлялись пожилые курановские женщины. – Был – пьяница Васька Путо, а стал – Василь Степаныч.

– У Пал Тимофеича не забалуешь, – он и сотворил нового Ваську, – приходили к общему мнению. – Сваты, у них, чай, общий внук Ванечка, хороший паренёк, уважительный к старикам.

– Да ну! – удивлялись те, кто помоложе. – Ванюшка – внук деду Василию?

– Кровный внучок, а ты и не знала?..

Иван, появляясь на хуторе, всегда забегал к деду Васе на овчарню.

Он помнил своего первого учителя по верховой езде, потом наставника по охоте. Теперь у чабанов была для повседневных нужд пара лошадей. Но разве их сравнить с Орликом, недавно околевшим прямо на пастбище от старости.

У Василия Степаныча с недавних пор случилось прибавление в штате. Он женился на вдовой пятидесятилетней Катерине Ревякиной, младшей сестре бывшего председателя колхоза. Катерина – бабочка неужённая, хозяйственная и хлопотливая, пришлась на чабарне ко двору и сразу была хозяином хутора зачислена в штат.

Иногда Павел Тимофеевич приглашал свата Василия и кума Алексея Свирина в свой офис «на рандеву». Как-никак вместе учились, росли, в одном колхозе трудились, конечно, вместе и старились. Хозяин доставал из холодильника вино, фирменный самогон, который собственноручно гнал на заводском самогонном аппарате «Веселушка». Глазам своим не поверил, когда

прочитал в газете объявление, мол, продаётся самогонный аппарат «Веселушка» со всеми рекомендациями в изготовлении весёлого напитка, подобного спирту, с выходом литр в час. Случись такое объявление при бывшей власти – то-то переполоху было бы!..

– Лар, ты глянь – самогонные аппараты без всякого ограничения! – позвал Павел жену из другой комнаты. – Обязательно выпишу, а то с этим самодельным много мороки...

И аппарат «Веселушка» Павел тогда приобрёл.

До самогона он был не очень охоч, разве что зимой, с холоду. Он предпочитал потягивать вино. А Василий и Алексей любили пробовать то и другое.

Прошлое тесно связывало мужиков и не отпускало.

– Вот скажи, Василий, когда тебе лучше жилось: при колхозе и советской власти или теперь, при долбанном русском катаклизме? – допытывался Алёшка у чабана.

– Эт, смотря в какие времена, – наморщив лоб, отвечал Василий. – Вспомни сам колхоз пятидесятых, уже после войны. Вспомни, как наши матери пластались на фермах, да по бригадам и в грязь, и в сушь, и в жару, и в холод. А дома детвора, да не как ныне по одному, а по три-четыре рта набиралось... А отцы – калеки пришли с войны, – тот – без руки, тот – без ноги, а третий контуженый, только и способны были детей делать...

– Ну, а после-то, когда полегче стало? – допытывался Алёшка.

– А то сам не знаешь? После полегче, – соглашался Василий. – Однако же, платили мало, да и пенсии у стариков были с гулькин нос. Оттого воровали много. Возьми меня, да чтоб я домой с кошары поехал на выходной порожняком – ни в жисть! Меня Шарик в ворота не пропустит. Мешок с зерном, силосу полбрички – обязательно. Дома корова, птица, чушки, ими жили, и мотоциклы, а то и машины покупали. А вы, механизаторы, не тащили из колхоза?

– Тащили, куда денешься... И всё же, когда лучше, тогда было или теперь? – настаивал Свирин.

– Бог его знает, – вздыхал Василий. – Нынче денег побольше, и на работе никто не убивается. Молодёжи нет работы, а многие и вовсе не хотят работать, а жить в роскошестве, то кредитов наберут – родителям до самой смерти не расплатиться, то в тюрьму вляпаются, опять же от желания легко, беззаботно жить...

– Прежде пионерия, комсомол влияли на воспитание, по себе знаю, – припомнил из прошлого Павел. – Вспомни, Алёшка! Не с тобой ли скирд кормовой соломы сожгли, когда в поле трактора факелами разогревали в лютую зиму. Нас потом на комсомольском собрании песочили за халатность... Стыдобы было – провалиться сквозь землю хотелось.

– Как не помнить, – усмехнулся Алексей. – Было дело – это перед самым призывом в армию...

Я так понимаю, что и защита была от советской власти, а сейчас случись чего – один как перст...

– Вот Брежнева ругают – такой-сякой, мол, застоялся на одном месте, а мне нравилось то время, – с потеплевшими глазами сказал Василий. – Он целовался со всеми, будь то доярка, министр, президент чёрный или белый – всех целовал! И жили в достатке. Наш земляк всю обедню испортил – намутил, набаламутил и был таков.

– А по мне, так и нынешние времена неплохи, – подводил черту Павел. – Думать своей макитрой заставляют, а не ждать благодатной подачи...

– Мильёнами ворочаешь, почти все земли бывшего колхоза к рукам прибрал, потому тебе и неплохи нынешние времена, – сказал неосторожно Василий.

– Эх, Васька, – Павел с умыслом сказал: Васька, чтобы напомнить свату события многолетней давности, когда Смолина без всякого уважения звали – Васька Путо, – тебе ли не знать через что я пришёл ко всему этому, – укоризненно посмотрел Павел на Смолина. – Кто вам обоим тогда мешал уйти из колхоза и пойти своей дорогой?

– Извини, сват, сболтнул не подумавши, – повинился Василий, – но у меня станова жила послабже твоей. Я бы не смог...

– Как, Василий, с молодой женой живётся? – попытался перевести разговор Алексей. – Не обижает она тебя по ночам?

– Иди ты к чёрту, Алёшка! – начинал ерепниться Василий. – Тебя старая скорее обидит, чем меня молодая...

Выпивали на посошок и расходились до следующего раза.

12

Иван учился на втором курсе аграрного университета. Пошёл по следам тётки Марины, пожелал стать агрономом. Годом позже поступил и Бориска, но в другой университет, бывший Ставропольский политех. Он выбрал себе факультет по душе – бизнес-информатику. Без компьютера и интернета он уже дня не мог прожить.

Жили братья в родительской просторной квартире на Тухачевского, под патронажем соседки тёти Веры. Она варила им борщи, убирала квартиру, а то и постели, впопыхах не прибранные утром. Однажды, в комнате Бориски, нашла у ножки дивана чей-то кружевной бюстгальтер. Не стала скрывать своей осведомлённости и повесила вещь на спинку дивана. Тёте Вере припомнилась незнакомая девица, шмыгнувшая мимо неё в подъезд. Таковской среди жильцов в их подъезде не было. Приехавшей на следующий день Ларисе Фёдоровне про находку и про девицу ничего не сказала. Потом столкнулась на лестничной площадке с Бориской и той самой девицей. «Дело молодое, – подумала про себя тётя Вера. – Нынешняя молодёжь на потом ничего не любит откладывать...». А вскоре тётя Вера заметила Бориску с другой девушкой, потом с третьей...

«Так вот кто гулёна, – решила тётя Вера. – Красавчик Бориска, да девки сами виноваты...» Нет, Иван не такой. И к нему приезжала девица-красавица откуда-то с Кубани, но Лариса Фёдоровна сказала, что Олеся – их будущая невестка.

Иван закрывал глаза на похождения брата, лишь однажды сказал Бориске, чтоб его пассии не забывали за собой смывать в унитазе.

Бориска действительно был красавчик, если судить по фотографиям, то он чем-то напоминал поэта Есенина – тёмно-русые кудри, серые, почти синие глаза и нежный овал лица, и на красавицу мать он был точно похож. Ей, Лиде, однажды и проговорила тётя Вера на расспросы о сыновьях.

– Ваня сурьёзный – к нему всё больше парни заходят. А Бориска с девчонками возжается. Он же красавчик – они к нему и липнут, сегодня с одной, завтра с другой...

– Что, прям так и меняет как перчатки? – удивлённо спросила Лида.

– Меняет – подтвердила простодушно тётя Вера. – Так они ж сами к нему липнут. Прям в подъезде на шею Бориске вешаются, до квартиры не дотерпят...

Лида сделала ревизию в комнате сына, прощ – шмон. Нашла в прикроватной тумбочке злополучный кружевной лифчик и коробочку с презервативами. «Хорошо хоть предохраняется..» – подумала невольно и тут же решила откровенно поговорить с сыном. А вскоре одумалась – о чем говорить? Бориска – парень взрослый, красивый, с деньгами в кармане, не живёт

от стипендии до стипендии, девчонки и вешаются. Но про Ивана же не говорит тётя Вера, а он по всем статьям не уступает Бориске, даже в чём-то, сугубо мужском, превосходит его.

В тот раз Лиды хватило лишь на реплику:

– Ты тут, сынок, не слишком загуливайся с девочками. Учиться только начал, до окончания ещё ого-го...

– Какие девочки, мам?! – нарочито удивился Бориска. – Иногда однокурсницы заходят послушать гитару...

Однажды поздним вечером Иван сидел за компьютером. Неожиданно под самым окном с улицы донёлся крик, затем возня и пронзительный женский визг. Иван в одно мгновение сорвался со стула.

У самого подъезда, под фонарём, двое, по виду кавказцы, нападали на Бориску, но тот пока стоял на ногах. А рядом с дерущимися, на краю тротуара, стояла девушка в брючной паре и, прижав ладони к щекам, непрерывно визжала, будто ожидая, когда её кто-нибудь из нападавших вырубит, словно сирену.

Одного, ухватив за воротник куртки, Иван развернул лицом к себе и жёстким ударом в переносицу свалил под ноги. Второй отскочил, но почти тут же бросился на Ивана, получив встречный, не менее жёсткий удар в лицо, успел коротко махнуть правой рукой. Бориска, видя поддержку брата, поддал ногой в пах устоявшему на ногах второму нападавшему. А Иван почувствовал что-то неладное со своей правой рукой. Рукав рубашки намок от крови.

Оба парня, матерясь и угрожая потом поговорить, скрылись за углом дома.

Девчонка прекратила визжать и осторожно приблизилась к братьям.

– У вас рукав в крови, – пробормотала она, дотрагиваясь до руки Ивана. И к Бориске:

– Боб, я не виновата – они пристают и пристают...

– Пойдём домой, – Иван направился к подъезду. – Там разберёмся...

Окна тёти Вериной квартиры выходили на другую сторону, она не сразу услышала визг девчонки и, накинув платок на плечи, вышла из квартиры, и тут, на площадке, столкнулась с Иваном. Его окровавленный рукав рубашки она увидела сразу.

– Ваня, что с тобой? – забеспокоилась женщина. – А ну, пойдём ко мне...

Рана на правом предплечье оказалась большая, но неглубокая.

– Надо вызвать скорую, – нерешительно проговорила девчонка.

– Не надо никакой скорой, – поморщился Иван.

Тётя Вера умело обработала рану и туго перебинтовала повреждённую руку.

– А врачу, Ваня, всё же надо показаться, – посоветовала женщина.

– Завтра в университете схожу на перевязку, – сказал Иван.

– И всё из-за вас, девушка, – строго глянула тётя Вера на девицу.

– Да они уже не первый раз пристают, – жалобно заблеяла Борискина подружка. – Я им повод не давала, а они пристают и пристаю... А тут на Боба напали, сволочи!..

– Вик, будет тебе, уже проехали, – сказал Бориска.

– Ладно, пошли домой, – поблагодарив тётю Веру, распорядился Иван. – Говорила вам мама в детстве – не шляйтесь по ночам, не шляйтесь...

– Больно они сейчас мамов слушаются, – ворчливо отозвалась тётя Вера. – Вот и твоя мама, милая, небось, думает – где дочурка в такой поздний час?

– Я звонила домой...

Иван только сейчас внимательно посмотрел на Вику. Это была красивая рыжеволосая, голубоглазая девушка с ладным, стройным телом, в красном брючном костюме.

– Теперь понятно, почему вас преследовали до самого подъезда, – проговорил он, направляясь к выходу.

Потом они втроём ужинали на кухне. Бориска предложил выпить вина. Иван отказался и ушёл в свою комнату, чтобы не мешать брату уединению с Викой. Укладываясь спать, Иван слышал из соседней комнаты брата музыку и смех обоих. Бориска мог вызвать такси и отправить Вику домой, но, наверное, не собирался этого делать.

Иван вставал ровно в семь, и когда он на кухне ставил чайник, слышал, как в квартире хлопнула входная дверь.

Тётя Вера столкнулась на площадке с Викторой, выходившей из квартиры Недорубовых.

– Ох, девонька, не завидую я твоей матери, – покачала головой пожилая женщина.

– У меня нет матери, – с обезоруживающей улыбкой сказала девушка. – Я живу с тёткой...

– И тётке не позавидуешь, – не сдавалась тётя Вера.

– А тётка старше меня всего на год! – огорчила Вика женщину. – И она рада, что меня не было – у неё гости! – и Вика со смехом выскочила из подъезда.

13

Павлик не ожидал от Лиды, московской интеллигентки, такого энтузиазма, взрыва энергии в сельской местности. Вконец пришедшая в упадок курановская сельская больница принялась возрождаться небывалыми темпами. Началось с небольшого флигеля на территории больницы, бывшей больничной прачечной. Там прочно обосновался завхоз Василь Васильич Хохриков, он же водитель единственного транспортного средства больницы дряхлого «УАЗика». Водительская ставка плюсовалась к завхозовской и, может, плюсовалось ещё кое-что, но жил Василь Васильич припеваючи, чувствуя себя полноправным хозяином курановской больницы, не считая пожилого фельдшера Семёна Семёновича Мамыкина, сильно пристрастного к хмельному.

С утра, как бывало в иные времена, медперсонал шёл на планёрку к главврачу, так и нынче, по давно установленному порядку, с известной болью, шли местные мадригалы во флигелёк к

Василь Васильичу. У него всегда находилась стопочка на больную голову. «Ноне задарма только сыр в мышеловке!» – любил повторять Василь Васильич своим паломникам. Дело в том, что Хохриков вечно строился и перестраивался, то расширял собственный дом, то достраивал сыну, то начинал новостройку дочери. Сметал одну теплицу под плёнкой, ставил другую под стеклом. Имел огромный огород и с него не меньший доход на светлопольском рынке, то же самое с большущим фруктовым садом. И кругом у Василь Васильича трудились местные маргиналы – по два, три часа, но трудились.

В то злополучное утро на планёрку к Василь Васильичу направилась новоиспеченная главврач курановской сельской больницы. Кто-то из завсегдатаев выглянул в окошко флигелька:

– Гля, к нам антиллитгентная мадама похмеляться топаает!

Лида вошла в комнату, в которой, за двумя сдвинутыми столами, дымя цыгарами, расселись подданные Василь Васильича. Она потянула носом и едва не закашлялась.

– Я главврач больницы Лидия Николаевна Недорубова, – представилась она. – Кто Василь Васильич Хохриков?

Ничто бы так не поразило курановскую братву, как фамилия: Недо-ору-убова! Кто в селе не знал Недорубовых?! Потому Хохриков и залебезил со сладенькой улыбочкой:

– Я и есть Хохриков Василь Васильевич, – привстал на своей табуретке завхоз.

– Что в этом помещении было прежде? – подавляя отвращение и тошноту от спёртого воздуха, пропитанного дурными запахами, спросила Лида.

– Прачешная, как видите, – кивнул завхоз на два вместительных чана у стены.

– Нет, не вижу, – ответила Лида. – Вижу шайку вконец опустившихся алкашей. А прачечную мне покажите ближе к обеду и в надлежащем виде, – с теми словами и вышла Недорубова, и пошла дальше знакомиться с больничным хозяйством уже в сопровождении фельдшера Семёна Семёновича, высокого сухопарого старика с вислыми, прокуренными усами, тоже не чуждого утренних планёрок у Василь Васильича. Ещё две медсестры, две санитарки и акушерка – весь наличный штат курановской больнички.

За короткий срок больница преобразилась. Из Ставрополя же Лида пригласила знакомую молодую врача-педиатра, мать-одиночку. И та, следуя совету Лиды, также заключила с руководством контракт на пять лет. Кроме того, Лида договорилась на полставки с дипломированным зубным врачом из райцентра на работу с населением в Кураново – два дня в неделю. Проблем оставалось ещё много, но главная из них – транспорт. Тот дряхлый «уазик», который Василь Васильич нещадно эксплуатировал, никак нельзя было назвать скорой помощью и даже напротив.

О нуждах невестки прослышал Павел Тимофеевич и однажды утром оказался во дворе больницы. Василь Васильич уже провёл свою обыч-

ную планёрку, но уже не в больничном флигеле, а на одной из своих строек в вагончике-бытовке.

– Ну, жалуйся, – обратился Павел Тимофеевич к завхозу, – чего тебе не хватает, чтоб наших курановских стариков лечить?

– Первым делом, Павел Тимофеевич, наша техника пришла в негодность, – не заставил себя ждать плутоватый завхоз. – Понимаешь, ни одну из старух не удастся довезти до больнички, так и мрут от различных промедлений «скорой помощи»...

– Прямо так и мрут? – засомневался Павел Тимофеевич.

– Мрут, вот те истинный крест, – побожился Василь Васильич. – Потом кое-как доставишь пациента до места, а его положить разве что на пол. Кровать запросто может разложиться под больным, усугубив его плачевное состояние. Не кровати, а инструментарий для пыток. А взгляни, Павел Тимофеевич, на наше главное помещение...

Василь Васильич готов был продолжить перечень больничных нужд, но Павел Тимофеевич его остановил:

– Давай я ещё врача вашего попытаю, а то от тебя одного впору прочь бежать. Вы вроде вовсе ничьи и на произвол брошенные...

Недорубов пересёк обширный двор больницы и поднялся на низкое крылечко главного здания – одноэтажного, приземистого и длинного помещения.

Постучал в дверь с табличкой: «Главврач Недорубова Лидия Николаевна». Табличку на

дверь соорудил завхоз на второй же день пребывания Лиды в больнице.

– Ну, здравствуй, дочка! – поздоровался Недорубов с невесткой, сидевшей за своим столом в белом халате и шапочке. – Хотел посмотреть на ваше хозяйство, да уже кое-что услышал от вашего завхоза... Говорит, старухи мрут по дороге. Не успеваете довезти до больницы на «скорой помощи»?

– Здравствуйте, Павел Тимофеевич! – живо поднялась Лида навстречу гостю. – Вот болтун, Василь Васильевич, всего-то был один случай, когда «скорая» сломалась на дороге и сердечница скончалась. Жаловаться Василь Васильич горазд... А, вообще-то, проблем выше крыши, даже не верится, что была когда-то вполне приличная сельская больница...

– Была, была, дочка, – подтвердил Павел Тимофеевич. – И к нам даже из соседних сёл привозили и ходячих, и лежащих, и врачи были...

– Хотелось бы верить, – проговорила Лида.

А ещё через час Павел Тимофеевич в Недорубах разговаривал с женой и сыном Павликом.

– Надо помочь нашей больничке, – глядя на Ларису, сказал Павел Тимофеевич. – Сплошная нищета и это у нас под носом...

– Надо помочь, Паша, – подтвердила Лариса. – Если не мы, то кто же?

– Бери жену и вперёд, – это уже к Павлику. – Хоть в райцентре, хоть в крае, но добудь «неотложку» и пяток современных коек...

– Будет сделано, батя, – с готовностью отозвался Павлик. – То-то Лида обрадуется...

– А больше, наверное, обрадуются курановские старики.

Уже вечером Павлик докладывал отцу:

– Новая «Газель» – «скорая помощь» – стоит во дворе больницы и пять универсальных кроватей с пультами управления – сам бы лежал не вставал с такой кровати...

– Типун тебе на язык, сынок, – суеверно проговорила Лариса. – Зарекаться не надо, но и напрашиваться – грех.

– Да, Павлик, подыщи на «скорую помощь» водителя из местных, желательно молодого, – наказал Павел Тимофеевич сыну, – а то этот жук Хохриков скоро и на «Газели» начнёт кирпичи возить...

– На новую машину мигом найду, – заверил Павлик отца. – Не сомневайся, бать.

И вскоре на новенькой «скорой помощи» разъезжал по селу самый младший из Жеребцовых – Гришаня, недавно вернувшийся со службы в армии.

(Продолжение следует)

Братство кавказских литератур

ПРОЗРЕНИЕ

«Это разве чудеса?! Чудеса – впереди!» – с таким чистейшим, ничем не замутненным восторгом я бы размышлял, если б к размышлению был способен именно тогда, когда в моей, едва начавшейся жизни, происходили самые что ни на есть настоящие чудеса...

Да, я впервые посмотрел на мир широко открытыми глазами, когда мама вынесла меня в люльку в наш большой двор, дабы я «подышал свежим воздухом». И первое, что я увидел среди высокого и просторного неба, был облик моей молодой мамы с солнцем на ее правом плече, должно быть, в виде кувшина, сияющего металлическим блеском, и



Эльбрус
СКОДТАЕВ

Проза



даже, может быть, с узким длинным горлышком для ключевой воды. А еще – редкие белые тучи под кисеей легких перистых облаков.

Разве это не чудо?

Это – чудо!

Я как бы шёл и смотрел, однако ничего не осознавая. Но, естественно, удивлялся. Маленькая моя душа не могла оставаться невозмутимой и резвилась, словно козленок, в надежде высвободиться из пеленок и люльки. В таком положении, возможно, я себя и спрашивал, заметив что-то новое: «А что это? А-а-а, какое красивое! А вон то? Какой ужасный! А какой большой! А этот – меньше моей пяди. Какой хорошенький!»

Все такое хорошее, пока маленькое...

Мама, наверное, встревожилась за меня в те минуты:

– Сокровище мое, как ты испуганно смотришь!.. У тебя что-то болит? Дай лоб, может, у тебя температура... – от прикосновения ее мягких губ мое маленькое тельце обьяло неведомое чувство. Но я тогда не мог ощутить тревогу мамы. Как она могла понимать, что такая маленькая душа может испытывать какие-то подобия эмоций, а сознание крохотного человечка – порождать только подобия мысли?..

«Смотри! Чудище надвигается! – рисовало мое воображение страшную картину. – Ой, оно съест меня. Боюсь острых клыков, не пускайте его ко мне!.. Фу, – легко успокаивался я. – А вон то – совсем не страшное. Я поколочу его своими пухленькими ручками. Или пока не сумею с ним

справиться? Ну, ничего – позже взрослые меня всему научат!»

Бить – это плохо...

– Что с тобой, мальчик мой, чем ты встревожен? – беспокоилась мама.

«Не волнуйся за меня, – хотелось сказать ей. – Лучше дай вздохнуть, а то задушишь в своих объятиях. Лучше освободи от пеленок», – пытался я сказать, но не мог.

Как мама могла понять причину моей тревоги, какими сокровенными уголками души, одному Всевышнему ведомо. Но она распеленала меня, и свежий игривый ветерок осушил влажное от пота тельце, приятно его щекоча.

– А вон то как ярко светит!..

...Так я вбирал в себя разнообразие мира. Как все это вмещалось в мое сознание! Какие безграничные огромные миры поселялись в душе, завоевывали сердце и обогащали ум! И как ненасытны глаза до собирания чудес мира! И до чего бездонно сознание человека, подобно самому мирозданию!

Что есть человек? Его сущность, смысл? Для чего родился на земле? В чем его предназначение?

...Мне только что исполнилось семнадцать. Я ещё не такой взрослый, и уже и не ребенок: старший – для младших и младший – для старших. Медленно ходить не умею. В ногах – прыть, в голове – ветер. Голова и ноги несут меня вперед, едва поспевая друг за другом. Пока ещё не так много знаю, и уже нельзя сказать, что непонятлив: умнее глупцов, но глупее умных. Позже в жизни будет

возникать много вопросов, на которые я не смогу найти ответы. Чем внимательнее разглядываешь дерево, тем больше ветвей на нем видишь. Когда я был совсем маленьким, я видел только его ствол и плоды. Речь о яблоне в нашем дворе. Я злился, когда не мог вскарабкаться по стволу, чтобы сорвать яблоки. Ждал порыва ветра, чтобы плоды падали сами. Ни до чего другого не додумывался.

Но я понимал, что некоторые яблоки изъедены червями. Самые крупные плоды – самые мягкие и сладкие... А почему черви поедали яблоки, не понимал. «Как будто они люди», – думал я о вредителях! Я злился на червей, жучков, птиц, клевавших фрукты: «Вот гады! Как они портят яблоки!» Я не понимал, что и они – эти живые существа – как и люди, испытывают чувство голода.

– Да пусть все черви и жуки в мире будут истреблены! – направлял я все самые недобрые свои чувства и мысли против насекомых, собирая в подол рубашки яблоки, упавшие с дерева после ветра и дождя. Однако что-то изнутри мне говорило: «Ладно, их тоже жаль. Им, наверное, тоже жить хочется. Нужно оставлять на земле их долю!» – и я оставлял под деревом несколько порченных плодов.

Не думаю, что внутри человека с рождения заложены скверна, жестокость, отсутствие сострадания. Не верю в это!

...Зима прошла, наступил март. Я не могу жить без мыслей об огороде, часто хожу туда. У нас там маленький сад с недавно посаженными деревцами. Вишня, слива, алыча, груша и одна большая

старая яблоня. Осенью под тяжестью обильного урожая у неё треснул ствол. Я кое-как перевязал его, установил подпорки. Две половины ствола разошлись в стороны, оперлись ветвями о землю. Это тоже стволу помогает, чтобы не расколоться окончательно. И даже в таком состоянии дерева в прошлом году мы навали с него еще семь мешков яблок. Вопреки всему, оно все же довело до зрелости свои плоды... И тут я вспомнил рассказы о Ленинградской блокаде. В городе – множество людей, как яблок... Единственная связующая нить с остальной страной – дорога... «Дорога жизни»...

Из трещины ствола вниз, к основанию, струятся соки, так же, как окруженный, блокадный город истекал кровавыми слезами...

Мне исполнилось пятьдесят. «Вот это чудеса!» – думаю я, а ведь это и есть настоящие чудеса. Но сколько чудес-то ещё и впереди!» Не ведаю, будет ли там что-то?! Не знаю, не знаю. Уже не верю. Стою, умиротворенный, в своем. Созерцаю дерево. Пока был маленьким, не видел его листьев. Наверно, не замечал их, потому что они несъедобны. А о корнях и не подозревал! Я и сейчас их всё еще не вижу. Но начал их чувствовать. Они мне представляются необычайно мощными. Чтобы так проникнуть в каменистую почву! Спокойно, не издав ни звука, питаться соком земли, словно молоком матери! Не сосать, а насыщаться!

Смотрю на яблоню. Душа её начала пробуждаться, сердцевина – оживать, чувствую ее душой. Скоро дерево выбросит почки, окутается цветением, затрепещет листвой. Затем, чуть

позже, на ветвях яблони появятся разные плоды – большие и маленькие, красные и зеленые, сладкие и кислые... Всем в досталь будет её даров. Самая весомая часть обильного урожая попадёт на стол нашей семьи. Не обделены будут и гости. Что-то останется и всяким живым существам – насекомым, птицам, грызунам. Посадили её – эту щедрую на урожай яблоню – мои родители, но самим отведать плодов не довелось. Пока деревце росло, умерла мама. А отец от горя яблок никогда не попробовал, хотя через несколько лет дерево стало плодоносить. Когда взгляд отца падал на эту яблоню, глаза его наполнялись влагой. Он вспоминал, как они с матерью сажали деревце. Его дорогая спутница жизни бережно держала молодую яблоньку, а сам он аккуратно присыпал землей – слой за слоем – тонкие корешки. Время от времени осторожно, в половину веса, чтобы не причинить боль деревцу, приминал почву ногами.

Слова мамы я помню лучше, чем события вчерашнего дня:

– Когда, интересно, это дерево начнет плодоносить? Эх, увидеть бы ещё эти яблоки...

После осеннего ночного ветра зрелые плоды осыплются на землю и раскатятся под кроной. Из их семян через несколько лет вырастут новые деревца...

Вечер настиг меня в огороде, начало смеркаться. Всё, что мне виделось днём, было пленено и поглощено безлунной ночью. Попад под покров глубокой темени, я вмиг обессилел. Ночь слов-

но проглатывала меня или бросала в пропасть. «Мне нужна помощь, больше нет сил», – кричит внутренний голос.

Неожиданно в саду появились образы бабушки и дедушки, они под деревом оживленно о чем-то говорят.

– Вас ведь уже нет в живых, откуда вы появились? – спросил я недоуменно, скованный страхом.

Они не обратили на меня внимания.

– На каком языке вы говорите? Я не понимаю вас... Или в ином мире – свой, иной, язык? Язык потустороннего мира?.. Тогда оставьте его себе. Нам такой язык не нужен... Что вы молчите?! Ведь никто в мире не любил меня больше, чем вы...

– Не тревожься, мой мальчик, – на чистом дигорском языке ответила тень моего, словно живого, деда. – Я понимаю, почему ты здесь, у яблони, стоишь. Тебе нужна была помощь, ты меня позвал. Поэтому я пришел оттуда, откуда невозможно уйти, из той вечной темницы.

– Но ведь я не проронил ни звука. Как ты узнал, о чём я подумал про себя, если ты действительно мой дедушка, а не нечто другое?

– Мне было достаточно и того, что ты только подумал. Мысль тоже материальна. То, о чем думаешь, очень часто случается в жизни. Теперь слушай внимательно: я отвечу на вопросы, которые тебя волнуют...

Я оцепенел. И не то, что бежать прочь, я был не в состоянии произнести и слова. Ноги подкашивались, стоило больших усилий удержать тело

от падения. Я испуганно и прерывисто дышал, словно гонимый волком ягнёнок.

– Слушай, мальчик мой, наберись терпения, не волнуйся. Мы родились, прожили, отдали свои силы детям, подобно тому, как яблоня отдает плоды, чтобы ими питались люди и животные. На этом наш долг земной жизни исполнен. Где мы сейчас и как мы, это тебя не должно тревожить. Наш сын, твой отец – наше продолжение. Не оставили мы дом пустым. Это главное! А сегодня он отдаёт тебе свою силу, мы нисколько не в обиде на него.

– Но вас уже нет в живых. Возвращайтесь в свой мир! Что вам здесь делать?! Дайте спокойно жить живым. Я сойду с ума!..

– Ничего с тобой не стрясется, свет очей бабушки. Мы оберегаем тебя. Мы многое можем, – потусторонне прозвучали слова, почти зримо исходящие от зыбко колеблющегося образа бабушки.

– Я боюсь вас. Не смотри на меня! Откуда ты знаешь, что меня тревожит?

– Мы из иного мира всё видим, – это был подернутый маревом образ деда. – А вот из мира земного невозможно узреть, что происходит там, за гранью. И стремиться к этому не нужно. Сначала возникает мысль, затем – любовь, рождение, жизнь, смерть. Как видишь, смерть – состояние, идущее за жизнью. Поэтому оно намного сильнее, крепче. Мы стоим стражами у грани иного мира, и, как бы то ни было, своих пока не подпускаем к царству мертвых: оберегаем от напастей, прогоняем их болезни, заботимся об их бла-

ге. А ты, хоть и зрелый мужчина, жить толком ещё не начал. Но в голове у тебя уже возникают странные, тяжелые мысли. Вкус к жизни в пожилом возрасте всеми ощущается лучше: один день человека в годах соразмерен ста дням юноши, – такие слова исходили от образа моего деда.

– Душа есть душа, у неё нет возраста, – попытался я возразить.

– Э-э-э, солнце мое, жить только одной душой – не жизнь. Эх, если бы хоть раз я вошел в свое тело, чтобы и боль чувствовать, и к любимому человеку прикоснуться, к своему дитя, к дитю своего дитя, а потом к мягкой листве посаженного тобой матерью старого дерева, под которым мы сейчас стоим. Когда мы были молодой семьей, часто после вечерних забот выходили сюда... Боль! Мое несчастье в том, что я не чувствую боли. Вот ты видишь меня, хоть копьем протыкай, хоть огнем жги, – буду стоять, как есть...

Я потерял дар речи, но в мыслях продолжал разговаривать с дедом и бабушкой. Обычный земной человек, если бы даже стоял рядом, ничего не услышал. В тот момент мой разум был скован железным панцирем. Слова, пытавшиеся вырваться наружу, так и остались невысказанными. И все же, как их слышали дедушка и бабушка! У меня возникала мысль, а они давали ответ. У меня снова возникала мысль, они тут же продолжали разговор...

Что за тайны сокрыты между двумя мирами? Что за суровые стражи там бдят, не дают живому человеку возможности проникнуть за сакральную

черту, увидеть, познать, а затем вернуться обратно? Почему же оттуда нам слышны звуки, если там ничего нет?! Как люди, покинувшие жизнь, читают наши мысли, что за неведомую силу – силу тонких миров даровал им Всевышний?! Забыть бы скорее то, что я испытал сегодня вечером. Такое таинство должно оставаться недоступным сознанию живого человека, иначе его сочтут за душевнобольного. Этот, мол, с умершими разговаривает. На вид, вроде, здоров как бык.

Стою, словно потерявший рассудок. Уже не обращаюсь к зыбкому образу деда с многочисленными вопросами, которые роятся в голове, но здесь привожу только его ответы:

– Мальчик, сердце мое, хотя самое главное в жизни – оставить след, воспитать потомство, всё же есть ещё много других предназначений. У тебя особое призвание. Тебе предначертано оставить после себя два следа, подобно созревшему яблоку. От падения оно оставляет круглую вмятину на почве, а потом его вкушают люди и другие живые существа. У тебя тоже «две макушки» на голове, но это не значит, что ты дважды женишься. Тебе предназначено оставить два иных следа: твои дети и – твои творения. У тебя многотрудная роль, но избежать этого невозможно. То, что написано на роду, не оставит тебя в покое, не выпустит из железных пут. Живи! Просто полноценно живи! Никогда не соглашайся с тем, что всё сотворится без тебя. Именуй себя созидающим свой путь и ощущай себя таковым. Чтобы жизнь твоя была интереснее, и ты не сомневался в вер-

ности избранной стезе... Тебе не стоит тратить свои душевные силы на колебания, но никогда не испытывай жалости к себе – это тебя уничтожит. И не держи никогда ни на кого обиды, тем более на близких и любимых. Человеку свойственно обижаться на того, кого любит. Если он не отвечает тебе взаимностью, наверное, не может.

Я снова пришел в себя.

– Бабушка! – попытался было я крикнуть, но мое слово застряло в горле. Возможно, даже затерялось в груди, или сердце лишь родило его в сознании. В мгновение ока там, словно молния, вспыхнуло озарение и тут же угасло, и осталось обездвиженным.

– Дедушка! – силилась закричать от страха во весь голос моя душа.

– Не подходи! Стой на месте! – громко прозвучало предостережение, изошедшее от образа деда. Мое сердце рвалось на части от боли, но он снова обратился ко мне: – Мы не позволяем тебе подойти к нам близко потому, что слишком любим тебя. Да и как ты собираешься обнимать нас? Мы – неосязаемы, мы – вспышка света, ты не сможешь нас коснуться, пройдешь сквозь нас, и потом тебе будет нестерпимо жить с этой сердечной болью. «Б-б-ба... д-д-де...» – эти звуки угасли внутри меня.

– Теперь, спокойной ночи. Иди, отдохни. Мы тебя теперь долго не потревожим. Живи и радуйся от всего сердца. При сотворении мира ничего сладостнее жизни Всевышний пока не придумал...

Небо загрохотало, и я вздрогнул всем существом от внезапного удара чудовищных молний. Я так кричал, что подскочил на втором слоге слова «деда». Первое «де» не услышал, потому что образы двух стариков тогда ещё виделись под сенью яблони. Что за вихрь унёс их очертания, я не знаю. И исчезновение это осталось неуловимым для глаз. Вместе с призраками куда-то пропала свинцовая тяжесть, которая обременяла моё тело. Освободившись от такого чудовищного груза, я, казалось, взлетел до макушки яблони. Или мне чудилось это, или действительно мои ноги, окоченевшие, похожие по упругости на лапки кузнечика, «выстрелили» мое тело, подобно стреле из лука.

Как бы то ни было, я снова обрёл свое место, сквозь тонкие подошвы своих тапочек почувствовал мягкость земли и направился к дому, в свою спальню. Жена ждала меня на ступеньках веранды. Видимо, сон не шёл к ней, пока я не добрался до своей кровати.

Отец лежал с закрытыми глазами, делая вид, что спит. Когда я, проходя мимо на цыпочках, заглянул в приоткрытую дверь его спальни, веки его дрогнули. Он даже не спросил, почему я не сплю – чувствовал тревогу моего сердца. Никто не понимает сына лучше, чем отец.

Я зашел в комнату отдыха, включил свет. Висящие на стене часы упрекнули меня: «Ты совсем на нас не смотришь – который час уже? Почему не отдыхаешь? Тик-так, тик-так...»

Подвинул ручку и лист бумаги на столе, уселся в деревянное кресло со спинкой, готовый набросать какой-нибудь текст. Теперь перед глазами пронеслась покойная мать – вошла в дверь тревожно, прикоснулась к моему лбу своей гладкой, прогоняющей болезни рукой, а теплыми губами – к виску:

– Как ты бледен, мой мальчик, у тебя что-то болит?

Ее рука и губы были удивительно теплые, я никогда в жизни не испытал подобных ощущений. Оттого и понял, что лоб у меня ледяной. От прикосновения этих рук и губ градом выступил холодный пот на лбу, унося с собой тревогу сердца, и я полностью пришел в себя.

– Мой темноволосый мальчик! – сказала мама. – Не причиняй себе боли. Отдохни. Боюсь за тебя.

Я попытался объяснить:

– Не волнуйся, не я первый, не я – последний. Были ещё такие...

– Не нужны они тебе! Воля твоя, но не нужны тебе эти буквы, строчки... Одни страдания от них.

Ничего я больше не сказал ей, не поведал о тех чудесах, которые видел и слышал там, в саду, у яблони, хотя ещё неуловимо их ощущал. Зачем, думал, огорчать её? Кто я и как меня называть, если буду причинять матери сердечную боль?!

Но ведь дед мне сегодня у яблони сказал, что в вечном мире нет места боли. Прости меня, мой покойный дед, – не совсем с тобой согласен. «Нет

боли» – не относится к матери, которая на том свете. Лишь только к ней, к матери, это не относится. Её сердце даже в стране мертвых болит! Иначе, зачем она постоянно – и днём, и ночью – появляется подле меня?!

...Прилёг на кровать в одежде. Мать накрыла меня старым бешметом деда, и я задремал.

– Иди, я уже в порядке, – проговорил я, умирая от тоски, и мама канула в пределы прародителей – в настоящее место своего пребывания. Я мгновенно крепко уснул. Даже ногой не пошевелил до вечера следующего дня. Так долго и так сладко я давно не спал.

Живу сейчас, погруженный в настоящее. Сад наш там же, где и раньше. Только старую яблоню, о которой я говорил вначале, убрали двадцать лет назад. Вместо нее там растёт её дитя. Мама давно никак не даёт о себе знать. Образ ее не приходит ни в мою явь, ни в сон. Может быть, она обиделась за что-то? Или уже не волнуется за меня, зачем, мол, ему теперь моя помощь.

Отец мой, хотя жив ещё, но болеет, бедный, кровать приковала его к себе. Жизнь отца оказалась труднее. Женщина сильнее духом, она легче переносит одиночество, оставшись без спутника жизни. А жизнь одинокого мужчины пресная и безрадостная...

Конец апреля... Сегодня утром мы с товарищем и его племянником пошли в рощу за крапивой.

Большинство деревьев пока не пробудилось, но соки, несущие жизнь, вот-вот двинутся по стволам от корней к оживающим почкам. Скоро все воспрянет. А некоторые, как дикая алыча, даже уже зацвели. Голова кружится от их медового аромата. На южной стороне трава бодро зазеленела, покрывая прошлогоднюю сухую растительность и радуя сердце. Одиочные птицы ликуют, что благополучно добрались до наших мест. Охотники за гнёздами, они прилетели первыми, чтобы занять место других птиц в родном лесу.

Хотя небо на днях прогремело гортанным весенним голосом, крапиву всё-таки рвать можно. Говорят, от первого весеннего грома змеи выползают на поверхность, и тогда уже травы не годятся в пищу. Но природа есть природа, сама себя очищает. Мы принесли с собой соли и «накрутили» крапивы. Как необыкновенно вкусна она! Я уже лет десять «не был в таком деле», – некогда из-за никчемных, но считающихся важными, дел. Словно волны взбаламученной, мутной реки меня отнесли в сторону от таких вот чудесных путешествий. Целых десять лет изъяты из моей души, из моего сердца. Как я стал далек от самых сладостных мгновений, от полета души, от свободного состояния своего сердца! Как мы отдаляемся день за днём от образа жизни наших великих, благих отцов!

Мы наполнили котомки крапивой, и я надумал ещё быстро выстрогать себе палку. Одному Богу ведомо, зачем она мне понадобилась. Срубил маленьким топориком прямой тонкий клен.

Человек себялюбив, и, если ему что-то понадобится, он уже не думает о последствиях: «Жаль дерево, оно тоже хочет жить, а в период роста его вообще трогать нельзя...»

На солнечной стороне, на краю глубокого оврага, поросшего деревьями и кустарником, я уселся на валежник и принялся стругать палку. Первый раз в жизни. Не знаю, что мне взбрело в голову... Случалось ли тебе заниматься подобным? Нет в мире занятия приятнее. Я не понимал этого до сих пор. Ушел в прошлое, к тем временам, когда был ещё маленьким и видел, как стругали палки соседские солидные мужчины, когда собирались для неторопливых бесед. Тогда я думал: «Других забот у них нет?» Не положено было задавать вопросы старшим. И вопрос этот оставался в душе и волновал меня. А теперь, вот диво, палка сама меня нашла. Наверное, она мне понадобится, когда утром буду выходить на берег реки размять конечности или почесать спину и шею. Позвоночник давал о себе знать от груза лет и собственного тела, диски межпозвоночные стерлись местами, кое-где защемило нервы. Значит, и позже понадобится эта остроганная палка – для помощи, опоры. От пожилого человека, случается, и жена, и сыновья, и дочери отворачиваются. В нынешние времена – особенно. Старика никогда не предаст только его палка, пока сама не состарится и не сломается от неумелого обращения.

Какое чудо – палка! Когда я чищу её – очищается моя собственная душа. Я опять научился чему-то новому – стругать палку! Это разве не чудо? Конечно, чудо! Из самых первозданных чудес, что я до сих пор видел.

Иду по линии, которую мне прочертили мои предки между двумя точками – началом и концом – рождением и смертью. Наградили меня судьбой, вовлекли «в слово». Прежде чем увидеть какие-то события, которые еще не произошли, я сталкиваюсь с ними где-нибудь в прошлом. Трудно так жить, но что я могу сделать, – терплю! Я – не знахарь, и уж, тем более, не колдун. Иду, словно река, прокладывая себе русло, но по заранее определенной борозде, ударяясь о камни и щебень. Болею приятной болью. Много чего испытал, много «смолы пожевал». Но ни о чём не жалею, у меня нет права на сожаления: чему быть, того не миновать, как должно было быть, так сложилось.

Вот вам мои чудеса. Мои простые, в то же время, необычные чудеса. Бывает ли что-либо чудеснее?! Впрочем, ещё большие чудеса ждут впереди...

КУЛЬТУРНЫЙ ОТДЫХ

В пятницу, придя домой со службы, Пятиплюев решительно заявил жене:

– Хватит валяться на диване и тухнуть возле телевизора! Мы должны отдыхать, как отдыхают культурные люди, обогащать себя новыми впечатлениями!.. В общем, завтра же мы идем на концерт!

Жена Пятиплюева, стройная голубоглазая блондинка, стоя у плиты и помешивая что-то ароматное в кастрюльке, обернулась, одарив его очаровательной улыбкой.

– Дорогая, я думаю, Шостакович – это то, что нам нужно! Представь, чарующие звуки скрипки под мужественный аккомпанемент рояля. Лилии расцветают в волшебном саду, – расписывал Пятиплюев, уминая домашние куриные котлеты с гарниром из риса с розмарином. – Как раз сегодня я встретил на улице Корзухина. Мы приглашены!

Ночью он мечтательно улыбался во сне. Ему снился Корзухин во фраке, скрипка и белый



**Олег
СОЛДАТОВ**

Проза



рояль. Пятиплюев парил над землей, и прекрасные женщины в прозрачных одеждах осыпали его цветами.

Проснувшись после полудня, Пятиплюев откушал оладушков со сметаной, напился простокваши, добавил тарелочку наваристых, пышущих жаром щей и, обретя полное благодушие, посвятил оставшееся до выхода в свет время разглядыванию облаков.

Жена, сбросив халатик, скрылась в ванной и спустя час появилась в вечернем туалете, пудре и золоте, сверкая, как сверкают все тридцать два зуба у голливудской кинозвезды.

Пятиплюев удовлетворенно крикнул, отметив про себя, что валяться на диване тоже может быть делом весьма привлекательным... Но жена уже накидывала шубку, и Пятиплюев, рассудив, что одно другому не мешает, а даже наоборот, быстро прыгнул в костюм, схватил пальто и поспешил за машиной.

В зале было немногочисленно, поэтому Пятиплюевы расположились в первом ряду, дабы посторонние не вклинились между ними и флюидами прекрасного.

Пианист, разминаясь, наигрывал легкий мотивчик, задирая мохлястые плечи выше головы. Весь он походил на громадного паука, длинные ноги его не умещались под инструментом и торчали коленками в стороны.

Скрипач, маленький чернявый человечек лет сорока, одетый на вырост, выпорхнул из-за кулис, скрипка взвизгнула и концерт начался...

– У тебя лицо голодного грифа, – прошептала жена Пятиплюеву после первого отделения. – И совершенно остекленевший взгляд...

– Да, дорогая, это очень возможно. Во всяком случае теперь я догадываюсь, у кого учились наши дворовые коты... Если я еще раз встречу Корзухина, клянусь, я перейду на противоположную сторону улицы.

Ночью Пятиплюева мучили кошмары. Его преследовал черный рояль. Он кружил над Пятиплюевым и зловеще скрежетал клавишами. Выпив валерьянки, несчастный Пятиплюев проворочался до утра и заснул на рассвете беспокойным сном.

Наутро он встал с мигренью, осунувшийся, но просветленный.

– Дорогая, все ясно! Мы пошли не на тот концерт! Нам нужно современное искусство! – торжественно объявил он, уминая омлет с ветчиной и попивая кофе с ликером. После чего лег на диван и проспал до обеда.

Следующим вечером Пятиплюевы отправились на Кузнецкий.

Современное искусство сулило настоящее зрелище. Зал был полон.

С грохотом, от которого завибрировали стены, стулья и сидящие на них зрители, взвыла фонограмма, откуда-то повалил дым, и на залитую разноцветными огнями сцену выскочила певица в прозрачном трико, галифе и сияющих ботфортах. С криком: «Витька, добавь ревера!» она

пустилась в лихой пляс и запела с душераздирающим хрипом.

Пятиплюев застонал и схватился за голову.

– Бежим, – прошипел он жене, вскакивая с кресла и выбегая из зала.

Ночь прошла в бессоннице и тщетной борьбе с мигренью. Пятиплюев выпил коньяку, и только после этого ему удалось уснуть.

Всю следующую неделю он был мрачен и неразговорчив. Даже куриное филе в панировке, свиная отбивная и фаршированные перчики со сметаной не могли облегчить его страдания. И только после домашнего кролика, начиненного чесноком и обложенного по бокам запеченным в духовке картофелем, Пятиплюев вновь почувствовал себя человеком.

Жизнь пошла своим чередом. Казалось, ничто не напоминало о погубленных выходных. Но в конце недели Пятиплюев изрек глубокомысленно:

– Дорогая, искусство может и подождать. С возрастом слух ослабевает, и мы будем не столь взыскательны. А пока нам необходимо заниматься спортом. Движение – это жизнь! Завтра мы отправляемся кататься на лыжах...

Жена, стоя возле плиты, где на шипящей сковороде томилась фаршированная грецкими орехами и черносливом индейка, которую особенно любил Пятиплюев под клюквенным соусом, одарила его сияющей улыбкой.

Не хлебом единым жив человек...

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Просыпаюсь раз, сухость во рту нестерпимая, а поправиться нечем. Включаю телевизор от безнадежности, а там с утра пораньше историю докладывают. Как одна девица под автомобиль олигарха угодила, и хоть тот упирался и в несознанию шел, а все ж она компенсацию с него требовала. Пришлось-таки ему, голубчику, отслюнить ей кругленькую сумму на поправку здоровья. Понятное дело, без увечья не обошлось, но ежели дело касательно поправки, то тут нас ничто не остановит... Хватаю я кепку и бегом на улицу. Вот ведь, думаю, какие любопытные идейки по ящику людям подкидывают.

А у нас улочка возле дома узенькая, вся машинами заставленная, по тротуару не пройти, не протиснуться, встречные авто на ней еле разъезжаются, но зато спрятаться есть где и неожиданно выскочить перед лопухом зазевавшимся можно с легкостью, чтоб и не насмерть и вроде как на поправку здоровья требовать непременно... Вот, представляю, едет олигарх, едет, горя себе не знает, а тут я – здрасьте, пожалуйста, извольте раскошелиться на поправку!..

Выбираю позицию аккурат возле джипа припаркованного. Жду родимого. Давай, думаю, жми на газ, упитанная твоя нелюбезность, щас мы тебя тепленьким брать будем, не отвертишься... Нам с утреньки терять нечего, нам хоть танки пушай, мы готовы и под танки...

Слышу, заурчало, я наизготовку, думаю: была не была, попрощался мысленно... И тут мне сзади по спине – трес! – костылем должно быть, и за одежду меня хват, и прочь от дороги тащут...

Я вырываюсь.

– Пустите! – кричу. – Вы зачем это не даете человеку свободно жизнью распорядиться!? – Гляжу: меня две старушки и старичок с костылем в плен берут. – Вы чего, – говорю, – творите? Вы по какому такому праву меня руками хватаете? Я, – говорю, – никого меня спасать не уполномочивал!

А старичок боевой попался, взъерошенный, еще в гражданскую небось шашкой махал, даром что инвалид, заявляет:

– Нужен ты нам больно... А только совесть надо иметь!.. Тут другие постарше тебя еще затемно занимали... А он вишь какой ловкий паразит выискался, только глаза продрал, а туда же – уж и лезет вперед всех без очереди...

Я говорю:

– Понял... Старость уважаю... Только зачем же сразу костылями размахивать? Ведь этак можно раньше времени увечья приобрести... Никак, – говорю, – не думал, что тут очередь. Раз такое дело, кто, – спрашиваю, – крайний?

Старичок костылем махнул в сторону:

– Вон, – говорит, – ступай во двор, там поспрашай...

Захожу в скверик, вижу: сидят старички и старушки рядками на лавочках, словно десантники

перед высадкой, да парочка бомжей под деревцем ошивается, ну есть и приличные люди, навроде меня, с утра уставшие... Спрашиваю:

– Кто, извиняюсь, граждане, крайний? – Молчат, насторожились. Вроде как и не расслышали. Я повторяю: – Кто, – говорю, – крайний будет под машину бросаться?

Тут те двое, которых я сперва за бомжей принял, ко мне подходят и фамилией моей интересуются... Я думал, сейчас начнут руки крутить и в кутузку сажать. Только собрался дать деру, как один из них, чернявый, говорит:

– Тут по предварительной записи. – И договор какой-то мне подсовывает, на, мол, подписывай.

Гляжу: листок с печатями. Буквы перед глазами так и прыгают. А чернявый объясняет:

– По договору исполнителю причитается двадцать пять процентов, остальное – организатору, адвокату и на развитие бизнеса...

– А сколько, – интересуюсь, – вся сумма?

– Это, – отвечает, – зависит от степени увечья. Кому как повезет... Некоторым так даже очень надолго хватает... Старикам, опять же, хорошая прибавка к пенсии. А есть и те, кто не в первый раз – старожилы, так им без очереди...

– А хозяин кто? – спрашиваю.

– Хозяин, – говорит, – с конкурентами разбирается. Он здесь точку застолбил, а теперь бизнес расширяет... А мы смотрящие.

Записался я, телефон оставил и пошел домой. С тех пор каждый день ходил отмечаться, семинары посещал платные, чтоб знать, как под машину

бросаться правильно и увечья получать достойные... Меня даже хотели в инструкторы произвести, но передумали по причине моей невосдержанности... Тем временем бизнес в гору пошел. Хозяин с конкурентами разобрался, теперь вся улица наша. Теперь, глядишь, если повезет, заживем...

И вот год минул, подошла наконец моя очередь... Оделся я поприличнее, соседке ключи оставил, чтоб коту кормила в мое отсутствие, и пошел... А на улице весна, почки расфуфырились, травка зеленеет... Такая, знаете ли, конкордия вокруг, что прямо-таки жить хочется! Примостился я за джипом и разомлел, расчувствовался. Вот, думаю, вроде простая вещь – под машину попасть, а и тут без науки не обойтись, всему в жизни учиться надобно... Зазевался и чуть клиента не пропустил. Автомобиль дорогуший, так и сияет на солнце, сразу видать дело на миллион потянет, если выгорит... Сиганул я вперед, голову руками обхватил, локтями бока прикрыл, чувствую: есть контакт; перелетаю машину как легендарный гимнаст Дитятин через коня – в высоком кульбите – и приземляюсь аккуратно на газончике. По ощущениям нога и ключица точно сломаны, половину себя не контролирую... Жду, когда наши подоспеют, чтобы акт увечья засвидетельствовать. Вижу: склоняются надо мной, и с легким сердцем расстаюсь с сознанием.

Очнулся в больнице. Весь в бинтах и в гипсе, словно мумия, левая нога к потолку задрана. Эге,

подсчитываю, да тут не на один миллион, а на целых два выйдет. А то и три... Одно лечение во сколько станет...

Вот лежу я неделю, апельсины кушаю, как-то там, думаю, мои денежки... Наконец заявляется чернявый. Сразу он мне в этот раз чем-то не понравился.

– Что? Как? – спрашиваю. – Сколько удалось содрать с лоха богатенького?

А он мне и отвечает:

– Ты, – говорит, – под новый «Бентли» хозяина угодил... Фара вдребезги и крыло помято, так что придется тебе и на ремонт лимузина, и на лечение самому раскошелиться... – И документы мне подсовывает, на, мол, подписывай. А там уж и печати проставлены, буквы перед глазами так и прыгают. Подписал я, конечно. Ведь обещали на второй заход пустить без очереди. Так что, даст Бог, еще заживу по-человечески...

Иван АКСЁНОВ

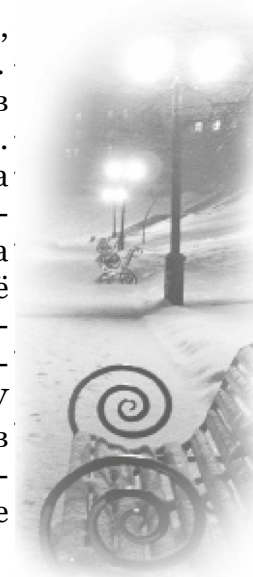
ЕЩЁ РАЗ О ЛИТЕРАТУРНОМ МАСТЕРСТВЕ СВЕТ ПОЭЗИИ

В наше время едва ли найдётся на земном шаре народ, совершенно лишённый поэзии, хотя бы в виде обрядовых песен или песен, помогающих в труде. Вполне возможно, что в каменном веке люди обходились без песен, не до них было, приходилось просто выживать.

Первые стихи появились в 23 веке до нашей эры в Аккаде. Дочь местного царя Энхедуана сочиняла гимны богам. К счастью, тогда уже существовала клинопись, поэтому стихи её дошли до нашего времени. Своими поэтами славились Древняя Греция и Древний Рим. У нас система стихосложения в том виде, какой мы используем сейчас, появилась в 18 веке



Литературо-
ведение



благодаря Василию Тредиаковскому и Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Писать стихи, как известно многим, дело нелёгкое.

«Стих, как монету, чекань», – сказал великий поэт Н.А. Некрасов. Это означает, что стихотворение должно быть доведено до такого совершенства, что в нём, как в уже отчеканенной монете, ничего нельзя исправить без серьёзного ущерба для него.

К сожалению, в огромной армии людей, сочиняющих стихи, талантливые поэты попадаются не чаще, чем песчинки золота в речном песке.

Я основал литературное объединение «Лира» в 1985 году и вёл его 32 года, пока болезнь не помешала мне продолжать эту работу.

Многие относятся к поэтическому творчеству, как к делу лёгкому, не требующему ни ума, ни усилий, ни тем более серьёзной начитанности. Однажды мне пришлось послушать интервью, которое Радио России взяло у одного московского поэта. Он заявил, что работает по раз и навсегда установленному плану – написать за вечер два стихотворения. Его попросили прочитать два написанных вчера. Лучше б он этого не делал! Это были пустопорожние вирши, такие убогие, что мне за поэта стало стыдно. Написано было вроде бы гладко, с соблюдением стихотворного размера и правильных рифм, но это была пустота, отсутствие всякой образности, какого-либо чувства.

Разумеется, владеть ремеслом поэту необходимо, но в поэзии мало знать правила стихосложе-

ния, нужен талант и ещё – надо уметь выразить в стихотворении свои чувства. Начинается процесс создания поэтического произведения обычно неожиданно – в голову пришла строчка, а за неё цепляется другая, за неё третья и так далее. Хорошо сказал поэт Андрей Вознесенский; «Стихи не пишутся – случаются». Но потом начинается самое главное – тщательная отделка написанного. Вот тут-то и начинается то, что писатели называют «муками творчества». Если же поэт принуждает себя сесть за письменный стол и сочинить что-нибудь, у него получается нечто вымученное, не трогающее читательского сердца.

Поэтому тем, кто считает, что писать стихи можно без усилий, следовало бы прочесть, и не просто прочесть, а выучить наизусть стихотворение Давида Самойлова (я даю его полностью, потому что многие раньше его не читали):

Дай выстрадать стихотворенье!

Дай вышагать его! Потом,

Как потрясённое растенье,

Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,

И только завтра я пойму,

Какое привалило счастье

Глупцу, шуту, бог весть кому, -

Большую повесть поколенья

Шептать, нащупывая звук,

Шептать, дрожа от изумленья

И слёзы слизывая с губ.

Видите? Не просто написать, а *выстрадать*, *вышагать*, *нащупывать* звук, при этом дрожать от изумленья, *слёзы слизывая с губ*, то есть плача от счастья, что стихотворение удалось. Вспомните, как радостно воскликнул Пушкин, когда, работая над одним стихотворением, добился того, чего хотел: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

Кстати, обратите внимание на аллитерацию в последнем стихе первой строфы: «шелестеть листом» и в конечной – «**слёзы сли**зывая с губ».

Но это был большой мастер, на своём опыте убедившийся в том, что труд поэта не забава, он требует от человека огромных усилий. Если поэт восхищается своим талантом, лёгкостью, с которой он создаёт свои произведения, значит он не поэт, а графоман. Поэт Аполлон Майков советовал начинающим сочинителям найти себе какую-нибудь службу, чтобы зарабатывать ею, а литературным творчеством заниматься на досуге.

О трудностях поэтического творчества сказала и Надежда Мандельштам, вдова поэта, репрессированного в 1938 году: «Стихописание – тяжёлый, изнурительный труд, требующий огромного внутреннего напряжения и сосредоточенности. Когда идёт работа, никто и ничто не может помешать внутреннему голосу, звучащему (...) с огромной властью».

Тот, кто пишет легко, пишет, как правило, плохо. Иной раз прочтёшь увесистый том какого-нибудь поэта, чьё имя у всех на слуху, и не найдёшь ни одного стихотворения, зацепившего тебя, не вызвавшего ничего, кроме скуки. А ведь это самый

обыкновенный графоман, однако, сумевший хорошо подать себя. При этом многие из тех, кто считает себя знатоками поэзии, ценят его, потому что воспитаны на таких же безыскусных стихах, а более сложные просто недоступны их уму.

Пожалуй, ни в одной другой стране нет столько стихов о родной природе, как в России. Это не просто красивые картинки, в них, как правило, заключено глубокое чувство любви к Родине, к её сельской природе, ностальгия по тем местам, где прошли детство и юность поэта, где испытал он свою первую любовь и где остались его родители и старые друзья. Вспомните хотя бы прекрасное стихотворение Михаила Лермонтова «Как часто пёстрою толпою окружён...», стихи Александра Пушкина об осени, которую он любил больше других времён года, тонкую пейзажную лирику Афанасия Фета.

Современные поэты тоже пишут о природе, в том числе и начинающие. Надо только помнить о том, чтобы в подобных стихах присутствовал автор, чувствовалась его душа, отражалось его настроение, иначе они не затронут душу читателя, просто оставят его равнодушным. Например, если стихотворение наполнено радостью, ощущением счастья, звучит мажорно, это непременно вызовет у читателя ответное чувство, а печаль поэта тоже передастся ему.

Поэт пишет о том, что волнует его – о любви и ненависти, о счастье и горе, о своих находках и утратах, размышляет о жизни и смерти. Посколь-

ку он особенно тонко и остро воспринимает окружающий мир, и это воздействует на внутренний мир читателя, если тот подготовлен к восприятию поэзии и если в нём не заглохли человеческие чувства.

Почему так печальны, а порою мрачны многие стихотворения Лермонтова? Почему в них столько тревоги, столько сожаления о невозможности счастья? Всё это потому, что ему пришлось жить среди светского общества, где он видел только «образы бездушных людей, приличьем стянутые маски».

Стихи, в которых излиты лирические чувства, передающиеся читателю, это импрессионистическая лирика, лирика впечатлений, тонких намёков. Она опирается не на смысл, а на ассоциации. Она завораживает читателя, внушает ему образы, характерные для неясных сновидений. Эти образы нередко зыбки, нечётки. Такая поэзия называется *суггестивной*, то есть внушающей поэзией. Внушение чувств и мыслей происходит не напрямую, а незаметно, подтекстом, заключённым в стихотворении, порою с помощью загадочных образов, непривычных для читательского слуха, странных сочетаний, не сочетаемых между собой слов. Суггестивны стихи Иннокентия Анненского, Афанасия Фета, Александра Блока. Конечно, умение так писать доступно не каждому, потому что живём мы с вами в иное время, в эпоху чистогана, оглупления людей так называемой «массовой культурой»: всякой «попсой», чудовищным рэпом, где ни нормальные стихи, ни музыка даже не ночевали. Где уж тут до понимания настоящей поэзии и настоящей музыки!

В альманахе «Литературное Ставрополье» (№№ 2 и 3) были опубликованы мои советы начинающим поэтам, поэтому не стану повторяться, но кое-что хочу вам напомнить.

Как вы знаете, существует два двустопных стихотворных размера, или метра. **Хорей** состоит из двух слогов с ударением на первом слоге: «**ТЕ**рек /вОет,/ **дИ**к и /злОбен». Здесь дан 4-стопный хорей. (Ударные гласные я обозначаю полужирным курсивом, а стопы разделяю косой чертой). **Ямб** тоже состоит из двух слогов, но с ударением на втором слоге: «Оп**Я**ть/ мет**Е**ль,/оп**Я**ть/ зим**А**». Теперь о 3-сложных. **Дактиль** состоит из трёх слогов с ударением на первом слоге: «Вс**А**дника /хв**А**лят: хо/рОш чело/в**Е**к». **Амфибрахий** – из трёх слогов с ударением на втором слоге: «С голОдны/ми кр**И**ка/ми нОсят/ся ч**А**й-ки» – 4 стопы. **Анапест** – три слога с ударением на последнем: «Рыбак**И**/ в шалаш**Е**/ пробуд**И**/ лися».

Кроме двусложных и трехсложных стоп в их чистом виде, есть ещё *дольник* – стих с переменными интервалами между ударными и безударными слогами «Ты напр**А**сно б**Е**режно к**У**таешь // Мои пл**Е**чи и гр**У**дь в мех**А**» (Анна Ахматова). Есть ещё *тактовик*. «Дн**Е**й б**Ы**к п**Е**г, // М**Е**дленна л**Е**т арб**А**» (Владимир Маяковский), «Ж**И**л-б**Ы**л **Я**. // Ст**О**ит л**И** об **Э**том?» (Семён Кирсанов). Существует ещё *акцентный стих*, им широко пользовался Маяковский, но начинающим я бы не советовал пользоваться дольником, тактовиком и акцентным стихом: может получиться не то, чего бы вы хотели.

Тем, кто ещё не научился хорошо разбираться в стихотворных размерах, надо, сочинив стихотворение, читать, скандируя его, вслух, чтобы услышать нарушения размера или пропеть его на знакомый мотив; тогда недостатки будут легко выявлены.

Иногда говорят, что 2-стопные ямбы или хореи годятся только для стихов весёлых или шуточных. Пушкин сочинил весёлое стихотворение, написанное именно двустопным ямбом: «Играй, Адель, // Не знай печали». А вот Александр Полежаев, человек трагической судьбы, использовал этот размер для выражения мрачных чувств человека, обречённого на гибель:

*Всё чернее
Свод надзвездный,
Всё страшнее
Воют бездны
Глубь без дна –
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!.* (и т.д.)

В длинных стихотворных размерах, конечно, легче, чем в коротких, передать печаль, тоску, отчаянье и другие чувства. Можно писать дактилем, амфибрахией и анапестом и весёлые стихи. Этими размерами широко пользовался Саша Чёрный в своих сатирических произведениях.

6-стопный и пятистопный ямб навевают нам грусть в сонетах Камоэнса и Петрарки, оплакивающих потерянную любовь.

Кроме широко известных нам коротких и средних размеров, некоторые поэты пользуются очень длинными. Юрий Левитанский, используя, например, 6-стопный амфибрахий, неторопливо предаётся философским размышлениям:

*Что делать, мой ангел, мы стали спокойней,
мы стали смиренней.
За дымкой метели спокойно курится наш
милый Парнас.
И вот наступает то странное время иных
измерений,
Где прежние мерки уже не годятся – они не
про нас...*

Талантливое стихотворение всегда завораживает нас своим ритмом, мы поддаёмся инерции его звучания, оно успокаивает наши нервы.

А теперь о **рифме**. Однажды я выписал по почте «Словарь рифм», чтобы познакомиться с ним и, если это полезная книга, порекомендовать её участникам литературного объединения «Ли́ра», которым руководил. Признаюсь, давно я так не смеялся. Это оказалось собрание таких нелепостей, которое ничего, кроме вреда, начинающему поэту принести не может. Приведу несколько примеров, взятых наугад. К слову **как бы** дан такой набор рифм: *гробы, рабы, из избы, от худобы, шлак бы, мрак бы*. К слову **контр-**

адмирал – долго умирал. А вот на другую букву: **настрою** – в кадастр его, отдаст его, продаст его, в Астрахань, к пастору. **Грымза** – брынза, клизма, призма, харизма, от ревматизма, коммунизма, модернизма, терроризма. **Интернет** – баронет, спору нет, кабинет. Есть нелепые рифмы к таким непоэтическим словам, как интерпретация, калибровка, кальцинировать, чмокнула, экзекутор, витаминизированный и т.п. А вот Толковый словарь, Словарь синонимов и Орфографический – это для поэта предметы жизненной необходимости. Неплохо также иметь Обратный словарь русского языка, в котором, если научиться им пользоваться, можно найти нужную рифму, потому что слова в нём расположены не по первым, а по последним буквам.

Для поэзии особенно важно то, что слово может иметь, кроме основного значения переносное. Оно называется – **троп**. Признак одного явления переносится на другое слово, благодаря чему образуется другое явление. При помощи тропа поэт может найти в том или ином явлении что-то новое, сделать слово поэтичным.

Наиболее простым из тропов является *сравнение*.

Это уподобление одного явления или предмета. Сравнение вводится словами: *как, как будто, словно, будто, подобно*. У Лермонтова: «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла». У А. Пушкина: «Врагам наследственным подобно». У Сергея Есенина: «Тучи... ржут, как

сто кобыл». есть интересные сравнения у ставропольских поэтов. У Виктора Лунёва: «Жизнь протекла, как речная вода». У Анатолия Павлова: «День..., как пульс, то спешил, то болезненно гас», «Лето. Зной. И в этом зное// Ты, как солнце в янтаре». У Юлии Кауновой: «Плыла я, словно пароход», «Повеселела, а была, как камень».

Из народного творчества пришло в поэзию *отрицательное сравнение*. У Николая Некрасова: «Не ветер бушует над бором, // Не с гор побежали ручьи – // Мороз-воевода дозором // Обходит владенья свои»

Эпитет – слово, которое поясняет другое понятие. Он бывает только в сочетании с другим словом, на которое он переносит свои признаки. Эпитет может выражаться прилагательным, но может и наречием, и глаголом, и существительным. «Железная дорога», «железная ванна» – не являются эпитетами, они просто означают материал, из которого сделаны дорога и ванна, а вот «железная воля», железные нервы» – эпитеты. «Бродяга» – имя существительное, а в сочетании «бродяга-ветер» – эпитет. Наречие «жадно» в сочетании со словом «глядишь» – тоже эпитет.

Один из тропов, *метафора*, то же сравнение, но скрытое, лишённое сравнительных слов. Это перенос свойств одного явления на другое. При этом появляется в слове новый смысловой оттенок. Вот примеры метафор:

Иннокентий Анненский – «Грозные речи небес», Павел Антокольский – «Спит ужас», Давид Самойлов – «Сад пришёл в исступленье»,

«Смятенное небо заржало». Анатолий Павлов – «Там пасётся туман», «Ноябрь, охрипший средь двора», Юрий Левитанский – «Осень в окно мне стучится», у Олега Воропаева – «И стороны света/Простуженный ветер гложет».

Среди тропов есть ещё *метонимия* и *синекдоха*.

Метонимия – это замена одного значения другим, причём замещение полное. Классический пример – Пушкинский стих «Все флаги в гости будут к нам». Здесь слово «флаги» использовано вместо сочетания слов «корабли всех стран».

Синекдоха близка к метонимии. Целое замещается частью. «Лес поёт», а на самом деле поёт не лес, а птицы в лесу. «Эй, борода, а как проехать отсюда к Плюшкину?» (Н. Гоголь), Слово «борода» здесь означает крестьянина.

Что касается *инверсии*, то есть нарушения порядка слов в стихе, то без неё иногда бывает трудно обойтись. В русском языке определение стоит перед определяемым словом, но в поэзии допускается перестановка их местами: «мундиры голубые», «тучка золотая», «где глаз людей обрывается куций» (в последнем примере определяемое слово отделено от определения двумя словами; подобных инверсий лучше избегать».

Как-то в Хрестоматии «Литература начала XX века» я прочёл такие стихи Велимира Хлебникова:

...так хотела бы струя,
так хотела бы водица
убегать и расходиться,

чтоб ценой работы добыты
зеленее стали чоботы
черноглазые её...

Сначала удивился тому, что сапожки (чоботы) черноглазые, хотя они должны были почему-то стать не только черноглазыми, но ещё и более зелёными. Впрочем, у Хлебникова немало странных сочетаний слов. Потом я понял, что виной всему следование редактора книги реформе русского правописания, отменившего некоторые написания. До реформы писали: «Богopodobная царица Киргиз-Кайсацкия орды» (Г. Державин), т.е. «Киргиз-Кайсацкой орды». А у Блока «Как слёзы первые любви» не инверсия: У него было «Как слёзы *первыя* любви», то есть слёзы *первой* любви». Значит, надо было напечатать так, как написал в своём стихотворении Хлебников до реформы: «Зеленее стали чоботы черноглазая ея», то есть её, черноглазой.

Как воспринимаю стихи я как читатель? Если стихотворение вызвало во мне ответное чувство, близкое к чувству его автора, если поэт выразил в нём то, что есть в моём сердце, значит, оно у него получилось. То есть лирические стихи опираются на наш чувственный опыт.

Настоящий поэт не играет в поддавки с читателем, сочиняя стихи, рассчитанные на человека с низкой внутренней культурой, с неразвитым вкусом. Он должен поднимать его до своего уровня. Почему нынешний молодой читатель часто не понимает, например, «Евгения Онегина»?

Да потому, что он не начитан, увлекается только тем, что сейчас именуется словом «фэнтези» или низкопробными детективными романами, а то и вообще только таращит глаза в свой компьютер или айфон, выискивая в нём всякую развлекательную ерунду. Только классическая литература может дать необходимые знания, чтобы не только понимать этот роман Пушкина, где немало образов из древнегреческой мифологии и имён его друзей и знакомых, но и чтобы всё было ясно в любом произведении классической литературы. Иначе из школьника вырастает человек, далекий от культуры, не умеющий разговаривать, а это означает, что он **не умеет мыслить**.

Что такое рассказ

Сегодня мы также поговорим о прозе. Многие пытаются сочинять рассказы и повести, а кое-кто замахивается и на роман, совершенно не представляя, как это делается.

Кажется, что рассказ написать легче, чем повесть и тем более – роман. Что же такое рассказ, и как над ним надо работать?

Существует несколько определений рассказа.

Рассказ – это жанр прозаического произведения небольшой формы, где главный герой изображён в один из моментов своей жизни, когда в столкновении с другими персонажами или с силами природы проявляются основные черты его характера. Нередко такое произведение называют новеллой, но для нас русское слово привычнее, чем французское *новелла*.

Английский писатель Сомерсет Моэм говорил, что рассказ бывает разной длины и представляет собою один или несколько случаев, тесно связанных между собой.

Как правило, основное действующее лицо рассказа – человек с уже сложившимся характером, и читатель из его поступков видит, каков он – добр или зол, умён или глуп, честен или бесчестен. Бывают героями рассказов и дети, как у И.С. Тургенева в «Бежине луге». А у Юрия Казакова в рассказе «Тихое утро» деревенский мальчик Яшка, преодолев панический страх перед осьминогом, якобы обитающем в бочаге, куда он с московским мальчиком пришел удить рыбу, ныряет на самое дно, чтобы спасти того, упавшего в воду. Характер Яшки ещё не сформировался, но читатель понимает, что вырастет он человеком смелым, ответственным и самостоятельным.

Из школьного учебника литературы каждый знает, что такое *композиция*. Под этим термином имеются в виду *завязка*, *развитие действия*, *кульминация* и *развязка*. Иногда автор начинает с *экспозиции*, то есть рисует обстановку, в которой будет происходить действие, или описывает внешность героя и рассказывает о его прошлой жизни, но можно обойтись и без этого.

Развязка – это окончание действия рассказа после *кульминации*, то есть момента наивысшего напряжения действия, после которого повествование идёт к концу. Обычно автор оставляет читателя в неведении о том, что будет с его героем дальше. В отличие от повести и романа,

эпилога, то есть сообщения о дальнейшей судьбе героя, у рассказа, как правило, нет. Нужен ли ему так называемый «хэппи энд», то есть счастливый конец? Я сам обычно избегаю этого в своих произведениях, потому что в жизни подобное не так уж часто случается. Но вот рассказ «Зона» мне захотелось закончить торжеством справедливости: оправданного продажным судьёй мэра, установившего при попустительстве властей у себя на острове невиданный террор, убивает при выходе из здания суда человек, сына которого этот преступник лишил жизни. Однако мой коллега по перу Владимир Бутенко посоветовал мне оставить мэра ненаказанным. Действительно, от этого рассказ только выиграл. Многие знают, как нелегко, а то и вовсе невозможно добиться в жизни справедливости.

Рассказ может иметь сюжет драматический или трагический, а может – комический. Мастером неожиданного финала был американский писатель О’Генри. Едва ли найдётся человек, который не читал его рассказ «Вождь краснокожих», где двое жуликов крадут сына у одного богатого горожанина, чтобы получить за него выкуп. Этот изобретательный хулиган устраивает им такую жизнь, что они, чтобы избавиться от него, не только возвращают маленькое чудовище отцу, но ещё и платят ему, чтобы тот поддержал ребёнка хотя бы минут двадцать и дал им возможность убежать подальше от города.

А знакомо ли прозаику вдохновение, как поэту? Разумеется. Без него невозможно создать поисти-

не художественное произведение. Оно накатывает внезапно, подобно девятому валу и понуждает человека к работе; это толчок, духовный подъём, когда писатель чувствует, что он уже не может избавиться от желания сесть за письменный стол. Но главное ещё впереди: нужно продумать сюжет, определить характер своего героя, его окружение, главный конфликт рассказа.

Как рождается замысел? Иногда писателю достаточно какого-то намёка, случайно услышанной фразы, маленькой заметки в газете, чтобы началась работа ума над продумыванием будущего произведения.

Некоторые писатели составляют план рассказа, другие пишут без всякого плана.

«Вымысел не есть обман, замысел ещё не точка», – пел Булат Окуджава. Главное ещё впереди – написать своё произведение до последней строки, а потом отшлифовать его до такого совершенства, чтобы в нём, как и в стихотворении, не было ни одного неточного слова.

Кое-кто из писателей мастер придумывать удачные заголовки к своим рассказам, как А.П. Чехов, М. Зощенко, Ги де Мопассан, тот же О’Генри. Другим это даётся с большим трудом. Всё зависит от воображения человека. Об этом есть даже небольшая книжка З. Блисковского «Муки заголовка». В ней он даёт массу примеров того, как подолгу бились над заголовками своих книг некоторые писатели.

От заголовка во многом зависит, заинтересует ли книга читателя, начнёт ли он тратить на неё

время или отложит её в сторону, как неинтересную, хотя содержание может быть очень увлекательным.

В рассказе необходим *конфликт* – столкновение взглядов, мнений, характеров, бывают рассказы и бесконфликтные.

Начинающему прозаику следует помнить такую истину – не рассказывать, а *показывать, изображать* то или иное событие, раскрывать характер героя и других персонажей в их поступках и высказываниях, а не в авторских рассуждениях.

Очень важны в рассказе *детали*, точные и определённые, такие, чтобы читатель отчётливо видел обстановку, в которой происходит действие, и самих персонажей. Детали должны быть не только в рассказах о нашей обычной жизни, но даже в фантастических произведениях, точные, реалистические, способные убедить читателя в возможности событий, показанных автором. Большими мастерами в этом были фантасты Александр Беляев, братья Стругацкие, Станислав Лем, Иван Ефремов, Герберт Уэлс.

Каким должен быть портрет главного героя? Нужно ли описывать подробно черты его лица, манеру одеваться? М.Ю. Лермонтов в рассказе «Максим Максимыч» дал именно такой портрет Печорина, и это было необходимо сделать, чтобы мы, читая роман дальше, составили наиболее полное представление о сложном, противоречивом характере этого человека. Но чаще всего писатель даёт две-три наиболее характерных чер-

ты во внешности героя. Иногда он может напомнить их разок-другой на протяжении всего рассказа. Главное – быть внимательным к важным деталям, чтобы не допустить ошибки. Например, в замечательном романе Томаса Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел» у любимой девушки главного героя глаза зелёные, а через несколько страниц – они уже серые. Возможно, что это ошибка не автора, а переводчика, но подобных промахов надо избегать.

Детали следует использовать экономно, обходиться без многословия, чтобы они не утомляли читателя. В старину говорили: «Несть спасения во многом глаголании», то есть долгими разговорами не спасёшься.

Обычно писатель видит своего героя со стороны, но бывают произведения, написанные от первого лица, что помогает показать человека изнутри, заглянуть в его душу, понять его мысли и чувства. Это совсем не означает, что «Я» – это сам автор. Я тоже использовал этот приём в рассказах «Солнечный берег», «Свет в одиноком окне» и «Туманные звёзды Кассиопеи», чтобы глубже раскрыть внутренний мир своих героев, показать их радости, тревоги и сомнения.

Следует тщательно продумывать диалоги. Они должны быть похожими на живую речь. Между собой все мы разговариваем, не используя деепричастий и причастий, деепричастных и причастных оборотов, сложноподчинённых предложений, а пользуемся простыми или сложносочинёнными предложениями. Реплики

персонажей могут быть короткими, состоять из одного слова, из короткой фразы, а иногда представлять собой целый монолог, но нужно, чтобы он не был утомительным для читателя. Речь персонажей непременно должна быть индивидуализирована. Для этого нужно использовать какие-то характерные для этого человека повторяющиеся слова, например слова-паразиты вроде «значит», «это самое», «так сказать», «как бы», «понимаешь» и т.п. Можно даже употреблять лексику из молодёжного жаргона или диалектизмы, чтобы показать принадлежность персонажа к тому или другому слою народа или низкий уровень его культуры. Только не следует злоупотреблять этим, иначе получится какая-то галиматья, отбивающая желание читать такое. А уж авторская речь должна быть полностью свободной и от диалектизмов, и от жаргонных слов. Следует избегать заполонивших сейчас русский язык иностранных слов: «шопинг», «флэшмоб», «шоумен» и т.п.

Нельзя приписывать персонажу лексику, не характерную для уровня его образования, культуры. У одного знакомого мне в прошлом писателя, довольно талантливого, неграмотная крестьянка вместо слова «думаю» употребляет слово «полагаю», будто она не тёмная дореволюционная крестьянка, а какой-нибудь профессор, и почему-то цитирует фразу из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Свежо предание, да верится с трудом». Трудно поверить в такое. А в одном романе советского писателя декабрист цитиру-

ет стихотворение «Скифы» Александра Блока, написанные почти через сто лет после декабрьского восстания 1825 года.

Некоторые писатели, пришедшие в литературу из журналистики, с трудом отвыкают от газетных штампов. Они привыкли корову называть «головой крупного рогатого скота», уборку хлебов – «битвой за урожай» и т.п.

В отличие от своих персонажей, автор имеет право использовать в своей, авторской речи сложносочинённое и сложноподчинённое предложения, деепричастия и причастия, деепричастные и причастные обороты. Но он ни в коем случае не должен отрывать придаточное предложение от главного, как сейчас делают журналисты в газетных статьях. Вот один из примеров такой ошибки, которую я обнаружил в свежем номере очень солидной столичной газеты: «Это просто отличный приём! Который, несомненно, понравится даже искущённому театральному зрителю». В последнее время подобные ошибки стали в нашей прессе обычным делом.

В рассказе не должно быть никаких эпизодов, отвлекающих внимание читателя от основного действия. Писателю необходимо знать и любить поэзию, живопись, музыку, причём не нынешние дикие вопли под грохот барабана, не эту пародию на музыку, которая именуется – «рэп», а музыку серьёзную – Чайковского, Моцарта, Верди и других великих композиторов.

Итак, речь писателя должна быть речью грамотного, культурного человека.

В последнее время резко упала грамотность нашего народа. Преподаватели вузов сетуют на то, что огромная часть абитуриентов, поступающих с высокими баллами, даже заявление с просьбой о приёме в институт неспособны написать без пяти-шести ошибок. А уж об их культурном уровне и говорить нечего. Утверждают, что Анна Ахматова – это жена декабриста, поехавшая за мужем в Сибирь, что Н.Г. Чернышевский был репрессирован в 1937 году, а «Василия Тёркина» написал Ф.М. Достоевский. Но вот что особенно странно: жалуются редакторы журналов и альманахов и на **писателей**, которые присылают рукописи с огромным числом орфографических и пунктуационных ошибок. Раньше до выхода книги в свет большую работу над нею проделывали редактор и корректор. Именно поэтому читанный человек был грамотен: одно и то же слово в книге попадалось ему десятки и даже сотни раз, и он совершенно незаметно для себя навсегда запоминал его написание. Сейчас же книга издаётся обычно без редактора и корректора, поэтому у малограмотного писателя читатель не научится грамоте, он будет считать ошибки автора нормой.

Стиль писателя очень важен. К.Г. Паустовский сказал, что надо «живописать словом». Важную роль в произведении литературы играет музыкальная инструментовка прозы. У Лермонтова, Тургенева, Бунина, которые были поэтами, проза удивительно поэтична и образна: они привыкли тщательно, как и в стихах, подбирать каждое слово, точно и выразительно строить предложения.

Достаточно прочесть один абзац из финала «Княжны Мери» Лермонтова, любую страницу романа «Жизнь Арсеньева» или рассказа из книги «Тёмные аллеи» Бунина, чтобы почувствовать музыкальность их прозы. И.С.Тургенев так и назвал некоторые свои короткие произведения – «стихотворения в прозе». Удивительным мастером был в этом и русский писатель советской эпохи Юрий Казаков. Вот как начинается его рассказ «Ночь», где всё гармонично – и детали, и музыкальность фразы, и задействованы все органы чувств:

Я шёл по мягкой пыльной дороге, спускался в овраги, поднимался на пригорки, проходил реденькие сосновые борки с застоявшимся запахом смолы и земляники, снова выходил в поле... Никто не догонял меня, никто не попадался мне навстречу – я был один в ночи. Иногда вдоль дороги тянулась рожь, Она созрела уже, стояла недвижно, нежно светлея в темноте; склонившиеся к дороге колосья касались моих сапог и рук, и прикосновения эти были похожи на молчаливую робкую ласку...

В шестидесятые годы прошлого века многие писали так называемым «телеграфным стилем», то есть короткими фразами. Получалась грубая, рубленая проза, лишённая даже намёка на музыкальность. Например, у петербургского писателя В. Овсянникова повесть «Дни с Л.» написана именно таким стилем:

Устал: глаза, глаза, глаза. Напился до бессознательности, потерял Матисса. Скука жить по

календарю: дни, недели, годы... Если бы жить по вертикали. Саломея с мёртвой головой. Альбом. Чай с лимоном. Крылья поскрипывают. Ночь, почти. Я в кресле. Косой снег. Ночью – ночь.

Что можно в этом понять?

Без любви к поэзии никто не научится писать хорошую прозу. Как-то один столичный прозаик сказал в интервью газете, что он стихи не любит. Не знаю, какой он писатель: к нам его книги не доходят, но думаю, что требовательному читателю они бы едва ли понравились. Убожество стиля – это признак убожества ума и таланта писателя. Школьником я как-то пытался дочитать до конца большой роман одного автора, явно журналиста по профессии, но так и не смог сделать этого. Содержание книги о партизанах было довольно интересно, однако написана она была таким корявым языком, с таким количеством газетных штампов, что читать её было мукой.

Большую роль играет в рассказе пейзаж. Он должен быть нарисован точными, тщательно подобранными словами. Писателю нужно знать краски природы, множество оттенков каждого цвета. Известно, что существует всего три основных цвета – красный, зелёный и жёлтый, все остальные цвета – производные от них: смесь красного и жёлтого даёт оранжевый цвет, а красного с синим – фиолетовый. Посмотрите в Словарь синонимов русского языка. Там у красного вы найдёте 17 синонимов: багровый, алый, пунцовый, пурпурный, рдяный, огненный и т.д. Но

говорят, что кое-кто из живописцев различает не менее 150 оттенков красного. У зелёного цвета – 5 синонимов, у синего – 6, а у жёлтого – 10.

Мир богат красками. По-разному в разные дни бывает окрашен небосвод на утренней и вечерней заре. Нужно внимательно присматриваться к цвету вечерних облаков и к переменчивому цвету неба. Писателю нужно развивать своё восприятие красок, иначе мир в его изображении будет тусклым и скучным. Он должен научиться видеть всё богатство красок. В то же время следует избегать нагромождения эпитетов, даже очень красочных.

Пейзаж не должен изображаться ради пейзажа, он должен подчёркивать душевное состояние героя. В рассказе Бунина «Митина любовь» герой тяжело переносит измену любимой девушки, он чувствует, что не может жить без неё. Природа тоже словно плачет вместе с ним – льёт бесконечный дождь, он усиливает угнетённое состояние юноши, и тот, не выдержав отчаяния, кончает самоубийством.

Вот как изображает писатель погоду и тяжёлое душевное состояние Мити:

Дождь шумел повсюду – и по крыше, и вокруг дома, и в саду. Шум его был двойной, разный, – в саду один, возле дома, под непрерывное журчание и плеск желобов, ливших воду в лужи, – другой. И это создавало для Мити, мгновенно впавшего в летаргическое оцепенение, необъяснимую тревогу и вместе с жаром, которым пылали его ноздри,

его дыхание, голова, погружало его точно в наркоз, создавало какой-то как будто другой мир, какое-то другое предвечернее время в каком-то будто чужом, другом доме, в котором было ужасное предчувствие чего-то.

Как видите, автор точными, умелыми деталями передаёт состояние природы, и это позволяет ему глубоко проникнуть в душу героя, которого постигла страшная катастрофа, он выступает здесь не только великим психологом, но и мастером поистине поэтической прозы.

И вот ещё что надо помнить: главному герою следует придумать благозвучную фамилию. Нельзя называть их, например, «Лупоглазовым» или «Шмокодявкиным». Если в эпоху классицизма использовали «говорящие» фамилии: у Фонвизина положительные герои – Правдин, Стародум, Милон, а у отрицательных персонажей имена – Простакова, Скотинин, то Пушкин и Лермонтов именовали своих героев Онегин и Печорин – по названиям рек.

Работая над рассказом, следует очень внимательно всё просчитывать, особенно если действие его происходит в продолжение долгого отрезка времени. Один пожилой начинающий прозаик, не лишённый таланта, в своём рассказе написал о жизни богатого крестьянина, которого раскулачили и сослали с женой и детьми. Я сказал ему, что от событий, во время которых он родился, и

до коллективизации прошло слишком мало времени, и его герою должно быть всего около пятнадцати лет, так что ни детей, ни богатства у него никак не могло быть.

Как руководителю литературного объединения мне приходилось иметь дело и с авторами из сёл и городов края. Один из них прислал мне свою уже вышедшую книгу, изобиловавшую множеством подобных ошибок. Так, в ней рассказывается о том, что в 1916 году председатель Совета послал героя книги в город Георгиевск купить в магазине «Торгсин» трактор «Фордзон». Я написал ему, что в царское время ни колхозов, ни Советов не было, не было и «Фордзона». Он появился только в 1917-ом), а «Торгсин» возник лишь в 1931-ом году и торговал он с иностранцами за доллары, причём никаких тракторов в продаже не было и быть не могло.

Рассказ должен литься, как река, от начала до конца надо соблюдать в нём единство стиля. Не надо растолковывать читателю происходящие события и хвалить или осуждать персонажей.

И самое главное, что должен делать человек, желающий стать писателем, – это читать и читать, особенно классиков: у них есть чему поучиться. Лучших учителей начинающему писателю не найти.

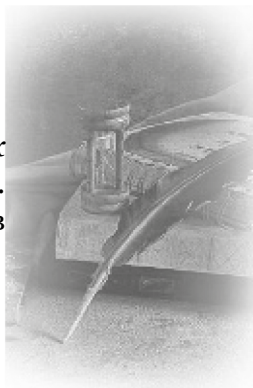
СЕМЬЯ ОРФАНОВЫХ

Вся семья Орфановых
прекрасна.
А.П. Чехов

I

В «Русском биографическом словаре» 1905 года издания русскому писателю Михаилу Ивановичу Орфанову отводится всего лишь двадцать две строки текста и восемь строк примечаний. Литературная известность пришла к М.И. Орфанову еще при жизни. Российские читатели узнали и полюбили Михаила Орфанова после публикации цикла его рассказов о сибирской жизни. Их печатали такие популярные издания, как «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Забайкальские областные ведомости».

В 1883 году в Москве отдельным изданием выходила книга рассказов Михаила Орфанова «В дали: (Из прошлого): Рас-



Николай
БЛОХИН

Краеведение



сказы из вольной и невольной жизни». Книга состоит из двух частей: «Жизнь и служба в Восточной Сибири» и «Тюрьма и каторга».

В ней опубликованы рассказы писателя о тюрьмах Нерчинской каторги, каторжанах и вольных рабочих, их тяжелом труде. Именно об этой книге Орфанова известный исследователь русской литературы второй половины XIX века, историк литературы Е.С. Некрасова (1847–1905) писала, что «она читается с начала до конца с неослабным интересом, в особенности, вторая часть, где почти все ново и где автор дает возможность читателю заглянуть в скрытую и далекую от него жизнь каторжников». И далее: «Автор изображенною на обертке виньеткой как бы приглашает читателя заглянуть в окно, на котором поставлена для «несчастных» кринка с молоком и хлебом... Вдали имеется столбовая дорога: она ведет в иной, мало знакомый, мир...»

Книга не сразу увидела свет. Российские власти препятствовали ее изданию. В частности, Московский цензурный комитет приостановил выход книги «В дали». Весь отпечатанный тираж книги был арестован и опечатан непосредственно в типографии. Правда, через три недели публикация все же была разрешена специальным распоряжением Министерства внутренних дел. Впоследствии книга была включена в «Список изданий, запрещенных для публичных библиотек и общественных читален». Возможно, поэтому немногие российские библиотеки сохранили до наших дней главную книгу писателя.

Литературные критики XIX века называли Михаила Орфанова «талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки». Тем не менее интерес отечественного литературоведения к жизни и творчеству Михаила Орфанова очень ограничен. Сведения о нем и его творчестве читатели черпают в основном из скудных словарных статей. Сегодня имя русского писателя Михаила Орфанова, его рассказы и очерки из сибирской жизни практически не известны читателям. Биографические сведения о писателе тоже чрезвычайно скудны.

Родился Михаил Иванович Орфанов 11 (23) января 1848 года в станице Темнолесской, близ Ставрополя. Авторы некоторых публикаций утверждают, что писатель якобы родился в Пятигорске, но этот факт вызывает сомнение, так как отец писателя Иван Иванович Орфанов с тринадцатого марта по пятое декабря 1847 года служил в Темнолесском военном госпитале. Младшим врачом на Кавказские Минеральные Воды он назначен шестого декабря 1847 года. Приступил к исполнению должностных обязанностей восемнадцатого апреля 1848 года. Родом Михаил Орфанов из дворянского сословия.

II

Отец писателя И.И. Орфанов (1810–1876) происходил из старинного рода. И сегодня во Владимире, Нижнем Новгороде фамилия Орфанов довольно распространенная. В Нижнем Новго-

роде ежегодно проходят Орфановские чтения. Посвящены они, правда, памяти Ивана Ивановича Орфанова, профессора, заведующего кафедрой экономической и социальной географии Нижегородского государственного педагогического университета – продолжателя рода Орфановых.

Первоначальное образование И.И. Орфанов получил в местном духовном училище. Его отец, дед писателя, Иван Орфанов был священником. Первого декабря 1831 года 21-летний Иван Иванович поступил в Московскую медико-хирургическую академию, у которой была славная история. Среди известных выпускников академии хирург и анатом Илья Буяльский, профессор-акушер Г.И. Кораблев, врач М.А. Достоевский (отец писателя Ф.М. Достоевского), декабрист Фердинанд Вольф.

С маршевыми батальонами Орфанова направили служить по военному ведомству на Кавказ. В феврале 1837 года Орфанов был уже в Ставрополе и служил в военном госпитале. Примерно через год Орфанов прибыл в Анапу. В Анапском военном госпитале Орфанов прослужил более семи лет. За «беспорочную службу» в 1843 году Орфанов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1844 году – орденом Св. Анны 3-й степени. С четвертого июля 1845 года Орфанов – старший ординатор Пятигорского военного госпиталя.

Несколько месяцев в 1847 году Орфанов прослужил в Темнолесском военном госпитале при Темнолесской крепости, которая располагалась

на горе Стрижамент – наивысшей точке Ставропольской возвышенности. Крепость состояла из двадцати четырех казенных разного рода строений. В 1845 году, то есть за три года до рождения старшего сына Михаила Орфанова, в крепости под командованием трех обер-офицеров несли постоянную службу двадцать пять унтер-офицеров, два барабанщика и двести пятьдесят рядовых. Это была так называемая инвалидная команда.

Жизнь лекаря Орфанова проходила в крепости, охраняемой солдатами, в обстановке их рассказов о таинственных разбойниках, ссыльных каторжниках, бунтарях, походах и приключениях военных, набегах горцев на станицу. Однажды Орфанов услышал рассказ о том, как восемь черкесов пробрались берегом речки Янкуль в Янкульскую долину, где ходили табуны станицы Темнолесской. Черкесы выскочили из оврага и, отхватив косяк в шестьдесят лошадей, погнали его в сторону Кавказских гор. Но урядник Косякин, стоявший с казаками в укрытии табуна, не растерялся, тотчас же послал одного казака в станицу за помощью, а сам бросился в погоню. И прежде чем из станицы и с ближнего поста, услышавшего выстрелы, прискакали резервисты, дело было кончено. Косякин возвратился домой с отбитым горцами табуном.

В апреле 1848 года Ивана Ивановича снова перевели в Пятигорский военный госпиталь. Приезд И.И. Орфанова на Кавказские Минеральные Воды совпал с периодом их больших преобразований. Годом ранее впервые в мире в

этом военном госпитале великий русский хирург Н.И. Пирогов, в присутствии Орфанова и его коллег, провел операцию с применением эфирного наркоза. В том же 1847 году в Пятигорске при большом стечении народа заложен фундамент Спасского собора, а в Санкт-Петербурге российский император Николай I утвердил «Положение об управлении Кавказскими Минеральными Водами» и назначил Дирекцию во главе с полковником Д.А. Всеволожским.

Детство писателя Михаила Орфанова совпало с развитием курорта, освоения его лечебных возможностей, поиска методик лечения. Самое популярное слово, которое знал Миша с детских лет и которое чаще других произносилось в семье, – «нардзан». Но, похоже, беседы отца и его сослуживцев на медицинские темы, свидетелем которых был Михаил, юношу не привлекали. Впоследствии Орфанов-младший изберет другую дорогу.

В год рождения писателя произошло большое событие, которое очень обрадовало родителей Миши, как и родителей других детей – военных, чиновников, медиков. Восемнадцатого декабря 1848 года император Николай I утвердил «Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подчиненных». В том же 1848 году в Пятигорске открылось трехклассное уездное училище. Находилось оно в подчинении Ставропольской дирекции Кавказского учебного округа. Принимали в него мальчиков всех сословий не моложе восьми лет. С девяти лет их отдавали на учебу в гимназию.

Но, похоже, Михаил не учился в реальном училище. Он получил домашнее образование. Родители и нанятые ими учителя подготовили его к поступлению в Первую Петербургскую гимназию, которую он окончил в 1865 году. В тот год Михаилу Орфанову исполнилось восемнадцать лет, его сестре Анне было восемь, подрастала младшая сестра Софья.

Отец Иван Иванович Орфанов, переведенный с Кавказских Минеральных Вод в Санкт-Петербург, прошел по карьерной лестнице довольно большой путь. С 1860 года И.И. Орфанов – столоначальник Медицинского департамента Министерства внутренних дел. В дальнейшем он являлся членом Медицинского совета Министерства внутренних дел, исправлял должность начальника отделения военно-медицинского департамента, дослужился до чина действительного статского советника (IV класс), который соответствовал военно-морским чинам генерал-майора и контр-адмирала. В 1874 году И.И. Орфанов вышел в отставку. Умер в 1876 году и похоронен в Санкт-Петербурге.

III

Михаил Орфанов, старший сын штаб-лекаря И.И. Орфанова, вошел в историю Российского отечества как писатель. Вскоре после окончания гимназии он переехал в Москву. О жизни семнадцатилетнего юноши в Москве известно мало. Самым авторитетным документом к научной биографии Михаила Орфанова, как установил исследователь из Омска В.М. Физиков, является

«Дело следственной комиссии о студенте Малышеве, дворянине Михаиле Орфанове и Александре Белевиче-Станкевиче», хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации.

Итак, тридцатого апреля 1866 года московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков получил распоряжение графа М.Н. Муравьева, председателя Следственной комиссии по делу Дмитрия Каракозова, произвести обыск в Москве у студента Малышева, в гостинице Кокорева, и, если окажется его связь с делом Каракозова, арестовать и уведомить столицу. Вместе с Малышевым в номере проживали бывший студент Московского университета А.В. Белевич-Станкевич и сын... статского советника М.И. Орфанов. При обыске ничего подозрительного у них не оказалось. Но на всякий случай, чтобы они не скрылись, за ними установили надзор.

В мае 1866 года московский обер-полицмейстер Н.У. Арапов представил донесение, из которого следует: «Все эти лица (Малышев и Орфанов. – *Н.Б.*) ведут образ жизни довольно скромный; по недостаточности средств и в видах совместных занятий приготовления к экзаменам занимают один номер; особых посетителей у них незаметно... в подозрительном и в политической неблагонадежности никто из них замечен не был».

В том же 1866 году Михаил Орфанов поступил на юридический факультет Петербургского университета. Его влекла русская революционная среда. Общение с Василием Малышевым не прошло бесследно.

Отец Михаила Орфанова случайно узнал о том, что старший сын не бывает дома, посещает какие-то собрания. И, хотя сын был вне подозрений, Иван Иванович настоял, чтобы Михаил отправился к месту службы в... Восточную Сибирь и своими глазами увидел, что делает с людьми каторга.

Вот как об этом писал сам Михаил Орфанов: «В 1869 году я, еще юношей 20-ти лет, по разным обстоятельствам должен был бросить университет и самый Питер и удалиться куда-нибудь подальше. Случай сделал то, что в июне того же года я очутился в отвратительном городишке Чите, считающемся главным городом Забайкалья, в качестве помощника столоначальника областного правления. Содержание, присвоенное этой почтенной должности, настолько было скудно, что, прожив кое-как 4 месяца, с помощью остатков от прогонов и подъемных, я пришел в совершенное отчаяние: мудрено в городе, где зачастую свечи доходят до 1 рубля за фунт, прожить на 22 р. с копейками в месяц! Из дома, от отца, я ничего не получал; посторонних занятий – никаких. Кроме материальных невзгод, самый род занятий был не по душе... Не могу, при этом, не вспомнить, как начальство, видя мое круглое невежество по канцелярской части, вздумало меня ознакомить с ней. Мне поручили составить «записку» из старого, огромного дела – «о наделении хоринских инородцев землею», состоявшего из 27-ми толстых томов, для чего освободили от хождения на службу, препроводив все дело ко мне на квартиру. Раскрываю первый

том, и – о, ужас! он начинается указом Императора Павла I, написанным тогдашним почерком, на толстой синей бумаге. Понятно, что разобраться в этом канцелярском лабиринте было мне не по силам, и я возвратил его обратно, не поняв из него ровно ничего».

Что скрывалось за выражением «по разным обстоятельствам», Михаил Орфанов умолчал. Иван Иванович, создавший эти «разные обстоятельства», на первый взгляд, поступил с сыном сурово. Должность у сына – не денежная: коллежский регистратор. Помощи отец ему никакой не оказывал. Сын жил на семьдесят три копейки в день! Было от чего прийти в отчаяние. Но Михаил не знал самого главного: следом за ним по государственной почте в Читу пришел формулярный список о службе коллежского регистратора из дворян Михаила Ивановича Орфанова. И в нем значилось, что под судом и следствием Михаил Орфанов никогда не был! «Каракозовский» эпизод был забыт властями или здесь постарался отец Михаила Орфанова? «Его превосходительство» И.И. Орфанов еще был вхож в высокие кабинеты и, видимо, мог устроить сыну чистоту служебного формуляра, хотя сделать это в те времена было очень сложно.

Чита стала местом первой сибирской службы его сына Михаила Орфанова, а Сибирь – настоящим «университетом жизни». Заглянем в формулярный список коллежского регистратора Михаила Орфанова, хранящийся сегодня в Государственном архиве Читинской области.

С двенадцатого марта 1869 года Михаил Орфанов – помощник столоначальника Забайкальского областного правления. По служебным делам он исколесил всю Восточную Сибирь. Побывал в Иркутске, Верхотенском округе, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, снова в Чите, Нерчинске... За десять лет безупречной службы в формуляре М.И. Орфанова набирается почти полтора десятка перемещений: стряпчий, секретарь полицейского управления, смотритель типографии, редактор официальной части газеты «Забайкальские областные ведомости», чиновник по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками...

На сибирской службе Михаил Орфанов оставался довольно долго и, как пишут об этом исследователи прошлого, «без принуждения». После смерти отца он мог бы сразу вернуться в Санкт-Петербург. Но он остался и продолжал исправно исполнять возложенные на него обязанности.

Знакомство Михаила Орфанова с Сибирью началось в гостинице Иркутска, которая содержалась «политическим ссыльным». И «все прислуживавшие в ней, – вспоминал Орфанов, – начиная от буфетчика и кончая работником, который возит дрова, воду и проч. – политические ссыльные; нанимаете извозчика, он оказывается политическим преступником; заходите в колбасную, молочную, к портному, к сапожнику, словом, к любому ремесленнику и медному торговцу – все политические!»

Все эти «политические», как писал Михаил Орфанов, – жертвы последнего польского восстания. А другого обслуживающего город персонала здесь нет. Поначалу Михаил Орфанов, обращаясь к извозчику или лакею за самыми простыми вещами, чувствовал себя неловко и боялся обидеть их. Но когда он ближе узнавал этот невежественный и грубый народ, неловкость эта исчезала. Были, правда, и исключения: попадались ему и действительно образованные люди, с которыми приятно было проводить время. Но таковых было немного. Отдавая справедливость ссыльным полякам, Михаил Орфанов отмечал, что они захватили здесь все: они первенствуют в медицинской и адвокатской практике; в их руках магазины с готовым платьем, бельем, обувью и прочим ходовым товаром; рестораны и гостиницы, безусловно, польские; большинство служащих на золотых приисках, в коммерческих конторах, в банках – поляки. Но среди каторжников и ссыльных были представители и других наций – русские, евреи, инородцы. На долю первых выпало искать золото и добывать его, евреям оставили только два рода деятельности – винокуренные заводы и скупку ворованного золота. Соперниками их в мелочной торговле являлись китайцы. Проложили свою дорогу в Восточную Сибирь и русские купцы, закупавшие на Нижегородской ярмарке товара на целый год, часто в кредит и на большие сроки. А везли в этот богом забытый край все: железо и сталь с Урала, керосин из Баку, хлеб с южных европейских районов России, сукно с фабрик Петербурга. В Забай-

калье не было ни одного стеаринового завода, несмотря на обилие скота. «Была где-то за Байкалом какая-то несчастная суконная фабрика, да и та прекратилась!» – с горечью писал Орфанов. Чиновник по особым поручениям, которому в Сибири предоставлялась вся полнота судебной и исполнительной власти, редактор правительственной газеты видел, что иркутское купечество к общественным делам, к развитию новых предприятий относилось крайне безразлично. Купцу проще закупить большую партию чая у китайца и за один путь до Нижнего Новгорода, действуя по принципу: «Не обманешь – не продашь!», заработать больше десятка тысяч.

Такая торговля, вместо развития в крае благосостояния, прямо вела к его обеднению, отрывала от земли лучших работников, развращала их кажушимися громадными заработками, которые тут же пропивались. Михаил Орфанов в своих очерках и рассказах представал перед читателями знатоком сибирской жизни и ее нравов. До него никто так не писал о Сибири. Его первые рассказы «из вольной и невольной жизни» очаровывали редакторов газет и журналов. «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова явится читателям позже, в 1928 году.

В столице Российской империи Михаил Орфанов был нежелательным жильцом, продолжая вращаться в народнических кругах. И поэтому поселился в Москве, где занялся исключительно литературной работой. Начиная в «Русских ведомостях». Именно в этом издании появились

первые рассказы Михаила Орфанова из сибирской жизни. Его литературная звезда взошла в 1881 году. Подписанные псевдонимом Мишля, они обратили внимание читающей публики и критиков. В этих первых очерках и рассказах чувствовалось богатство жизненного материала, где приводились неизвестные факты о быте и нравах Восточной Сибири.

В 1883 году у Михаила Орфанова вышла книга «В дали», после издания которой он испытал небывалый литературный триумф. Книга получила благоприятную оценку критики. Помимо Н.М. Ядринцева, на издание книги обратили внимание рецензенты известных российских журналов того времени, таких, как «Вестник Европы», «Дело», «Русское богатство», «Русская мысль». Правда, у цензора Московского цензурного комитета В.В. Назаревского было другое мнение о книге М.И. Орфанова. Автор представляет положение Восточной Сибири, писал цензор, «в безотрадном положении» и что «особенно мрачными чертами рисуются во второй части книги... положение ссыльных в Карийских рудниках». Цензор приходит к выводу о том, что «такое тенденциозное изложение дела не может не произвести на читателей мрачного и раздражающего впечатления».

В отличие от цензурного комитета, многие известные русские писатели того времени, с которыми жизнь свела Михаила Орфанова в «Русских ведомостях», поддержали его. Они отмечали простоту и правдивость рассказов писателя,

взятых «прямо из действительной жизни», как писал неизвестный рецензент журнала «Вестник Европы».

Рассказывая об обитателях четырехэтажного дома Олсуфьевых, который стоял в Москве на Тверской, напротив генерал-губернаторского дворца, Владимир Гиляровский вспоминал: «В эти годы самый большой номер, в две комнаты, занимал М.И. Орфанов-Мишля, бывший судебный следователь по должности, ярый народник-шестидесятник и автор «Сибирских рассказов», запрещенных для библиотек. Роста он был огромного, сложения богатырского, темная борода в полгруды, по-видимому, никогда не ведала ножниц, а косматая грива подстригалась раз-два в год». Ходил писатель в одной рубашке и в резиновых калошах на босу ногу. В номере у Михаила Орфанова (Мишля) стояли две кровати и диван вроде тургеневского «самосона», поперек которого могло в ряд улечься пятеро. И, действительно, ночевали у Мишля разные люди. Целый месяц жил бежавший из ссылки революционер-народник П.Г. Зайчневский. Не раз ночевали В.А. Гиляровский, Г.И. Успенский, автор книги «Год на севере», «стройный и красивый, с лицом, еще недавно обвеянным недавними полярными бурями Ледовитого океана», С.А. Приклонский, тоже печатавшийся в «Русских ведомостях». В 1883 году журнал «Дело» напечатал первую книгу Сергея Приклонского «Хроника рабочего труда в России».

Все перечисленные выше личности часто бывали у Михаила Орфанова, который любил у себя в номере устраивать чтения. Обычно он говорил Гиляровскому: «Сегодня в час приходите ко мне завтракать. Будут Нефедов, Приклонский и Глеб Иваныч. Он вчера приехал из Питера и сейчас еще спит у меня. Я хочу прочитать новый сибирский очерк. Ну так приходите, а я побегу к Генералову за закусками. Предупреждаю, водки не будет. Только пиво. Хочется серьезно прочитать».

Книга «В дали» не принесла Михаилу Орфанову материального благополучия. Писатель бедствовал, перебивался с хлеба на квас. «Я приготовил рассказ из Сибирских воспоминаний в 11/4 л. для журнала «Рус. мысль». Он должен был быть помещен в майской книжке, но за наплывом материалов из «Отеч. записок» отложен до осени, хотя был не только принят, но даже набран. Нашему брату-бедняку далеко не все равно, когда вещь поместится, и потому хотелось бы поместить ее скорей в другом месте, преимущественно в «Деле», так как получил приглашение от Станюковича работать у них», – писал Михаил Орфанов а мае 1884 года В.П. Острогорскому, редактировавшему после ареста К.М. Станюковича журнал «Дело». Последним произведением Михаила Орфанова были очерки под общим заглавием «Сибирские колонизаторы», в которых он показал различные типы уголовных преступников и рассказал об их дальнейшей судьбе в условиях

ссылки. Очерки печатались в девятом–одиннадцатом номерах журнала «Русская мысль» за 1884 год, когда их автора уже не было в живых. Михаил Орфанов умер четвертого сентября 1884 года в Мариинской больнице для бедных. Ему было 36 лет, похоронен на Ваганьковском кладбище Москвы, рядом с писателями Александром Левитовым и Михаилом Вороновым.

«Теперь о Левитове никто не знает, не помнит, а он был когда-то в первых рядах русской литературы и был не случайно, а с полным основанием...» – писал Иван Бунин. Но его слова можно отнести и к Михаилу Орфанову. За сто сорок лет после его смерти из творческого наследия Михаила Орфанова в России не издано ни одной книги, не напечатано ни одного произведения. Но за истекшее время его очерки и рассказы не затерялись: опубликованные в разных журналах и газетах XIX столетия они ждут своего издателя. Сегодня к ним обращаются исследователи, краеведы, все те, кто изучает прошлое Восточной Сибири.

Рожденный на ставропольской земле, Михаил Орфанов-Мишла, ставший классиком российской литературы, по праву относится к тем, кто составляет достояние культуры нашего края.

МАСТЕР

Памяти Ивана Аксенова

Не так давно по центральному телевидению шла передача с участием одного из музыкантов группы «Ласковый май». На вопрос, правда ли, что в его родном селе Привольном, расположенном на севере Ставропольского края, появился на свет крупный политический деятель М.С. Горбачёв, он ответил примерно так: «Правда. Но привольненцам от этого совсем не радостно, потому как этот политический деятель сыграл зловещую роль в развале страны. Зато мы с полным правом гордимся тем, что в нашем селе родился замечательный русский писатель Иван Михайлович Аксёнов».

Дата рождения: 18 августа 1935 года. Родители – крестьяне-колхозники. Отец погиб на войне, и матери пришлось одной поднимать четверых детей. Работа за трудовни, то есть за ничего не значащие



**Олег
ВОРОПАЕВ**



«палочки» в учётной книге самодура-бригадира, который с садистским удовольствием оскорблял и унижал колхозниц, потерявших на фронте мужей. Холод, голод, оккупация, вопиющая бедность. Из-за невозможности приобрести обувь Ванечке пришлось отложить учёбу в первом классе на год. Однако не стану я здесь рассуждать о невзгодах и мрачных перипетиях, выпавших на детство и юность будущего поэта, так как он сам об этом периоде своей жизни достаточно подробно рассказывал в книге «Лоскутное одеяло». В библиографии Аксёнова эту книгу я выделяю особо, предоставляя ей самое заметное место на полке ставропольских авторов.

Иван Михайлович никогда не стеснялся своих корней, даже скорее наоборот – гордился ими. «Меня как личность сформировали книги, – говорил он. – Я в детстве много читал. Всё подряд. Это потом уже понял, что знания подразумевают систему...» Однако без заложенных изначально способностей ничто не разовьёт человека до уровня тонкого лирика и художника. Да, да! Я не оговорился. Художника. Иван Михайлович удивительно легко рисовал как левой, так и правой рукой, чему я не раз был свидетелем. Провидение иногда наделяет человека от рождения удивительными способностями. Как будто поддразнивает: «Ну-ну, а дальше-то что из тебя получится?» Иван Михайлович – состоялся. И не только как художник или поэт, но и как наставник, учитель. За плечами у него более сорока лет педагогического стажа и, соответственно, сотни благодарных учеников. В их рассказах особенно мне запомнилось то, как, будучи детьми, они стреми-

лись во всём ему подражать. Что ж, пример для подражания достойный. Многие из выпускников Аксёнова тоже стали учителями.

Какие же ещё у Ивана Михайловича были таланты? Да множество! Например, талант дружить. Все его друзья, и я в том числе, знают о том, как серьёзно и трепетно он относился к понятию «мужская дружба». И если уж такие отношения завязывались, то завязывались они на долгие годы, с неизменным пониманием того, что этот человек никогда не предаст, не сфальшивит и всегда поддержит.

А талант быть мужем? Много ли мы знаем семей, где супруги прожили в любви и согласии более шестидесяти пяти лет? В 1958 году Иван Михайлович и Полина Васильевна поженились на последнем курсе Ставропольского государственного педагогического института. Он – выпускник историко-филологического, она – естественно-географического факультетов. А любовь-то была ещё со школы – за одной партой сидели! – и пронесли они это взаимное чувство через всю жизнь.

В 1959 году молодые специалисты распределились в село Горнозаводское тогда Аполлонского, а ныне Кировского района Ставропольского края. В этом же году родился старший сын – Анатолий. Об этом периоде Полина Васильевна со смехом рассказывала, как дети, не желая расставаться с полюбившимися им учителями, буквально висели у них на заборе. Приходилось объяснять, что так делать не следует, но это не помогало. Детское любопытство не так уж и просто переломить. Как-то один из мальчиков в классе спросил: «Полина

Васильевна, а как вы зовёте дома Ивана Михайловича?» – «Так и зову: Иван Михайлович», – отшутилась Полина Васильевна. Но тут же была разоблачена другим мальчиком: «Нет! Я всё слышал! Вы зовёте его Ванечка!»

В 1965 году Аксёновым предложили работу в одной из школ районного центра – станицы Новопавловской (ныне город Новопавловск). Предоставили жильё. Тут они и остались, место жительства уже не меняли.

В 1972 году появился на свет сын Андрей, трагически погибший в возрасте двадцати двух лет: попал под электрическую дугу на железнодорожной станции во время подготовки телерепортажа. Андрей учился на факультете журналистики в Ростовском государственном университете и параллельно работал репортёром на местном телевидении. Семья тяжело пережила утрату. Поэма Аксёнова «Плач по Икару» как раз об этом. Читать её больно.

Как же происходит формирование поэта? У каждого автора свой путь.

Иван Михайлович рассказывал, что стихи он начал писать со школьных лет. Директор школы Геталов, узнав о таком увлечении своего ученика, подарил ему общую тетрадь (в то время большая редкость), попросил записывать туда стихи и непременно ему их показывать. Несколько стихотворений были отправлены в районную газету, где их опубликовали. Юный поэт, конечно же, был на седьмом небе от такого признания. «Естественно, стихи были слабые, – впоследствии признавался Иван Михайлович, – но идеологически выдержанные. Что-то в духе

«расцветай, мой край любимый, под мирным знаменем труда».

В студенческие годы увлечение Аксёнова поэзией всячески поощрял и приветствовал преподаватель института и известный ставропольский литератор Карп Григорьевич Чёрный. Вот она, преемственность поколений.

До наших дней дожил рукописный журнал «Старый циник», который студенты-сокурсники – Иван Аксёнов, Анатолий Павлов и Виктор Бабиченко издавали совместными усилиями. Язвительные стихи. Полная обличительного сарказма проза. Официально такое, конечно, было не опубликовать. А вот нажать проблемы с органами госбезопасности – запросто. Журнал ходил по рукам. Читали его как студенты, так и преподаватели. Как говорится, хорошо, что никто на авторов не «капнул куда следует».

Иван Михайлович Аксёнов честно прожил свою жизнь. Писал тоже честно. По-другому не мог. Поэтому в советское время публикаций в официальной печати у него практически не было. Какой-то из рассказов готовы были принять к изданию, но поставили условие: автору необходимо изменить концовку. Мол, герой должен уехать не в город, а в отсталый колхоз, где начнёт успешно поднимать сельхозпроизводство. Аксёнов переделывать отказался и кинул рассказ в стол. Когда в начале девяностых годов мы с ним познакомились, в столе у него уже лежали рукописи двух романов – «Осенний свет» и «Спящие собаки». Кроме этого, не менее десятка повестей и рассказов. А ведь были ещё и стихи. Много прекрасных стихов, написанных мастером.

В девяностые годы страна стремительно менялась. К сожалению, не всегда в лучшую сторону. Что касается людей, занимающихся литературой, положительным было то, что исчезла цензура – пиши-издавай что хочешь, только деньги плати. Отрицательным – то, что власть перестала вообще замечать писателей. Хоть пой дифирамбы ей, хоть не пой, позиция неизменная – а не пошёл бы ты, господин сочинитель, куда подальше! Вот и разбрелись «инженеры человеческих душ» кто куда. Кто луковые поля охранять, кто в бизнес, а кто водку пить.

Что касается Аксёнова, то он, освоив самостоятельно макетирование и вёрстку книг, отправился прямым ходом в районную типографию. Этих знаний как раз не доставало её директору В. Мицык. Совместными усилиями они издали коллективный сборник стихов и прозы членов литературного объединения «Лира». И название у сборника очень даже символичное – «Звуки лиры». Следующей книгой была «Голубая свирель» Анатолия Павлова, друга и сокурсника. В этом весь Иван Михайлович – не своё стал печатать, сначала – друга. Даже с помощью сына Анатолия спонсора для этого дела отыскал.

Когда выпуск книг налажен, потянулись авторы. Сначала – из Кавминвод, потом из других городов и весей края. Как выразилась писательница из Кисловодска Юлия Каунова: «Мы, как из гоголевской шинели, выросли из Кировской районной типографии. И прежде всего благодаря Ивану Михайловичу».

Я сам много раз был свидетелем того, как он работал с авторами – редактировал, советовал,

делал иллюстрации, выполнял работу корректора, а по сути дела составлял готовый макет книги. Компьютерной вёрстки в девяностые годы ещё не было. Мог бы на этом хорошо зарабатывать, но не брал ни копейки! В этом тоже был принцип его жизни, поначалу меня удивлявший, а впоследствии так же ставший моим. Я вывел бы его так: «Добро не может быть корыстным».

С Иваном Михайловичем мы познакомились в сентябре 1993 года. Оказавшись волей судьбы в Новопавловске, я привёз с собой толстую папку стихов и уже считал себя состоявшимся автором. Уверенности в творческих силах придавало то, что мои опыты печатались в районных газетах и даже в одной областной – «Полярной правде». Что-то из написанного предложил в местную газету. Редактор, пробежав глазами тексты, сказал: «Литературная страница у нас выходит. Готовит её писатель Аксенов. Стихи эти, пожалуйста, покажите ему, – вернул мне листки. – Запишите телефон». Созвонились.

И вот передо мной мужчина, очень похожий на Ретта Батлера из фильма «Унесённые ветром» (вот тебе и крестьянские корни!). Беседуем. Полина Васильевна угощает чаем с вареньем.

Можно ли было предположить тогда, что дружба с этой семьёй продлится более тридцати лет и что Иван Михайлович, по сути, станет для меня не только другом, но и творческим наставником, который будет поступательно делать всё от него зависящее для того, чтобы я состоялся как литератор? Скажу больше. Кровь ударила мне в голову, когда во вторую встречу он вернул мне папку, одобрив из неё стихотворений пятнадцать. С внутренним него-

дованием я выслушал приговор: «Вот это годится. Остальное требует работы...»

Почему я тогда не вспылал, сдержался? Да потому что уже успел почитать его стихи и прозу. «Мастер ругает, терпи!» – сказал я себе.

Можно ли сделать человека писателем? Нет, конечно. Талант – нечто, данное свыше. Иван Михайлович это прекрасно знал и никогда не пытался учить писательскому ремеслу. Учил он обратному – как не надо писать. Когда я, считая что-то из написанного своим открытием, пытался с ним спорить, он говорил так: «Есть русский язык, и не надо его коверкать!» Далее следовал подробный разбор текста.

Ещё одно приложение творческих сил Аксёнова – это переводы. С немецкого, испанского и украинского языков. Итогом этой работы стала изданная в Кировской районной типографии (2015 г.) книга, которая так и называется «Переводы». В ней представлены восемнадцать авторов, от знаменитого Федерико Гарсиа Лорки до мало кому известного Васыля Симоненко. Подстрочники Иван Михайлович делал сам. Испанским и немецким языками владел со словарём, украинский знал с детства. Не удержусь и всё-таки приведу здесь его перевод из Густаво Адольфо Беккера:

* * *

*Что я сказать могу? Прекрасно знаю сам:
Она горда, тщеславна и капризна,
И, прежде чем любовь родится в ней,
Скорей вода из скал бесплодных брызнет.*

*Я знаю, сердце в ней – змеиное гнездо.
В нём ни частички нет, к любви
небезучастной.
Она – как статуя безжизненная... но...
Она прекрасна!*

С подачи Ивана Михайловича я тоже сделал несколько переводов с немецкого из Райнера Марии Рильке. В дальнейшем этот урок помог мне в работе над переводами поэтов из кавказских республик.

В творческом багаже Ивана Михайловича двадцать книг. Не стану все перечислять. Укажу лишь на жанровое разнообразие их содержания – романы, повести, эссе, рассказы, стихи, переводы, критические и обучающие статьи.

Имело место и признание заслуг. Лауреат губернаторской премии в области литературы, дипломант Всероссийского конкурса премии «Хрустальная роза Виктора Розова» с медалью «За вклад в отечественную культуру», почётный гражданин города Новопавловска.

В 1985 году И.М. Аксёнов создал и до 2020 года бессменно руководил районным литературным объединением «Лира». В 1997–1998 годах был редактором газеты «Новопавловское утро», в каждом номере которой был представлен кто-то из ставропольских поэтов или прозаиков.

Когда председатель краевой писательской организации А.И. Куприн предложил Ивану Михайловичу подготовить книгу, включающую в себя фотографии, краткие биографии и избранные тексты ставропольских авторов, он с воодушевлением

принял участие в реализации этого проекта. Дело, однако, оказалось совсем не лёгким и растянулось на год. Корректурa, набор текстов, редактирование, оформление обложки, переписка с писателями – ох, уж эти капризные писатели! – то им не так, и это не эдак. Тут ещё выяснилось, что фотографии некоторых ушедших из жизни авторов никуда не годятся. Пришлось редактору браться за карандаш и самому рисовать портреты. А ведь такой труд в обычных издательствах ложится на плечи нескольких человек да ещё и оплачивается неплохо. Но справился Иван Михайлович. Закалка военного поколения не подвела. Полное название книги «Имена в истории Ставропольской краевой писательской организации» (2014 г.). По сути, это академическое издание, в котором на 735-и страницах в алфавитном порядке представлены прозаики и поэты края.

Очень верно о роли Аксёнова в жизни краевой писательской организации сказал В. Бутенко: «Мы все у него учились жизнелюбию и умению творить добро.. И самое интересное, что этот процесс воспитания происходил незаметно». Незаметно, то есть естественно – как дышать, как слышать ноту, верная она или фальшивая.

Более тридцати лет прошло с тех пор, как я принёс на суд Ивану Михайловичу папку своих виршей, из которых лишь два или три впоследствии включил в сборник. Выходит, что прав был Мастер, сказавший тогда: «Над текстом надо работать серьёзно. Одно лишь корявое или неверное слово выводит всё стихотворение за рамки литературы».

Мы крепко за это время сдружились. Беседовали о жизни, о творчестве, о политических новостях. Нередко Иван Михайлович по памяти читал мне стихи самых разных авторов, иногда по-испански и по-немецки. Цитировал отрывки прозы из Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Юрия Казакова и даже из Гомера и «Слова о полку Игореве»... «Не мозг у вас, а компьютер!» – поражался я способностям этого уникального крестьянского сына.

Сближало нас ещё и чувство юмора. Пошутить и подурачиться – это запросто было. Мы так заразительно иногда хохотали, что Полина Васильевна порою взволнованно заглядывала в комнату: «Ванечка, тебе так нельзя! Вдруг дыхания не хватит. Утром ещё на сердце жаловался».

...Сентябрь 2024 года. Я собрался в Карелию провести друзей. «Может, не поедешь?» – спросил он. Я отвёл глаза: «Надо съездить. Обещал уже...» – «Ну, тогда помирать погожу. Дождусь тебя...»

Так и случилось. 21-го сентября я вернулся.

26-го Ивана Михайловича после горлового кровотечения госпитализировали в хирургию. 27-го я пришёл к нему в палату. «Мне трудно говорить», – сказал он. И всё же проговорили мы целый час. Такое оживление наступает... ясно, перед чем оно наступает. Прощаясь, он протянул руку. Я наклонился. Он тихо, одними губами сказал: «А ведь тебе будет плохо без меня...»

28-го сентября 2024 года в шесть часов утра сердце Мастера перестало биться.

Светлая память... Мне действительно без него плохо. И до конца моих дней будет его не хватать.

Литературное Ставрополье
Альманах № 4 (2024)

Отпечатано в ООО «Славянская Типография»
Воронеж, пр-т Труда, д. 46д, помещ. 1, ком. 1

Подписано в печать 00.11.2024
Тираж 1000 экз. Заказ № 00